

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи



БЕЛЯЕВА Ирина Владимировна

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Болдырев Николай Николаевич

Тамбов 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ	12
1. Интерпретирующий характер языковой картины мира	12
1.1. Взаимодействие трех систем: системы мира, системы языка и концептуальной системы человека	12
1.2. Доминантный принцип организации языковой картины мира.....	16
1.3. Лингвокультурологический аспект фразеологизмов и их роль в языковой картине мира	22
2. Основные положения общей лингвистической теории интерпретации	28
2.1. Фразеологическая категория как форма организации единиц в языковой системе	28
2.2. Компонент-зооним в составе фразеологизма	36
2.3. Значения ФЕ с компонентом-зоонимом в свете теории интерпретации	42
2.4. Межконцептуальные связи как основа формирования интерпретирующих значений ФЕ	51
3. Интерпретирующий аспект значений ФЕ с компонентом- зоонимом	58
3.1. Оценка как важнейшая составляющая интерпретирующих значений ФЕ	58
3.2. Классификации оценок	63
3.3. Особенности структурной организации оценочных значений ФЕ с компонентом-зоонимом	67
3.4. Принципы формирования интерпретирующих значений ФЕ с	70

КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	78
ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ	82
1. Модели и механизмы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом	82
1.1. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК	82
1.2. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и АРТЕФАКТ	114
1.3. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и НЕЖИВАЯ ПРИРОДА	123
1.4. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР	130
1.5. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ	138
2. Типология интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом	153
2.1. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом оценочного типа	153
2.2. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом селективного типа	166
2.3. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом классифицирующего типа	174

3.	Роль ФЕ с компонентом-зоонимом в языковой картине мира	181
3.1.	Концептуальные основы национальной специфики интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом	181
3.2.	Социокультурные когнитивные доминанты формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом	186
	ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	195
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
	Список использованной научной литературы	204
	Список использованных словарей	224
	Список источников фактического материала	226
	Приложение	227

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию интерпретирующей функции фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентом-зоонимом в языковой картине мира. Под ФЕ с компонентом-зоонимом понимаются устойчивые словосочетания, содержащие в своем составе наименования животных или производные от них прилагательные.

Объектом исследования выступают русские, английские и французские фразеологизмы с компонентом-зоонимом и репрезентируемое ими концептуальное содержание интерпретирующего характера. В целом проанализировано 4500 фразеологизмов с компонентом-зоонимом, из них русских 1600, английских 1400 и французских 1500.

Предметом исследования являются вторичные, интерпретирующие значения и смыслы ФЕ с компонентом-зоонимом.

Цель настоящей диссертации состоит в выявлении интерпретирующей функции фразеологизмов с компонентом-зоонимом в языковой картине мира, описании их интерпретирующих значений и рассмотрении концептуальных основ формирования этих значений, а также в анализе когнитивных и языковых механизмов интерпретации на примерах ФЕ отдельных концептуально-тематических областей.

Поставленная цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть ФЕ с компонентом-зоонимом как средство вторичной номинации в рамках общей лингвистической теории интерпретации, определить их место и роль в языковой картине мира.

2. Проанализировать концептуальные основы, когнитивные и языковые механизмы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом. Выявить концептуально-тематические области, на которые проецируется интерпретирующий потенциал зоонимов в составе ФЕ.

3. Определить типы интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, реализующие интерпретирующую функцию языка во всех ее проявлениях: оценка, классификация, селекция.

4. Выявить концептуальные основы и аргументировать доминантный принцип национальной специфики интерпретации ФЕ с компонентом-зоонимом посредством анализа социокультурных когнитивных доминант в формировании фразеологических интерпретирующих значений.

Гипотеза исследования заключается в том, что значения ФЕ с компонентом-зоонимом являются продуктом интерпретирующей деятельности человеческого сознания, результаты которой фиксируются в языковой картине мира. Образование интерпретирующих значений на базе уже существующих, зафиксированных в языковой форме знаний свидетельствует об их вторичном статусе и позволяет предположить существование связей между разными концептуально-тематическими областями, которые и служат основанием для формирования данных значений. Эти знания могут обладать культурно-национальной маркированностью, обусловленной влиянием социума и культуры.

Актуальность исследования обусловлена его связью с когнитивной парадигмой научного знания, которая подразумевает выявление специфики интерпретирующей деятельности человеческого сознания, отраженной в интерпретирующих значениях ФЕ с компонентом-зоонимом. Рассмотрение ФЕ как средства вторичной интерпретации, сформированного в результате опытного взаимодействия человека с миром, позволяет описать фразеологические значения с позиции антропоцентризма, расширив, тем самым, представление о взаимодействии мыслительных и языковых структур.

Для реализации исследовательских задач использовались следующие **методы**: концептуальный анализ, анализ дефиниций ФЕ, этимологический анализ, когнитивное моделирование, метод моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на примере фразеологизмов).

Теоретической базой для исследования послужили работы следующих отечественных и зарубежных ученых, описывающих языковые единицы с позиции взаимосвязи языка и культуры, а также отражения знаний в языке, включая их вторичную репрезентацию в интерпретирующих значениях на основе первичных структур знания: Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, Н.Н. Болдырева, В.В. Виноградова, Е.С. Кубряковой, А.В. Кунина, М.В. Никитина, Л.А. Панасенко, В.Н. Телия, А. Вежбицкой, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р.И. Павилёниса и др.

Научная новизна исследования состоит в описании интерпретирующей функции и типологии интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, вторичного статуса их происхождения. Исследование позволило впервые выявить и описать концептуальные основы, механизмы и доминантный принцип формирования интерпретирующих значений фразеологизмов, которые свидетельствуют о селективности интерпретирующей деятельности сознания, отраженной в языковой картине мира в виде когнитивных доминант. Новым в исследовании является выделение концептуальных связей, а также перечня характеристик, которые служат основами для формирования этих связей и, соответственно, интерпретирующего потенциала ФЕ с компонентом-зоонимом. Описаны способы трансформации одних интерпретирующих значений в другие посредством смены когнитивных доминант.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении теоретических основ фразеологии с позиции когнитивной лингвистики, в частности, теории интерпретации и теории когнитивных доминант посредством выявления принципов и механизмов реализации интерпретирующей функции ФЕ с компонентом-зоонимом и интерпретирующей природы языковой картины мира. Теоретическая значимость также обусловлена выявлением когнитивных моделей, отражающих концептуальное взаимодействие разных концептуально-тематических областей на основе общих дифференциальных признаков,

уточнением принципов организации языковой картины мира с позиции ее когнитивных доминант.

Практическая значимость настоящей диссертации состоит в систематизированном рассмотрении интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом в качестве результата вторичной интерпретации, а также в разработке типологии интерпретирующих значений на основе реализуемой ими функции. Результаты исследования могут применяться в качестве дополнительного материала в преподавании курса когнитивной семантики, когнитивной лексикологии, сравнительной типологии языков, при подготовке научно-квалификационных работ, составлении словарей, справочников и учебно-методических пособий, а также в практике обучения иностранным языкам.

Апробация результатов исследования имела место в ходе участия в научных мероприятиях и публикациях научных статей. Так, основные положения исследования отражены в публикациях и докладах на следующих научных и научно-практических конференциях: IX Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2019), X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020); Международной конференции «Международный диалог: Восток – Запад» (Свети-Николе, Македония, 2020); Всероссийской научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы» (Тамбов, 2020). Результаты исследования также отражены в главе коллективной монографии «Когнитивные доминанты языкового сознания» и в статье, опубликованной в научном журнале, индексируемом в Scopus.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Языковая картина мира как система знаний о мире, представленных в языковой форме, включает репрезентирующие и интерпретирующие элементы. Фразеологизмы относятся ко второму типу элементов, поскольку интерпретируют существующие (и уже вербализованные) знания о мире.

2. Специфика ФЕ с компонентом-зоонимом заключается в том, что они реализуют интерпретирующую функцию за счет переосмысления зоонима в контексте других концептуально-тематических областей. Это переосмысление обусловлено возможностью установления концептуальных связей между объектами разных областей на основе сходства их дифференциальных характеристик.

3. Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом обеспечивается возможностью установления межконцептуальных связей между областью ЖИВОТНЫЙ МИР, с одной стороны, и такими областями, как ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, с другой.

4. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом основано на механизме концептуальной деривации – порождении нового смысла на базе исходного знания. При этом основанием для концептуальной деривации выступает наличие схожих признаков у интерпретирующего и интерпретируемого объектов. Выявленные признаки представляют собой знания разных форматов: перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов, операционального опыта и ассоциативного знания.

5. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом могут иметь селективный, классифицирующий или оценочный характер в соответствии с тремя основными функциями интерпретации, что определяет их общую типологию.

6. В основе формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом лежат когнитивные механизмы профилирования, концептуального сравнения (анalogии), метафоры, метонимии и метафтонимии, позволяющие интерпретировать объекты с позиции разнообразных качеств: физических, анатомических, физиологических, функциональных, социальных, психических, моральных, а также языковые механизмы: семантическая деривация, вторичная номинация, сочетаемость зоонима с лексикой, не

связанной с обозначением животного, реализация зоонимом функции определения.

7. ФЕ с компонентом-зоонимом отражают культурно-национальную специфику интерпретации, обусловленную доминантным принципом организации национальной языковой картины мира, которая структурирована относительно социокультурных когнитивных доминант значимых для представителей конкретного народа знаний, выступающих в качестве ориентиров в процессе языковой интерпретации.

В соответствии с содержанием решаемых исследовательских задач работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала и приложения.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются цель, задачи, объект, предмет, гипотеза и методы исследования, описывается его теоретическая база, отмечаются источники фактического материала, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представляются сведения об апробации результатов исследования. Введение также содержит положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** «Теоретические основы исследования интерпретирующей функции фразеологических единиц с компонентом-зоонимом» рассматривается проблема интерпретирующего характера языковой картины мира, включающей фразеологию, границ определения фразеологии, определяются функция и типы зоонимов в составе фразеологизмов, дается теоретическое обоснование интерпретирующего характера ФЕ с компонентом-зоонимом.

В **Главе II** «Реализация интерпретирующей функции фразеологизмов с компонентом-зоонимом» рассматриваются концептуальные основы, когнитивные и языковые механизмы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом на примере взаимодействия концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР с другими областями: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР,

АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ. Описываются типы интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, а также обосновывается роль интерпретирующей функции фразеологизмов в доминантном принципе организации языковой картины мира. Для решения центральных исследовательских задач применяется моделирование интерпретирующего потенциала языковых единиц и когнитивное моделирование.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, излагаются его основные результаты. В Приложении представлены сводные таблицы интерпретирующего потенциала ФЕ с компонентом-зоонимом относительно анализируемых концептуально-тематических областей.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

1. Интерпретирующий характер языковой картины мира

1.1. Взаимодействие трех систем: системы мира, системы языка и концептуальной системы человека

На протяжении жизни человек приобретает большое количество знаний, нуждающихся в систематизации, которая ускоряет процесс их выбора в случае необходимости. Такая систематизация осуществляется как на уровне сознания, так и на уровне языка и является результатом интерпретирующей деятельности человека. Н.Н. Болдырев отмечает, что понятие интерпретации может трактоваться в широком и в узком смысле. Он пишет, что «в широком смысле этого слова интерпретация может пониматься как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня, и в этом отношении она шире языковой когнитивной деятельности» [Болдырев 2019а: 253]. В узком смысле интерпретация рассматривается как «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [см. там же].

В современной когнитивной лингвистике принято различать три системы знаний неязыкового (когнитивного) и языкового характера: картину мира, языковую картину мира и концептуальную систему. Р.И. Павилёнис определяет концептуальную систему как «систему концептов, представляющих собой в содержательном смысле информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид — носитель такой системы — о действительном или возможном положении вещей в мире (то, что он думает, знает, предполагает, воображает и т. д. об объектах мира в возможно широком понимании термина

«объект» [Павилёнис 1983: 240]. Он пишет о том, что «концептуальная система отражает предпочтения, отдаваемые определенному концепту или определенной концептуальной структуре в качестве мнения носителя языка – к какому бы аспекту восприятия или познания мира оно ни относилось. Множество таких выделенных взаимосвязанных и связанных отношением интерпретации со всей концептуальной системой структур и образует «систему мнений», или «концептуальную картину мира» носителя языка» [см. там же].

Концептуальная система человека изменчива, ее формирование и рост – это постепенный процесс, зависящий от сфер человеческой деятельности, от жизненного опыта, пола, возраста, окружения и многих других факторов. Из-за большого количества оказывающих влияние факторов концептуальные системы индивидов значительно различаются как по своему содержанию, так и по степени соотнесенности с объектами реального мира.

Концептуальная система включена в картину мира, представляющую собой не просто систему знаний, а образ мира, созданный на их основе. Термин «картина мира» возник в XIX веке, однако идея о языковом мировидении впервые звучала еще в работах В. фон Гумбольдта об «объединенной энергии народа» [Stubbs 2002: 56]. Картина мира – это целостный, глобальный образ мира, выступающий результатом всей духовной деятельности человека, всех его контактов с миром – бытовых контактов, предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира [Постовалова 1988: 19-20].

Образ мира изменчив из-за влияния тех же факторов, которые определяют содержание концептуальной системы (см. выше). Сравним мир глазами ребенка, населенный сказочными существами и насыщенный мелкими деталями, кажущимися значительными только для детей, и мир взрослого, смотрящего на все с позиции рационализма. Несмотря на непостоянство картины мира, ее важнейшая особенность заключается в ее внутренней безусловной достоверности для субъекта этой картины. В.И. Постовалова пишет, что «картина мира рассматривается ее субъектом не как картина и осознается не как исторически конкретное видение реальности, а как

смысловой двойник мира», т.е. «образ мира воспринимается в картине мира как сама реальность» [Постовалова 1988: 46-47]. Таким образом, знания о фрагментах мира, полученные в результате интерпретирующей деятельности, кажутся нам достоверными и неоспоримыми.

Картина мира содержит не только вербализованные концепты, но и те, которые не выражены с помощью языковых средств, что отличает ее от языковой картины мира, репрезентирующей и объективирующей структуры знаний в языковой форме. Иными словами, языковая картина мира – это совокупность знаний и представлений о мире, зафиксированных посредством языка. Согласно В.Г. Кузнецову, под языковой картиной мира понимается «восприятие объективного мира через посредство лексико-семантической и грамматической системы родного языка» [Кузнецов 2020б: 65]. При этом автор подчеркивает, что «языковая картина мира является общей для всех членов коллектива. Поэтому неправомерно выделение индивидуальной языковой картины мира» [Кузнецов 2017: 291].

Языковая картина мира включает в себя элементы репрезентирующего и интерпретирующего характера, которые зависят от первичного или вторичного статуса их происхождения. Н.Н. Болдырев пишет о том, что «первичная интерпретация означает активное, целенаправленное участие человека в структурировании мира, схематизации опыта взаимодействия с ним и предполагает выделение единиц знания (концептов) с помощью языка и их объединение в категории с общим языковым обозначением» [Болдырев 2016: 34]. В результате первичной интерпретации образуются значения репрезентирующих элементов языковой картины мира.

Аналогия в организации концептуально-тематических областей и лексических категорий из разных предметных сфер создает основу для развития у языковых единиц вторичных (интерпретирующих) значений и обеспечивает возможность использования их по отношению к разным предметным сферам с целью вторичной интерпретации знаний о мире [Болдырев 2014: 121]. Иными словами, значения интерпретирующих элементов

формируются на основе уже существующих и вербализованных в языке знаний, а сами элементы функционируют в качестве средств вторичной номинации. При этом предпосылкой вторичной интерпретации становится знание о сходстве дифференциальных признаков интерпретирующих и интерпретируемых объектов. Согласно В.Г. Кузнецову, «мотивирующий признак, положенный в основу номинации, выполняет гносеологическую (познавательную) функцию, участвует в структуризации и классификации объективной действительности, формирует языковую картину мира» [Кузнецов 2019б: 78].

Человек представляет собой языковую личность, выступающую в роли носителя и активного пользователя языка и определяющую стратегию интерпретации. Любая интерпретация осуществляется в рамках концептуальной системы отдельного индивида [Болдырев 2011а: 11-12]. В то же время мировосприятие и миропонимание языковой личности зависит не только от результатов ее собственного опыта взаимодействия с действительностью, отраженного в концептуальной системе, но и от культурной и национальной принадлежности.

М.Л. Ковшова подчеркивает, что «носители языка являются одновременно носителями культуры, т.е. в той или иной мере они «подключены» к культурному пространству как совокупности значений, образов, символов, установок, приоритетов общественного сознания – своего рода вершинам «айсберга» культуры, понимаемой как система наработанного в культуре за время существования человечества и как знание об этом» [Ковшова 2009а: 100]. Соответственно, познавательная деятельность осуществляется не в рамках определенного изолированного субъекта, а сообщества, которое вырабатывает общее представление о мире, интерпретируя в том числе его многообразие. Иными словами, вторичная интерпретация избирает своим объектом знания о мире, то, как он репрезентирован в коллективном сознании. Таким образом, «язык реализует интерпретирующую функцию, вытекающую

из взаимодействия трех систем: системы мира, системы языка и концептуальной системы человека» [Болдырев 2019a].

Языковая картина мира состоит из элементов с разной частотностью употребления, свидетельствующей о большей или меньшей «востребованности» знаний, лежащих в основе их значений. Отражение в языковой картине мира наиболее важных для человека знаний в форме языковых значений позволяет говорить о доминантном принципе ее организации.

1.2. Доминантный принцип организации языковой картины мира

Выборочность восприятия и интерпретации мира связана с неоднородной значимостью элементов, которая проявляется как на уровне концептуальной системы, так и на уровне языковой картины мира. Согласно Н.Н. Болдыреву, «концептуальная система не только включает единицы знания (концепты) и их объединения (категории) разного уровня сложности, но и приобретает конкретную структуру в виде определенных связей между ними: причинно-следственных, ассоциативных, иерархических, которая позволяет человеку адаптироваться к окружающей среде и нормально в ней развиваться. Эта структура, в свою очередь, выступает в качестве когнитивной схемы дальнейшего восприятия и осмысления мира, выдвигая те или иные элементы в качестве определенных доминант как призм мировосприятия, что дает основание предполагать, что для нее характерен доминантный принцип организации в целом» [Болдырев 2019б: 38].

Такой принцип организации концептуальной системы заключается в выделении приоритетных знаний, приобретаемых опытным путем и касающихся наиболее значимых аспектов жизни человека. Самые важные знания репрезентируются и интерпретируются в языке и это позволяет предположить, что доминантный принцип организации свойственен не только когнитивному, но и языковому сознанию. Так, Н.Н. Болдырев пишет о том, что

доминантный принцип «обнаруживает и языковое сознание, в котором все знания о мире соотнесены с теми или иными формами их языкового представления и систематизированы в виде языковой картины мира» [Болдырев 2019б: 38]. При этом языковые единицы, интерпретирующие значения которых указывают на наиболее актуальные концепты, функционируют в качестве языковых представителей когнитивных доминант.

В качестве когнитивных доминант могут выступать концепты, категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке, а также принципы построения речевого взаимодействия [Болдырев, Григорьева 2018: 15-16]. Данные принципы зависят от роли предмета (темы) общения, субъекта, социокультурных, интенциональных и языковых факторов. Н.Н. Болдырев и В.С. Григорьева выделяют тематический, субъектный, социокультурный, интенциональный и инструментальный принципы [Болдырев, Григорьева 2018: 16-22]. Эти принципы, как представляется, характерны для языковой интерпретации в целом, в том числе для фразеологии.

Формирование интерпретирующего значения фразеологизма тесно связано с тематическим принципом, который отвечает за правильный выбор ментальных структур и их языковых репрезентаций в соответствии с темой общения, что, в свою очередь, обуславливает формирование необходимых смыслов, имеющих конвенциональный или контекстуальный характер [Болдырев, Григорьева 2018: 22].

Субъектный принцип заключается в акцентировании внимания на роли человека и на объеме мышления, определяющих выбор конкретного языкового средства и его особенностей. Н.Н. Болдырев отмечает, что «для оценочных концептов и категорий особую значимость приобретают соответствие содержания индивидуальных концептуальных систем, а также адекватность оценки концептуальной системы собеседника, которая подразумевает учет говорящим всех индивидуальных особенностей человека, включая его возраст, интеллектуальное развитие, статус, условия работы» [Болдырев 2019а: 242-

244]. При использовании ФЕ говорящий принимает во внимание наличие у слушателя знания, необходимого для правильной интерпретации информации. Человек неодинаково строит свое общение с представителями разных социальных статусов: с начальником, с другом, с незнакомым человеком, с ребенком. Учитывая социальный статус реципиента, в качестве когнитивной доминанты адресат производит тщательный отбор адекватных языковых средств, в т.ч. фразеологизмов.

Социокультурный принцип раскрывает зависимость интерпретирующих значений от знаний, полученных в рамках той или иной культуры или социума. Данный принцип связан с наличием национальных или социальных когнитивных доминант, позволяющих одинаково воспринимать информацию представителям одного народа или одной социальной группы. Социокультурный принцип наглядно проявляется на примере фразеологизмов, связанных с культурными реалиями.

Выбор и осмысление конкретного языкового средства находится в прямой зависимости от интенции говорящего, являющейся непосредственной составляющей и когнитивной доминантой формирования смысла. Фразеологизмы используются человеком с целью выражения своих чувств и эмоций, поэтому интенция способна заключаться в передаче симпатии, неприязни, страха, презрения, удивления, восхищения и т.д. В зависимости от интенций говорящего одна и та же ФЕ может менять смысл при неизменности значения.

Инструментальный принцип проявляется при контекстуально обусловленном выборе фразеологизма. Адресат выбирает ФЕ в соответствии с целью коммуникации, которая, как правило, заключается не в назывании сущности, а в ее оценивании, т.е. в выражении своего личного отношения к ней, а также в попытке не только транслировать, но и навязать данное отношение адресанту, воздействовать на него. При этом фразеологизм выступает как средство формирования мысли.

Интерпретация – это творческий процесс отражения мира, результаты которого становятся понятными другим людям лишь при условии наличия общих когнитивных доминант. Лингвокреативная деятельность отдельного индивида осуществляется исходя из доминантного принципа строения его концептуальной системы. Отражение предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксации других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании понятиями [ФЭС 1983: 470]. Таким образом, весь процесс творческой интерпретации подчинен доминантному принципу, т.е. «ориентации человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности» [Болдырев 2019б: 39].

Ю.Н. Караулов предлагает двухуровневое исследование языковой личности. Первый уровень предполагает исследование результатов коллективной интерпретации: базовой, инвариантной части картины мира, которая является общей для конкретной эпохи. Второй уровень связан с индивидуальной интерпретацией и предполагает «вычленение и анализ переменной, вариативной части в картине мира, специфической для данной личности и неповторимой» [Караулов 2010: 37].

Учитывая индивидуальный и в то же время коллективный характер интерпретации, Н.Н. Болдырев различает общие и частные когнитивные доминанты. В свою очередь, «общие, коллективные, или конвенциональные доминанты подразделяются на территориальные, социумные, профессиональные, ценностные и т.д., которые в языковой деятельности обнаруживаются в использовании имен концептов и категорий, характерных для коллективного сознания соответствующих групп» [Болдырев 2019б: 40-41]. Общие доминанты представляют собой знания, на которые опираются представители определенных групп людей. В частности, во фразеологии

неодинаковый выбор компонента-зоонима в составе одного и того же фразеологизма представителями разных культур, может быть обусловлен особенностями фауны конкретной территории или спецификой категоризации, когда за прототип одной и той же категории принимаются разные концептуальные элементы. Один и тот же концепт ГЛУПЫЙ у русского человека ассоциируется с курицей (*куриные мозги*), у француза – с воробьем (*une cervelle de moineau*) – субординатный уровень, а у англичанина – с генерализованным образом птицы (*a bird brain*) – базовый уровень концептуализации и категоризации.

Владение коллективными доминантами необходимо человеку, живущему в обществе, так как с их помощью он вовлекается в жизнь народа и чувствует себя его частью. По мнению Л.В. Яценко, «социальная потребность в картине мира состоит в желании достичь единство видения действительности, создать средство, обеспечивающее интеграцию индивидов и групп и общее руководство разнообразными трудовыми процессами» [Яценко 1983: 51]. Именно поэтому для успешной коммуникации представителям одного сообщества необходимо ориентироваться на одни национальные или социальные когнитивные доминанты на уровне картины мира. Согласно Ю.Н. Караулову, «существует некоторая общая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, которая обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части. Инвариантная часть может расцениваться как аналог или коррелят существующего в социальной психологии понятия базовой личности, под которым понимается структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды» [Караулов 2010: 37].

По мнению Н.Н. Болдырева, «частные, индивидуальные, или субъективные, доминанты проявляются в выборе фокуса, аспекта осмысления, когнитивных и языковых механизмов формирования смысла и конкретных

языковых единиц для его передачи» [Болдырев 2019б: 40-41]. В индивидуальной картине мира когнитивные схемы конкретизируются, так как они пропускаются сквозь призму индивидуального опыта. В процессе индивидуальной интерпретации человек самостоятельно и каждый раз заново выбирает объект познания, ракурсы его изучения, а также способы и формы его языковой репрезентации [Болдырев 2019а: 31]. Так, человек, которого в детстве укусила собака, вряд ли будет согласен с утверждением *Собака – друг человека*. В таком случае проявляется антиномия социального и индивидуального, выявить которую возможно лишь при условии двухуровневого исследования языковой личности.

Концепт «собака» имеет неодинаковое содержание для кинолога и для человека, испытывающего страх перед данным животным, что также является проявлением индивидуальности концептов, связанной с тем, что они отражают личный опыт. Если человек не имел непосредственного взаимодействия с какой-либо сущностью, то он перенимает стереотипное знание о ней от представителей своего сообщества. У. Липпман понимает стереотип как «схематическое представление в сознании человека, мнение, приобретенное до личного познания объекта, явления, которое выступает в качестве средства экономии когнитивных усилий и адаптирует человека к социальному окружению» [Lippmann 1922].

Универсальность фразеологизмов состоит в том, что их интерпретирующие значения способны одновременно содержать как общую, так и частную когнитивные доминанты, поскольку отражают общественный стереотип, с одной стороны, и являются результатом творческой деятельности индивида, заключающейся в выборе способов и средств передачи данного стереотипа, с другой. Например, при зафиксированном в фразеологии стереотипе о том, что если объект отсутствует, то его унесло или съело какое-либо животное (общая доминанта), выбор средств и принципов репрезентации данного стереотипа остается за индивидом. Так, концепт ОТСУТСТВИЕ может

быть передан следующими ФЕ: рус. *пес на хвосте унес, корова языком слизнула, кошка съела*.

Когнитивные доминанты существуют во всех сферах общественного сознания: истории, философии, религии, литературе и т.д., представляя собой особые средства видения мира, сквозь призмы которых человек воспринимает всю информацию. Они определяют направление, в котором человек воспринимает и интерпретирует окружающую действительность.

Теория антропоцентризма предполагает, что человек акцентирует свое внимание на существенных, важных для него фрагментах действительности, выделяет наиболее значимые, по его мнению, связи и закономерности взаимодействия данных фрагментов друг с другом. Вся сознательная и языковая деятельность отдельного индивида и человечества в целом подчинена доминантному принципу, который позволяет «отсеивать» все лишнее и незначительное и концентрироваться на том, что действительно важно в конкретный момент времени. Таким образом, доминантный принцип организации языковой картины мира систематизирует все знания, включая те, которые обеспечивают культурно-национальную специфику интерпретирующих значений фразеологизмов.

1.3. Лингвокультурологический аспект фразеологизмов и их роль в языковой картине мира

Фразеологизмы представляют собой интерпретирующие элементы языковой картины мира, сформировавшиеся на базе значений репрезентирующих элементов (см. п. 1.1.). Совокупность знаний, зафиксированных во вторичных значениях ФЕ, составляет фразеологическую картину мира, которая является частью языковой картины мира.

Многие лингвисты отмечали, что одной из ключевых особенностей фразеологизмов является национально-культурная специфика их интерпретации [Бабкин 1970; Шанский 1996; Телия 1996; Гак 1999, Маслова

2001; Баранов, Добровольский 2008 и др.]. Культурно обусловленная специфика фразеологизма заключается в том, что его интерпретирующее значение содержит национально-культурную информацию, преподнесенную с позиции представителя определенной культуры. В.Н. Телия подчеркивает, что «история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое» [Телия 1996: 82].

Концепт, выражаемый ФЕ, содержит смысловые признаки, формирующиеся посредством установления ассоциативных связей между разными концептуально-тематическими областями. Согласно М.Л. Ковшовой, «проводником в культурное пространство служит сам образ фразеологизма – он «будит» в сознании смыслы, ассоциации, установки культуры, и связь с этими культурными смыслами осуществляют компоненты фразеологических образов» [Ковшова 2007]. Ассоциации предопределяются культурой носителя языка. В.Н. Телия отмечает, что «культурно-национальная специфика идиом заключается в возможности интерпретирования их значения в категориях культуры. Образная мотивированность фразеологизмов напрямую связана с мировидением народа-носителя языка» [Телия 1996: 214-215].

Нагляднее всего культурно-национальная специфика интерпретирующей функции проявляется при сопоставлении ФЕ в нескольких языках, так как один и тот же фрагмент мира неодинаково воспринимается и оценивается у разных народов. Такая специфика интерпретации проявляется не только в фразеологизмах разных языков, но и в словосочетаниях, относящихся к разным вариантам одного и того же языка, функционирующих в неодинаковых географических условиях. Например, во французском языке Квебека функционирует около 500 фразеологизмов, специфичных только для данного варианта французского языка [Кривоногова 1999: 294].

О национальной специфике интерпретации свидетельствуют различия метафорических (реже метонимических) образов, отраженных в языковой картине мира. Так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают, что о национально-культурных различиях фразеологизмов свидетельствует, прежде всего, несовпадение концептуальных метафор, заложенных в их основе [Баранов, Добровольский 2008: 264-265]. Именно концептуальная метафора является наиболее показательным когнитивным механизмом, раскрывающим особенности мировосприятия и миропонимания отдельного народа, «обозначая, метафора создает языковую картину обозначаемого. Эта картина особенно живописна и национально-колоритна, когда на основе метафоры формируются фразеологизмы-идиомы» [Телия 1988: 204].

В.Г. Гак предлагает различать два фактора национальной специфики ФЕ: объективный и субъективный. Объективный фактор заключается в природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого [Гак 1999: 260]. Например, русская ФЕ с компонентом-зоонимом *попал как кур во щи/в ощи/в ощи* связана с приготовлением национального блюда. Субъективный фактор национальной специфики фразеологизмов состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков [см. там же]. Обратимся к следующим примерам из фразеологии с компонентом-зоонимом: в русском языке *корова* ассоциируется с неуклюжестью, несуразностью (*идет как корове седло, как корова на льду, как корове пятая нога*), а в английском и французском языках *cow*, *vache* символизируют также аморальное поведение, предательство, подлость, глупость (англ. *to have a cow, a fair cow, to cow smb., a silly cow*; фр. *être vache avec qn, faire la vache, être vache des vaches, un coup de pied de vache*).

А.Г. Назарян отмечает, что «национальное своеобразие фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических и семантических особенностях ФЕ, при этом наиболее показательными являются различия именно на уровне семантики» [Назарян

1987: 34]. Такие различия свидетельствуют о том, что представители разных культур выбирают неодинаковые образы при интерпретации одних и тех же фрагментов мира и, следовательно, акцентируют свое внимание на разных признаках одних сущностей.

Зачастую ученые объясняют подобные несовпадения фразеологических систем не влиянием национальной картины мира, а различиями принципов и механизмов номинации объектов действительности. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают, что различия внутренней или внешней формы фразеологизмов в разных языках могут являться языковыми случайностями, а не разным проявлением интерпретирующей функции. Ученые отмечают, что «большинство идиом, как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники номинации» [Баранов, Добровольский 2008: 252]. Однако различия языковых и когнитивных механизмов фразеологической номинации также подчинены интерпретирующей деятельности человеческого сознания, организующей картину мира, тем самым, опосредованно влияя на нее.

О различной реализации интерпретирующей функции языка в картине мира свидетельствует также наличие мотивированных лакун во фразеологии. Подобные лакуны являются культурно обусловленными и напрямую зависят от экстралингвистических факторов. Так, отсутствие во фразеологическом фонде других языков фразеологизмов, содержащих культурные реалии, традиции, религиозные воззрения, знания об исторических фактах, событиях, особенностях быта конкретного народа, считается мотивированным. Например, рус. *грачи прилетели, на кривой козе не подъедешь*; англ. *like turkeys voting for an early Christmas, straight from the horse's mouth*; фр. *faire comme le chien de Cadet Rousselle, les oies du frère Philippe* и др.

По замечанию А.Г. Назаряна, источником культурно маркированного фразеологизма может послужить народноэтимологическое искажение, в

результате которого происходит замена одного из элементов словосочетания паронимом или омонимом [Назарян 1987: 169]. Подобные искажения зачастую связаны с тем, что знание, лежащее в основе значения одного из компонентов фразеологизма, устаревает и заменяется на новое, кажущееся носителю более актуальным. В частности, русская ФЕ *гол как сокол* на самом деле не содержит компонент-зооним. В старину слово «соко́л» употреблялось с ударением на последний слог и обозначало военное орудие для пробивания крепостных ворот или стен, представлявшее собой гладкое, «голое» бревно, окованное железом. Со временем люди забыли о существовании такого орудия и исказили произношение данного слова, подразумевая под его значением птицу, что существенно усилило степень идиоматичности выражения и сделало его значение немотивированным. Французский фразеологизм *parler français comme une vache espagnole* произошло от искажения выражения *parler français comme un Basque espagnol* при замене «Basque» существительным «vache».

По мнению В.Н. Телия, «фразеологизмы способны выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания, как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива» [Телия 1993: 310]. Источником идиом являются сочетания слов, отражающие самые разнообразные стороны жизни народа, выступающего в роли носителя языка, в основном его обиходно-бытовой опыт [Телия 1995: 11-12], и изменение содержания интерпретации в приведенных выше примерах, может объясняться тем, что народ забыл историческое или обиходно-бытовое знание, лежащее в основе интерпретирующих значений ФЕ. Однако А.Г. Назарян придерживается мнения о том, что искажения компонентного состава ФЕ, вероятно, не являются случайными и связаны с этнопсихологическим фактором, а именно со стремлением сделать речь более яркой, придав ей шутливые и гротескные формы [Назарян 1987: 171].

Зачастую, если знание забывается из-за потери связи понятия с реальной действительностью, происходит не искажение компонентов, а выпадение всего фразеологизма из узуса, в результате которого он приобретает статус архаизма. Например, рус. *агнец божий*, англ. *to put on the dog*, фр. *les courtisans de cheval de bronze*. М.В. Никитин пишет о том, что «фрагмент «картины мира», закодированный в ФЕ, характеризуется локально-временной ограниченностью» [Никитина 1999: 292].

Возможен и обратный процесс, связанный с появлением новых сфер человеческой деятельности. Потребность в интерпретации новых сущностей и в фиксации результатов данной интерпретации приводит к формированию новых языковых значений. При этом «между картиной мира как отражением реального мира и языковой картой как фиксацией этого отражения существует сложное, не однонаправленное диалектическое соотношение, которое свидетельствует об изменении категоризации в картине мира, о появлении новых концептов [Заботкина 1989]. Так, в связи с возникновением новых или распространением уже имеющих социальных явлений сформировались следующие фразеологизмы-неологизмы: рус. *барашек в бумажке* ‘взятка’, англ. *a doggy bag* ‘пакет с недоеденной в ресторане едой, который клиент может забрать с собой’, фр. *rédé comme un rhoque* ‘гомосексуалист’. Таким образом, картина мира не является статичной, а представляет собой динамическую систему, подверженную постоянным модификациям.

Следует отметить, что «новые знания формируются личностью не только в процессе знакомства с культурными предметами, но и в общении при восприятии речевых сообщений, когда путем рекомбинации наличных образов сознания, ассоциированных со словами этих сообщений, создаются возможности практически безграничного порождения новых знаний» [Тарасов 1999: 36]. Возможность вторичной интерпретации зафиксированных в языковой форме знаний свидетельствует о безграничном интерпретирующем потенциале языковых единиц, так как коммуникативная деятельность людей

дает основания для расширения языковой картины мира, в том числе за счет формирования новых фразеологизмов.

2. Основные положения общей лингвистической теории интерпретации

2.1. Фразеологическая категория как форма организации единиц в языковой системе

Основным дискуссионным вопросом фразеологии является проблема определения фразеологичности выражения, решение которой позволило бы выявить единые критерии отнесения отдельных единиц языковой системы к фразеологическому уровню. Решение данной проблемы осложняется индивидуальными характеристиками языков, так как «критерии фразеологичности варьируются в зависимости от типа языка» [Телия 1996: 56]. Помимо этого, важную роль играет человеческий фактор, поскольку ученые выделяют свои критерии, исходя из которых, создаются различные определения и варианты классификаций фразеологизмов, что создает сложности при установлении точных фразеологических параметров. Таким образом, в настоящее время актуальной задачей фразеологии остается выделение универсальных критериев определения ФЕ, являющихся общими для всех языков. В данном разделе приведем самые распространенные и, по нашему мнению, наиболее точные определения ФЕ и параметры их выделения.

В.Н. Телия использует интегрированный способ отбора фразеологического материала, относя к ФЕ все сочетания слов, для которых характерны три основных параметра: 1) принадлежность к номинативному инвентарю языка, 2) признак полной или частичной идиоматичности; 3) свойство устойчивости, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов «в готовом виде». Согласно В.Н. Телия, «фразеологизмами могут являться как целые предложения, требующие модальной актуализации, так и лексически незамкнутые фразеологические

структуры, в которых возможны различные варианты замыкания» [Телия 1996: 57-58]. «Незамкнутые фразеологизмы характеризуются тем, что содержат одну или две эксплицитно невыраженные обязательные валентности, кроме валентности на субъект» [Назарян 1987: 76]. Например, рус. *куры не клюют чего-либо* (денег, продуктов и др.), англ. *weasel out of something* (person, punishment и др.), фр. *être à cheval sur qch* (sur la discipline, sur la morale и др.). Возможные варианты, позволяющие завершить мысль, определяются в фразеологии как слова-сопроводители.

В.Г. Гак выделяет два аспекта устойчивости словосочетания: структурный и узуальный (воспроизводимость) [Гак 1977]. Ряд исследователей среди дифференциальных признаков фразеологизмов отмечают их метафоричность [Ларин 1956; Бабкин 1970; Попов 1976; Сидоренко 1982].

Для понимания интерпретирующего значения любого образного словосочетания, в том числе фразеологического, необходим подбор идентифицирующего слова, которое с наибольшей точностью и простотой способно передать основную идею. Так, В.В. Виноградов считает, что одним из признаков фразеологизма является эквивалентность (синонимичность) устойчивого выражения одному слову. Н.М. Шанский также полагает, что «фразеологические обороты – это устойчивые сочетания слов, аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных значимых единиц» [Шанский 1996]. С.И. Ожегов рассматривает соотнесенность общего значения ФЕ со значением отдельного слова как основную фразеологическую характеристику – семантическую целостность [Ожегов 1957: 40-42].

На протяжении долгого времени основным признаком фразеологизма считалось структурное постоянство компонентного состава, обеспечивающее перманентность данной языковой единицы. Любые трансформации рассматривались в качестве авторских модификаций, нарушающих устойчивость и влекущих за собой утрату фразеологического характера словосочетания. В рамках современного подхода к фразеологии ученые говорят об относительной устойчивости фразеологического выражения, допуская его

вариантность [Мокиенко 1989: 9]. В соответствии с синхроническим подходом, вариантность (лексическая, морфологическая, фонетическая и др.) рассматривается как фактор постоянного развития фразеологии. Ш. Балли допускает синтаксическую вариантность, подчеркивая, что «элементы фразеологического оборота могут быть отделены друг от друга прочими словами предложения» [Балли 2001: 99]. Необходимость обращения к синхронии при изучении фразеологии подчеркивалась многими авторами. По мнению Г.Г. Соколовой, «состав компонентов фразеологических единиц является величиной ограниченной и постоянной только в определенный период времени» [Соколова 1987]. В.Н. Телия отмечает, что ФЕ нужно изучать «не в статике, а в динамике, поскольку описание идиом – это отражение их живого функционирования в языке» [Телия 1996: 62].

Одной из главных характеристик ФЕ является идиоматичность. Существуют различные определения данной характеристики, но, как правило, все они подразумевают наличие двух основных свойств семантической структуры фразеологизма: переинтерпретации и непрозрачности [Makkaï 1978; Баранов, Добровольский 2008].

Термин переинтерпретация синонимичен понятию вторичной интерпретации. Переинтерпретация заключается в том, что «выражение А со значением 'А' и экстенсионалом (соответствующей ему ситуацией) «А» подвергается повторной интерпретации (переинтерпретации) и получает новое значение 'В', соотносящееся с ситуацией «В». Таким образом, согласно А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому, «происходит трансформация значения 'А' в значение 'В' по принципу R» [Баранов, Добровольский 2008: 30]. Процесс языковой переинтерпретации является источником формирования многих фразеологизмов, когда свободное словосочетание переосмысливается и обретает новое значение, трансформировавшись в идиоматичное: рус. *журавль в небе, посадная утка*; англ. *hold your horses, a dark horse*; фр. *un coup de pied de l'âne, une cimetière d'éléphants* и др. Подобного рода трансформации становятся возможными путем семантической деривации, когда на базе

выражения с прямым значением формируется новое, обладающее переносным смыслом.

В ряде случаев понятие переинтерпретации пересекается с непрозрачностью. При этом «непрозрачность выражения А – это такое свойство этого выражения, которое препятствует «вычислению» значения 'А' из-за отсутствия правила, позволяющего выявить значение 'А', или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов выражения А в словаре» [Баранов, Добровольский 2008: 30]. Если обратиться к классификации В.В. Виноградова (см. далее в п. 2.1.), то данное свойство будет присуще фразеологическим сращениям, обладающим наиболее спаянной семантической структурой.

Разнообразие предлагаемых критериев обуславливает отсутствие четких границ фразеологии. Одни авторы понимают фразеологию в узком смысле, категорично выделяя в качестве ФЕ только идиомы, представляющие собой неделимое целое за счет десемантизации отдельных слов-компонентов [Жуков 1978; Сидоренко 1964 и др.]. Сторонники классического подхода добавляют к идиомам фразеологические сочетания, допускающие комбинаторные варианты при взаимодействии с разными лексическими единицами языка. Согласно другим исследователям, помимо этого, фразеология включает в себя речевые штампы (клише), афоризмы и крылатые выражения [Балли 2001; Телия 1996; Ефимов 1961; Burger 1998]. По мнению Ш. Балли, штампы часто представляют собой обрывки цитат известных людей [Балли 2001: 108]. Так, отдельные авторские цитаты из публичных выступлений, литературных и драматургических произведений и кинематографии получают широкое распространение, многократно воспроизводясь и приобретая фразеологический характер. А.И. Смирницкий отмечает, что «авторские цитаты могут прочно войти в языковую систему только в случае утраты на них «авторских прав» [Смирницкий 1954: 21].

Ряд лингвистов относят к фразеологии паремию, ссылаясь на узуальный критерий, заключающийся в высокой степени воспроизводимости пословиц и поговорок в готовом виде [Жуков 1978; Кунин 1970; Шанский 1996 и др.].

Например, Н.М. Шанский выделяет отдельный класс ФЕ, фразеологические выражения, рассматривая пословицы и поговорки как устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями [Шанский 1996].

В настоящее время исключение из фразеологии всех устойчивых словосочетаний, являющихся фрагментами авторской речи или народного фольклора (пословиц, поговорок, загадок, заговоров, заклинаний и т.д.) становится практически невозможным из-за утраты точной этимологии. «Всестороннему познанию предметов иногда мешает незнание человеком истории предмета. Не всегда имеются необходимые данные для того, чтобы восполнить этот пробел» [Серебренников 1988: 102]. Так, например, сейчас мало кто вспомнит, что русский фразеологизм с компонентом-зоонимом *с гуся вода* возник при сокращении выражения из народного заклинания *лейся беда, как с гуся вода* [Шанский 1996]. Английская ФЕ *for the birds* на самом деле является цитатой из интервью сержанта Б. Эриксона, данного в октябре 1944 года для газеты *Lowell Sun*: *Don't take too seriously this belief that we have football at Camp Ellis solely for the entertainment of the personnel – that's strictly for the birds* [Cryer 2010: 312]. Французский фразеологизм *c'est le chien de Jean de Nivelle* представляет собой фрагмент поговорки *c'est le chien de Jean de Nivelle qui s'enfuit quand on l'appelle*, которая, в свою очередь, основана на цитате королевского советника Жана II де Монморанси, который попытался отправить своего сына Жана Нивеля помочь королю в битве и при его отказе из-за трусости окрестил его «собакой». В подобных случаях А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский говорят об особом виде языковой переинтерпретации – «идиоматичности цитации, которая реализуется, когда фразеологическое выражение образовано на базе поговорок, пословиц и т.д. При этом смысл ФЕ, образованных данным способом, представляет собой отсылку к смыслу исходного выражения» [Баранов, Добровольский 2008: 39].

Некоторые авторы включают в фразеологию ряд номинаций [Фессалоницкий 1958; Шанский 1996; Абакумов 1942; Шмелев 1977]. С точки зрения С.И. Абакумова, к ФЕ относятся идиомы, которые представляют собой словосочетания, имеющие значения, не вытекающие из значений составляющих их элементов, и названия, состоящие из нескольких слов (как собственные (*Черное море*), так и нарицательные (*рабочий факультет, высшее учебное заведение*)).

По мнению Д.Н. Шмелева, существуют фразеологизмы с парадигматическим типом связанности, который позволяет им занять свое место в таксономии, выполняя функцию самостоятельной номинативной единицы языка [Шмелев 1977: 313]. Такие терминологические фразеологизмы представляют собой возникшие когда-то давно фразеологические названия объектов и явлений, полностью или частично заместившие их нефразеологические наименования за счет точной передачи концептов. Данным терминологическим фразеологизмам присущи идиоматические качества: метафорическая образность, оценочная коннотация и нетождественность значения целого выражения сумме значений его компонентов. Потеряв свою образность, такие стертые метафоры превращаются в так называемые расчлененные специализированные наименования типа рус. *щека пулемета, нос корабля, язык колокола, ножка стола, спинка стула, пальцы втулки, волосок электрической лампочки* и т.п. Перечисленные расчлененные наименования – это специализированные в той или иной мере имена, обозначающие «инвентарный образ предмета» [Телия 1977: 160]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рассматривают фразеологические названия как источник терминологии, относя их к референциальному типу переинтерпретации, когда у языкового выражения происходит закрепление референции за единичным денотантом (*Сталин – лучший друг советских физкультурников*) [Баранов, Добровольский 2008: 36].

Таким образом, лингвисты не достигли единого мнения относительно фразеологических параметров, но в одном их точки зрения сошлись:

неоспоримым «ядром» фразеологии являются идиоматические выражения, к которым, по определению В.В. Виноградова, относятся фразеологические сращения и единства (см. далее классификацию В.В. Виноградова). В.Н. Телия подчеркивает, что «только идиомы эквивалентны словам по выполняемой теми и другими целостной и номинативной функции» [Телия 1996: 60].

В рамках фразеологических исследований предлагались различные классификации ФЕ на базе многих признаков (морфологических, синтаксических, семантических, стилистических и др.). Ш. Балли предлагает свою точку зрения на происхождение фразеологизмов, рассматривая их как «сочетания слов, характеризующихся большей спаянностью между собой, за счет которой они производят сильное впечатление, запечатлеваются в памяти, начинают многократно воспроизводиться в речи и в результате входят в язык как единое целое» [Балли 2001: 89]. Таким образом, он концентрирует свое внимание на различной степени спаянности ФЕ, выделяя два случая: 1) когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) когда слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании [см. там же]. В первом случае Ш. Балли называет ФЕ фразеологическими группами, а во втором – фразеологическими единствами. Автор сравнивает фразеологическое единство с химическим соединением, подчеркивая, что составляющие его слова утратили всякое самостоятельное значение, формируя в совокупности новое, не равное сумме значений его составных частей [Балли 2001: 97].

В отечественной фразеологии наибольшее распространение получила классификация, предложенная В.В. Виноградовым, во многом основанная на классификации Ш. Балли и максимально адаптированная к русским языковым реалиям. Данная классификация строится на принципах различной степени

идиоматичности (немотивированности) компонентов в составе фразеологизма, исходя из которых, В.В. Виноградов выделяет три типа ФЕ:

1. Фразеологические сращения – устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов, т.е. не мотивировано ими с точки зрения современного состояния лексики [Виноградов 1972: 185]. Например, рус. *сказка про белого бычка, не пришей кобыле хвост*; англ. *to eat crow, horse around*; фр. *une peau de vache, un rat de cave*.

2. Фразеологические единства – устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых отчасти связано с семантикой составляющих их компонентов, употребленных в образном значении [см. там же]. Например, рус. *метать бисер перед свиньями, волк в овечьей шкуре*; англ. *this place is a pigsty, let sleeping dogs lie*; фр. *l'oiseau s'est envolé, retomber comme un chat sur ses pattes*.

3. Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, значение которых мотивировано семантикой составляющих их компонентов, один из которых имеет фразеологически связанное значение [см. там же]: Например, рус. *петь как соловей, дорваться как волк до падали*; англ. *like a cat on a hot tin roof, play cat and mouse*; фр. *sec comme un hareng saur, glisser comme un serpent*.

В современной фразеологии существуют классификации не только ФЕ, но и их главных компонентов. Главный компонент несет на себе основную смысловую нагрузку фразеологизма и позволяет вторично репрезентировать знание о мире. Именно главный компонент приобретает переносное значение в ходе вторичной интерпретации, что делает правомерным необходимость дифференциального рассмотрения всех его смыслов и его места в фразеологической системе языка. В качестве такого компонента может выступать зооним.

2.2. Компонент-зооним в составе фразеологизма

ФЕ формируется на базе основного компонента, являющегося центральным звеном словосочетания. В.Л. Архангельский называет подобные компоненты корневой лексикой. Согласно исследователю, «устойчивые словосочетания группируются вокруг корневого слова (например, *вода, человек, ходить* и т.д.), образуя фразеологические гнезда. Таким образом, фразеологическое гнездо объединяет фразеологизмы, имеющие в своем составе одно и то же слово в качестве стержневого компонента и реализующие различные виды значений этого слова» [Архангельский 1964]. Исходя из этой точки зрения любое название животного, входящее в состав фразеологизма, может рассматриваться как корневое слово своего фразеологического гнезда или как компонент-зооним. Так, зоонимы *свинья, pig, cochon* являются корневой лексемой для ряда выражений своего фразеологического гнезда. Например, рус. *свинья в ермолке, неблагодарная свинья, свинья везде грязь найдет, разбираться как свинья в апельсинах* и др., англ. *to put lipstick on a pig, a pig in a poke, pigs might fly, make a pig of yourself* и др.; фр. *donner des confitures/des perles à un cochon, jouer un tour de cochon à qn, quelle tête de cochon, mener une vie de cochon* и др.

Под термином «зооним» (синонимы: «анимализм», «анималистический компонент», «фаунистическая лексика», «зоосема», «зоосемизм», «зоонимный компонент», «зооморфный образ», «зоонимосодержащая лексема», «зооморфический элемент») понимаются обозначения представителей фауны, являющиеся компонентами лексического состава фразеологического выражения. Таким образом, дефиниция термина «зооним» включает в себя все наименования концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР. Согласно толковому словарю французского языка «Larousse», «*bête n.f. – tout être animé l'autre que l'homme*» [URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>] (букв.: зверь – любое живое существо кроме человека). В словаре лингвистических терминов, зооним

определяется как имя собственное, кличка животного или наименование какого-либо животного [СЛТ 2010].

О.Б. Абакумова относит к зоонимам всех представителей фауны, включая рыб, птиц и насекомых. Однако автор строго разграничивает два понятия: зоосемизмы и зооморфизмы, понимая под первыми существительные в прямом номинативном значении, а под вторыми – названия животного в предикативно-характеризующем значении, используемом для характеристики кого-либо [Абакумова 1994: 3].

А.П. Чудинов отмечает, что «большинство «не биологов» вполне обходится «наивной», или «обыденной», элементарной классификацией, которая является основой концептуальной структурированности «царства животных» [Чудинов 2001: 53]. Обыденная классификация не совпадает с научной и может определять в качестве животных разнообразных существ (даже микробов). Такая классификация «вне зависимости от семейств, отрядов и видов различает домашних и диких животных (например, свиньи могут быть и домашними, и дикими), хищных и нехищных животных (однако к хищникам относятся не только собственно животные, но также некоторые птицы и рыбы), обитателей моря, суши и неба, а также некоторые другие группы» [Чудинов 2001: 53-54]. Сам факт того, что фразеологизмы являются носителями обыденного знания, позволяет опираться на обыденную, а не на научную классификацию животных при отборе фразеологизмов с компонентом-зоонимом для анализа.

Кроме того, мы в своем исследовании придерживаемся мнения А. Дэнги, понимающей под зоонимами не только существительные (названия животных), но и производные от них прилагательные. Аргументом в пользу приверженности такому мнению служит основная функция прилагательных – определение, свидетельствующая о непосредственном влиянии характеристики животного на интерпретацию существительного, к которому оно относится. Исходя из этой точки зрения, такие устойчивые словосочетания, как *мышинная возня*, *медвежья услуга*; *to be in the dog house*, *a monkey business*; *une prudence*

de serpent, une fièvre de cheval и многие другие могут рассматриваться в качестве фразеологизмов с компонентом-зоонимом. При этом автор не относит к зоонимам слова, описывающие части тела, повадки, особенности животных, так как данные лексические единицы не содержат в себе анималистического значения [Дэнги 2002: 3].

Лексико-семантическая группа зоонимов представлена единицами с различной степенью фразеологической активности, что объясняется большей или меньшей степенью взаимодействия человека с тем или иным животным, в связи с чем она может быть разделена на несколько подгрупп с учетом материала исследования:

1. Названия животных, встречающихся на территории России, Великобритании и/или Америки, Франции и/или Канады:

а) домашние животные: рус. *индюк, утенок, цыпленок, осел, бык, корова, теленок, кот, котенок, собака, щенок, баран, коза, лошадь, свинья, кролик, овца, ягненок*; англ. *turkey, duckling, chick, donkey, mule, bull/ox, cow, calf, cat, kitten, dog, puppy, mutton, goat, horse, pig, rabbit, sheep, lamb*; фр. *une dinde/un dindon, un poussin, un âne, un mulet un boeuf, une vache, un veau, un chat, un chaton, un chien, un mouton, une chèvre, un cheval, un cochon, un lapin, un brebis, un agneau*;

б) дикие животные: рус. *хомяк, суслик, угорь, улитка, рак, гадюка, удав, жаба, гадюка, блоха, червяк/червь, гусеница, муравей, муха, комар, таракан, паук, клоп, жук, саранча, моль, бабочка, пчела, оса, журавль, аист, ласточка, лебедь, соловей, кукушка, гусь, утка, ворона, сорока, голубь, воробей, лягушка, змея, бобр, енот, рысь, барсук, медведь, лиса, заяц, белка, олень, мышь, крыса, тигр, волк*; англ. *hamster, eel, snail, lobster, adder, toad, viper, flea, worm, ant, fly, spider, cricket, bug, beetle, locust, grasshopper, butterfly, bee, wasp, quail, crane, stork, swallow, swan, owl, lark, nightingale, cuckoo, goose, duck, crow, magpie, dove/pigeon, sparrow, frog, snake, beaver, lynx, badger, bear, fox, hare, squirrel, deer, mouse, rat, tiger, wolf*; фр. *une muette, un hamster, un phoque, une méduse, une anguille, un escargot, une écrevisse, une couleuvre, une grenouille, un crapaud*,

une vipère, une puce, un ver, une chenille, une fourmi, mouche, un cafard, une araignée, une punaise, une sauterelle, une mite, papillon, un bourdon, une abeille, une guêpe, une caille, une grue, une cigogne, une hirondelle, un cigne, un hibou/une chouette, un alouette, un rossignol, un coucou, un oie, un canard, un corbeau, une pie, une colombe/un pigeon, un moineau, une grenouille, un serpent, un dauphin, un lynx, un ours, un renard, un lièvre, un écureuil, un cerf, une souris, un rat, un tigre, un loup;

2. Названия животных, являющихся экзотическими для жителей Западной и Восточной Европы, в частности, России, Великобритании и Франции: рус. *акула, попугай, павлин, верблюд, слон, кит, лев, обезьяна, жираф, зебра*; англ. *shark, panther, a parrot, a peacock, a penguin, a kangaroo, a camel, an elephant, a whale, a lion, a monkey, a giraffe, a zebra*; фр. *un requin, une panthère, un perroquet, un paon, un manchot, un kangourou, un chameau, un éléphant, une baleine, un lion, un singe, une girafe, un zèbre*. Сформировавшееся у человека представление об этих животных нередко бывает заимствованным, основанным на представлениях других народов или на поверхностных ассоциациях.

3. Обобщающие зоонимы (являющиеся одновременно названиями категорий): рус. *животное/зверь, рыба, птица, насекомое*; англ. *animal/beast, fish, bird, insect*; фр. *un animal/une bête, un poisson, un oiseau, un insecte*.

4. Названия ирреальных (мифических) животных: рус. *дракон*, англ. *dragon*, фр. *un dragon*.

В основе формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом лежит проведение аналогий между характеристиками животных как объектов концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР и характеристиками объектов других областей. На протяжении всего существования человечество было окружено животным миром и выживало благодаря ему. В процессе эволюции связь человека с животными укреплялась, переходя на новые более высокие уровни развития. Животные начали восприниматься не только как опасные враги или источник питания, но стали одомашниваться, превращаясь в питомцев и друзей человека. Сменяющиеся

поколения людей формировали представление о том или ином животном на основе дифференциальных признаков их внешности, характера, поведения и проецировали эти признаки на самих себя и на свое окружение. Результаты такой проекции фиксировались с помощью фразеологизмов с компонентом-зоонимом в форме фразеологических значений.

Человеку легче воспринимать и интерпретировать малознакомые фрагменты мира с помощью хорошо изученных характеристик животных. Именно поэтому в русской, английской и французской фразеологии наиболее активно функционируют наименования домашних животных: кошки, собаки, коровы, лошади, свиньи и др., что связано с наиболее продолжительным и тесным контактом людей с ними и, следовательно, с хорошей осведомленностью об особенностях их внешности, характера, повадок, поведения. Следует отметить и тот факт, что представления о данных животных, отраженные в ФЕ, часто схожи у разных народов, что позволяет говорить об относительной универсальности зоонимов. Так, например, в разных языковых картинах мира кошка является, прежде всего, воплощением живучести, лошадь – работоспособности и т.д.

Сравнению людей с животными способствует их принадлежность к живым существам, которые имеют чувства и эмоции, влияющие на поведение. Многие фразеологизмы с компонентом-зоонимом основаны на эмпатии, на способности человека чувствовать эмоциональное состояние других существ: рус. *больной как собака*, англ. *a happy bunny*, фр. *être jaloux comme un tigre* и др. «Из живых существ только животные, подобно человеку, обладают собственными повадками, каждому из них присущ особый, замеченный человеком образ жизни и тип поведения, рассказы о котором передаются из поколения в поколение» [Черемисина, Захарова 1973].

Семантические особенности зоонима, входящего в состав ФЕ, определяют общее фразеологическое значение устойчивого словосочетания и формируют его оценочный смысл. Наиболее существенное влияние оказывает переносное, а не прямое значение зоонима. Например, ФЕ с

компонентом-зоонимом *волк*, *wolf*, *loup* содержат, как правило, негативную оценку. Помимо основного зоологического значения, определяющего волка как хищное млекопитающее семейства псовых, у слова есть и дополнительные значения. Например, слово *волк* употребляется в значении 'угрюмый, нелюдимый человек' [Даль 2006]. В геральдических словарях *волк* определяется как символ алчности, злости и прожорливости. В английском языке зооним *wolf* имеет дополнительное негативное значение 'lady killer' [ТАНРТ 2013, 2014]. Во французском толковом словаре «Larousse» приводятся такие значения слова *loup*, как 'home malfaisant et cruel'; 'malfaçon, chose loupée' [URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>]. Так, М.В. Никитин пишет о том, что понимание производных символов проливает новый свет на механизмы семантической деривации [Никитин 2007: 199]. Концептуальный анализ значений зоонима позволяет понять, какие животные занимают самое важное место в жизни определенного народа, как человек воспринимает и интерпретирует разных животных, и как он относится к фрагментам мира, репрезентируемым в ФЕ с компонентом-зоонимом.

Зоонимы образуют вокруг себя широкие ассоциативные поля, что обуславливает большое количество связей, которые они образуют с концептами разных концептуально-тематических областей. Так, Дж. Диз в известной работе по ассоциациям в языке и мысли утверждает, что названия *antelope*, *bear*, *buffalo*, *cat*, *cow*, *deer*, *fox*, *goat*, *gorilla*, *horse*, *lion*, *mouse*, *pig*, *pony*, *rabbit*, *rat*, *sheep* являются семантически (на основе ассоциаций) очень близкими, но слова *cow* 'корова', *goat* 'коза' связаны еще более тесно, так как они ассоциируются еще и по второй линии слов: *milk*, *farm*, *grass* и т.п. [Deese 1965: 150].

Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом имеют национальный характер, отражая культуру народа. В.Н. Телия отмечает, что названия животных, функционирующие в качестве номинативных единиц языка, «прямо или косвенно, через их культурные коннотации, связаны с духовной и материальной культурой народа» [Телия 1993: 313]. В.М. Мокиенко подчеркивает, что компоненты-зоонимы являются одними из наиболее

национально-маркированных, поскольку им свойственна универсальность, с одной стороны, и образная индивидуальность и локальность, с другой [Мокиенко 2007: 58].

Включение зоонимов в состав фразеологизмов позволяет человеку выражать отношение к разным фрагментам мира сквозь призму восприятия тех или иных животных. Одни и те же животные могут играть неодинаковую роль в жизни этносов, вызывая у людей разные эмоции и оценочные отношения. Таким образом, зоонимы формируют и отражают ценностную картину мира народа. Источниками национально-специфических особенностей зоонимов могут служить различия животного мира, характера трудовой деятельности, исторических условий формирования языка, и, конечно же, прежде всего, несоответствия языковых картин мира представителей разных культур и народов. Национальная специфика интерпретации зоонимов фиксируется в форме интерпретирующих значений фразеологизмов, что обуславливает необходимость их дальнейшего рассмотрения.

2.3. Значения ФЕ с компонентом-зоонимом в свете теории интерпретации

Согласно общей лингвистической теории, значение фразеологизма, как и значение лексической единицы, складывается из трех компонентов: денотативного, сигнификативного и коннотативного. Денотативный компонент отражает отношение единицы к конкретному обозначаемому объекту или явлению внеязыковой действительности, сигнификативный компонент раскрывает обобщенные признаки классов объектов или явлений, а коннотативный компонент выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату. Однако такой подход к фразеологическим значениям не является достаточно информативным, поскольку он указывает лишь на «готовые» компоненты значения как на «совершившийся факт», не принимая во внимание причины и механизмы их возникновения.

В этом свете актуальным становится исследование фразеологических значений с позиций когнитивной лингвистики, которая позволяет не только описать языковые явления, но и объяснить их формирование с точки зрения функционирования человеческого сознания. Приоритетная позиция в исследовании языковых значений связана, прежде всего, с двумя факторами: во-первых, с тем, что язык, как и языковые значения, создан человеком, является его орудием и, следовательно, находится под его влиянием; во-вторых, с тем, что языковые значения определяют фрагменты мира, которые не являются прямым отражением действительности, а проходят сквозь призму человеческого сознания, подвергаясь его субъективному «корректированию». Такое «корректирование» является результатом интерпретирующей деятельности человеческого сознания, описанной Н.Н. Болдыревым в рамках общей теории лингвистической интерпретации [Болдырев 1999, 2000а, 2001 и др.].

Теория интерпретации основана на антропоцентрическом подходе к исследованию языка. Язык рассматривается как продукт лингвокреативной деятельности, так как активная роль человека в познавательных процессах, осуществляемых на основе и с помощью языка, проявляется не только в способности по-разному воспринимать объекты, но и в формировании разных языковых значений и смыслов и в выборе различных языковых форм [Болдырев 2019а: 252].

Одним из первых идею создания науки о языке на антропоцентрических началах выдвигал В. фон Гумбольдт, который подчеркивал, что «изучение языка не исключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человеческим духом самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 234]. Э. Бенвенист также подчеркивал связь языка и человека: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека.

Именно в языке и благодаря языку человек констатируется как субъект» [Бенвенист 2002: 448]. Иными словами, человек не только получает знания посредством интерпретации, но и выражает себя через нее.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются результатом познания мира, зафиксированным в языковой форме. Как было отмечено ранее, интерпретирующие элементы языковой картины мира, в том числе фразеологизмы, формируются в результате интерпретации сущностей окружающей действительности, реализуемой языковой личностью с опорой на личное и коллективное мнение. В связи с этим, интерпретирующее значение ФЕ имеет двойственную природу происхождения, одновременно являясь итогом коллективного и индивидуального познания мира и отображая особенности коллективного сознания и индивидуальной концептуальной системы отдельного человека, что объясняет его сложную когнитивную структуру.

Ч.С. Пирс подчеркивал, что любое познание является процессом опосредования реальности знаками [Пирс 2001]. При этом, как было отмечено ранее, ФЕ с компонентом-зоонимом формируются при вторичной «переработке» результатов познания, что позволяет говорить о вторичном статусе их природы. Например, «реципиенту предлагаются для восприятия речевые сообщения, описывающие культурные предметы; понимание реципиентом сообщения предполагает конструирование его содержания из имеющихся знаний его содержания, то есть предполагает создание новых знаний из знаний старых» [Тарасов 1999: 37]. Иначе говоря, интерпретирующее значение создается при рассмотрении первичного содержания языковой единицы под новым углом зрения, что позволяет образовать новое значение, выполняющее функцию вторичной номинации.

Подобные переосмысления исходных знаний возможны посредством образного восприятия действительности. Согласно М.В. Никитину, «потенциал семантического варьирования слова в метафорическом и метонимическом полях весьма широк, и это наталкивает на важные мысли об устройстве

системы номинативных средств естественного языка. Эта система имеет двухуровневое строение: уровень прямых обозначений, являющихся непосредственной первичной функцией словесных знаков, и уровень переносных, производных от прямых обозначений, являющихся вторичной номинативной функцией уже «занятых» слов» [Никитин 2007: 201-202].

Н.Н. Болдырев выделяет три основных типа интерпретации, которые реализуют три ее главных функции: селекции, классификации и оценки [Болдырев 2011а: 12]. Данные функции проявляются на всех языковых уровнях, в том числе на фразеологическом. Селективная функция приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем, основанных на выборочной репрезентации мира. По мнению Е.С. Кубряковой, человек может понять только то, что охватывается его концептуальной системой [Кубрякова 2004]. Именно поэтому практика коммуникации ориентирована на концептуальную систему индивида, содержание которой, в свою очередь, регулируется его окружением. Селективность фразеологической интерпретации в рамках социума зависит от следующих факторов: возраст, социальный статус, род занятий (профессия), семейное положение, уровень жизни и образования, местожительство.

На выбор компонента-зоонима существенное влияние оказывает природное окружение. Как было отмечено ранее, человеку свойственно использовать для интерпретации названия объектов, находящихся в непосредственной близости от него, особенности которых ему хорошо известны в результате личного опыта. Например, житель средней полосы России, чаще использует в фразеологии названия животных, обитающих на той же территории: заяц, волк, лиса, медведь и др. Названия животных, проживающих в дальних по отношению к интерпретаторам странах, и, следовательно, считающиеся у них экзотическими, не используются в интерпретирующей функции. Например, зоонимы *кит*, *жираф* обладают низкой степенью фразеологической активности в анализируемых языках, что

объясняется тем, что ареал обитания данных животных не охватывает территорию проживания интерпретаторов.

Вторая функция интерпретации связана с классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций, а также с обозначением ментальных действий и состояний, чувств, эмоций. Н.Н. Болдырев относит данную функцию к ментальному познанию мира, связанному с вторичной концептуализацией и вторичной категоризацией [Болдырев 2011а: 13]. Реализация классифицирующей функции позволяет систематизировать весь объем интерпретируемой информации, способствуя быстрому извлечению из сознания необходимых в конкретный момент времени знаний для дальнейших когнитивных операций. Классификация необходима также в связи с тем, что из-за возможности вторичных переосмыслений одно и то же знание зачастую одновременно относится к разным концептуально-тематическим областями и категориям. В частности, психические качества человека могут быть связаны как с его характером, представляя собой постоянные признаки, так и с его поведением, являясь лишь временным проявлением человеческой психики.

Третья, оценивающая функция интерпретации свойственна исключительно человеку. Данный тип интерпретации предполагает схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры [Болдырев 2011а: 13]. В результате такой схематизации у человека формируется позитивное или негативное отношение к интерпретируемому фрагменту мира, которое намеренно или подсознательно отражается в интерпретирующих значениях. Так, принятие в коллективе равенства и уважения интересов окружающих людей за норму поведения приводит к формированию отрицательной оценки человека в случае ее нарушения: например, *un jeune loup* ‘homme ambitieux, désireux de réussir au plus vite et par tous les moyens dans le monde de la politique ou des affaires’ [URL:

<https://www.larousse.fr>]. Таким образом, фразеологическое значение представляет собой дериват, который формируется не только на основе семантики первичного значения, а выходит за его рамки, отражая особенности восприятия говорящим окружающей действительности.

Эмоционально-оценочное отношение является неотъемлемым компонентом образов, реализующихся посредством вторичной номинации. Фразеологизмы не только выражают данные отношения, но навязывают их, эмоционально воздействуя на адресата. Такое воздействие становится возможным за счет устойчивых гештальтов, передаваемых при помощи вторичных номинаций, в том числе ФЕ. Дж. Лакофф называет гештальтами одни и те же структуры, организующие мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторную деятельность, язык [Лакофф 1981: 359]. В.Н. Телия определяет образные гештальты как «эмоциогенные стимулы», подчеркивая их способность вызывать определенные чувства и отношение к объекту высказывания. По мнению Р.И. Павилёниса, в этом заключается «коммуникативная, социальная функция языка, благодаря которой он является не только средством выражения, сообщения мысли, но и средством ее формирования, построения» [Павилёнис 1983: 16].

Реализуя интерпретирующую функцию, фразеологизмы являются средством модусной категоризации. Так, Н.Н. Болдырев отмечает, что «специфика концептов и категорий модусного типа определяется самой интерпретирующей функцией языка, содержание которой (оценка, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность и т.д.) и выступает в качестве общего концептуального основания для объединения разноуровневых языковых единиц в ту или иную модусную категорию» [Болдырев 2019а: 264]. Следовательно, способность интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом отражать модальность, экспрессивность и оценку, дает основания для их рассмотрения в качестве элементов модусных категорий.

Согласно Л.А. Панасенко, интерпретация формирует структуры знания, представляющие три модуса интерпретации: рациональный, эмотивный и

аксиологический [Панасенко 2014a]. Рациональный модус подчинен логике, формируясь на основе онтологических знаний, рассуждений и мыслительных операций, отраженных в ФЕ. Аксиологический модус содержит компонент оценки, который закрепляет в значении фразеологизма информацию об одобрительном или неодобрительном (положительном или отрицательном) отношении к обозначаемому предмету или явлению. Эмотивный модус отражает эмоции индивида по отношению к объекту оценки.

Разносторонний характер модусов, формирующих интерпретирующее значение ФЕ с компонентом-зоонимом, определяет релятивность их интерпретирующей функции. Р.И. Павлиёнис рассматривает релятивизацию семантики мнения относительно носителя языка, выделяя семантические, детерминированные языком аспекты и несемантические (прагматические), относящиеся к информации о мире, которой располагает носитель языка [Павлиёнис 1983]. Рациональный модус является объективным, так как опирается на онтологические знания, в то время как эмотивный и аксиологический модусы имеют субъективный характер, что обусловлено сильным влиянием, личных предпочтений индивида на их содержание. Интерпретирующие значения ФЕ содержат, как правило, все три модуса. Тем не менее, факт образования фразеологизмов в качестве экспрессивных средств языка свидетельствует о преобладании эмотивного и аксиологического модусов в структуре их значения.

Среди особенностей модусных категорий Н.Н. Болдырев отмечает внутриязыковую природу, вторичность статуса, содержательную соотнесенность и инферентность [Болдырев 2011б: 8]. Внутриязыковая природа модусных категорий обусловлена способностью языка формировать новые концепты, опираясь не только на познаваемую действительность, но и на саму систему языка, путем оперирования уже существующими и выраженными в языковой форме концептами. Иными словами, реализация интерпретирующей функции ФЕ возможна, прежде всего, за счет их вторичной номинативной функции.

Принадлежность ФЕ с компонентом-зоонимом к модусным категориям доказывается еще одной их особенностью: содержательной соотнесенностью, которая связана с «содержательной неопределенностью модусного концепта» [Болдырев 2011б: 8]. Зачастую невозможно определить характер оценки, выражаемой посредством фразеологизма, и выбрать релевантный интерпретирующему значению смысл в случае фразеологической полифункциональности, если не известен контекст, т.е. область определения. Согласно Р.И. Павилёнису, произношение одной и той же фразы в разных контекстах выражает различные содержания (пропозиции) [Павилёнис 1983: 86]. Именно поэтому важно различать интерпретирующее значение устойчивого словосочетания, под которым понимается отношение фразеологизма к тому или иному объекту или явлению, с одной стороны, и отношение человека к интерпретируемой сущности, с другой, от передаваемых им смыслов. В зависимости от контекста интерпретирующее значение может выражать разные смыслы, обусловленные ситуацией, интенцией говорящего.

Инферентность ФЕ заключается в потребности в выводном знании для формирования необходимого смысла. В случае референции Ш. Балли писал об окружении экспрессивного факта, понимая под ним контекст, ситуацию, мимику и интонацию [Балли 2001б: 112]. По мнению автора, лишь после верного выделения экспрессивного факта можно перейти к определению и идентификации речевого факта, где определение – это операция, устанавливающая его точный логический смысл, а идентификация позволяет связать данный речевой факт с его логическим эквивалентом, приравнять его к простому понятию. В качестве заключительного этапа автор выделяет определение стилистической окраски путем выявления эмоционального компонента [Балли 2001: 120]. Следовательно, фразеологическое значение может быть полностью раскрыто только в условиях речевой реализации. Так, Л. Витгенштейн отмечает, что значение языкового выражения есть его употребление. Языковой знак сравнивается с шахматной фигурой короля, значение которого проявляется только при условии использования в рамках

конкретной игры. Вне этого употребления знак ничего не обозначает [Витгенштейн 1958].

Аналогично данному сравнению содержание интерпретирующего значения ФЕ с компонентом-зоонимом проявляется лишь в конкретной коммуникативной ситуации, выступающей в качестве контекста. Актуальность смысла фразеологизма определяется намерением адресанта выразить свои эмоции или желания, возникающем в качестве реакции на какое-либо событие. Так, С.А. Крипке подчеркивает, что необходимо отличать «семантическую референцию» от «референции говорящего», подразумевая под первой то, что слова говорящего означают на самом деле, а под второй то, что говорящий имеет в виду, употребляя данные слова в определенных условиях» [Крипке 1982].

Отсутствие выводного знания и информации о содержательной соотнесенности ФЕ вызывает недопонимание в процессе общения из-за неправильной трактовки интерпретирующих значений. Э. Сааринен отмечает условную истинность пропозициональных установок, объясняющуюся их неопределенной семантикой [Сааринен 1979]. Согласно Е.С. Кубряковой, «проблема экспликации сводится к приписыванию предложению разных глубинных структур в качестве их семантической репрезентации. Отсюда вытекает проблема отождествления объектов в процессе коммуникации и концептуализации мира при установлении связанности высказывания» [Кубрякова 2004: 224-229]. Таким образом, понимание смыслового содержания фразеологизма возможно лишь в случае доступности выводного знания.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что фразеологическое значение всегда является интерпретирующим, так как оно формируется на базе уже существующего знания о мире, представляя собой продукт вторичной номинации. Понимание фразеологического значения как результата интерпретации позволяет предположить, что оно реализует три ее основные функции: селекции, классификации и оценки. Посредством реализации этих функций интерпретирующие значения фразеологизмов отражают особенности

мировосприятия индивида (отношение к различным фрагментам мира), зависящие от концептуальной системы человека, с одной стороны, и от картины мира народа – с другой, т.е. одновременно являются результатом индивидуальной и коллективной интерпретации.

2.4. Межконцептуальные связи как основа формирования интерпретирующих значений ФЕ

Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом формируются на основе связей между объектами разных концептуально-тематических областей и/или категорий. При этом выделяются две области: интерпретирующая (в нашем случае область ЖИВОТНЫЙ МИР, к которой относятся животные, обозначаемые зоонимами) и интерпретируемая (ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА и др.). Связи, устанавливаемые между данными областями, являются межконцептуальными, так как их главная цель – соотнесение концептов, относящихся к разным областям или категориям на основе общих дифференциальных признаков, которые становятся интегральными, выступая в качестве концептуального основания интерпретации. Итогом межконцептуальных взаимодействий является формирование нового знания о фрагменте мира, характеризующегося вторичным статусом по отношению к первичному знанию. При этом «актуализируется знание о мире и выводится информация, которая не содержится непосредственно в концептуальной структуре соответствующего языкового выражения» [Болдырев, Алексикова 2010: 6].

Интерпретируемые концептуально-тематические области представляют собой структуры знания, отображающие онтологию мира. По мнению Л.А. Панасенко, в основе интерпретации лежит не только проведение аналогий между объектами разных категорий, но и работа когнитивных механизмов, обеспечивающая «рамочное» форматирование концептов [Панасенко 2014а: 109]. Под «рамочным» форматированием подразумевается модальное

оформление концепта, входящее в качестве неотъемлемого элемента в интерпретирующее значение соответствующей языковой единицы.

В зависимости от направленности интерпретации относительно интерпретируемой концептуально-тематической области, Л.А. Панасенко выделяет два типа векторов: внешний и внутренний. Внешний вектор интерпретации предполагает выход в другую когнитивную область, в то время как внутренний вектор описывает интерпретирующие процессы, сосредоточенные внутри одной когнитивной области [Панасенко 2014а: 110].

Языковые данные позволяют предположить, что с помощью характеристик животного мира интерпретируются следующие концептуально-тематические области: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ. Подобная направленность интерпретации, выходящая за рамки одной концептуально-тематической области, характеризуется внешним вектором действия. Однако признаки объектов, представляющих одну категорию концептуально-тематической области, могут использоваться для характеристик объектов другой ее категории. Иными словами, возможно осуществление интерпретации в рамках одной концептуально-тематической области без выхода за ее пределы на основе перекатегоризации. Например, в рамках концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР дифференциальные признаки одних представителей фауны используются для характеристики особей другого биологического вида. В данном случае интерпретация связана с установлением межконцептуальных связей по аналогии признаков между представителями млекопитающих, птиц, рыб, насекомых.

Внутренний вектор интерпретации определяет следующие качества, свойственные всем объектам концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР: размер, форму, количество, качество, цвет, запах, характер, поведение, отношения, ментальное и физическое состояние. Примером внутреннего вектора интерпретации являются такие фразеологизмы, как *хитрый как лиса*, *sly like a fox*, *rusé comme un renard*, определяющие любое

животное, обладающее такой чертой характера, как хитрость. Внутренний вектор интерпретации проявляется в случае, если у животного обнаруживается нехарактерное представителям его вида свойство, например, если расцветка крыльев у бабочки напоминает орнамент на хвосте павлина (англ. *a peacock butterfly*) или если птица издает нехарактерный для нее звук, похожий на блеяние козы (рус. *летучая коза*).

Оцениваемые человеком потоки информации представляют собой знания разных форматов. Л.А. Панасенко относит к таким форматам ключевые признаки, выделяемые сознанием в ходе интерпретирующей деятельности. В процессе интерпретации признаков животного мира задействованы следующие форматы знания: перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операциональный и ассоциативный форматы [Панасенко 2014а: 132]. Выбор признака того или иного формата определяет направленность интерпретации на определенный аспект интерпретируемого объекта.

Имея антропоцентрический характер, интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом нацелены, прежде всего, на интерпретацию концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК. При этом охватываются все сферы жизни человека: характер, поведение, поступки, внешность, физическое, эмоциональное и материальное состояние, уровень интеллекта, социальный статус и др. Так, взаимодействие областей ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК основано на аналогии между характеристиками внешнего вида (рус. *драная кошка*, англ. *a dolly bird*, фр. *avoir mangé du singe en nourrice*), голоса (рус. *давать петуха, реветь белугой*; англ. *to roar like a lion, a wolf whistle*; фр. *crier comme un putois, voix de chèvre/voix chevrotante*); строения тела (рус. *жирный как свинья, селедка в корсете*; англ. *as fat as a pig, as graceful as a swan*; фр. *plate comme une limande, énorme comme une baleine*); частей тела (рус. *свиное рыло, осиная талия*; англ. *a swan neck, shank's pony*; фр. *un cou de sygne, un nez aquilin*), кинетики, т.е. манеры двигаться (рус. *гусиный шаг, кошачья походка*; англ. *at a snail's pace, as fast as a hare*; фр. *faire le pied de grue, courir comme un zèbre*) и др.

Большая часть вышеприведенных примеров представляет собой фразеологизмы, интерпретирующие знания перцептивного формата. К знаниям формата перцепции относятся признаки объектов, доступные человеку посредством каналов чувственного восприятия: зрительного, слухового, обонятельного, осязательного, вкусового. Л.А. Панасенко подчеркивает универсальный характер данного формата, поскольку «перцептивные знания становятся базой для знаний других форматов, формируемых при дополнительных когнитивных манипуляциях» [Панасенко 2014а].

Являясь отражением результатов коллективного и индивидуального опыта, ФЕ с компонентом-зоонимом зачастую основываются на знаниях форматов наблюдения и экспериенциальных эффектов. Согласно Л.А. Панасенко, формат наблюдения характеризует признаки, вытекающие из опыта наблюдения, который помимо процессов обработки чувственно воспринимаемой информации подвергается рационализации» [Панасенко 2014б: 33]. Л.А. Панасенко отмечает, что опытное знание может приобретаться при наблюдении за поведением, повадками и действиями животных. В то время как «экспериенциальные признаки в большинстве своем основываются на оценке человеком возможных негативных последствий взаимодействия человека с животными (частями тела животного), которые носят деструктивный характер воздействия со стороны животных» [Панасенко 2014а: 134-136]. Например, при помощи наблюдения и экспериенции получают знания о характере и повадках животных, которые проецируются на человека с образованием связей между признаками «характер животного» – «характер человека», «поступки животного – поступки человека»: рус. *божья овечка*, англ. *(as) gruff as a bear*, фр. *tête comme un âne/une mule/une bourrique*; рус. *оказать медвежью услугу*, англ. *to follow like sheep*, фр. *faire tourner qn en bourrique*.

Ряд связей формируется на основании аналогии между состоянием животного и состоянием человека: ментальное или эмоциональное состояние (рус. *дрожать как заяц*, англ. *like deer in the headlights*, фр. *méchant comme un*

âne rouge), материальные условия (рус. *жить как петух в мармеладе*, англ. *pigs in clover*, фр. *être comme un coq en pâte*); физическое состояние (рус. *здоров как бык*, англ. *a dog-tired*, фр. *frais comme un gardon*).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, используемые для интерпретации области ЧЕЛОВЕК, позволяют осмысливать морально-этические качества, которые затрагивают окружающих людей, а также общественные статусы человека, его социальные и профессиональные отношения: род деятельности (рус. *биржевые акулы*, *канцелярская крыса*; англ. *a cat burglar*; фр. *un cheval de retour*, *faire les chiens écrasés*), семейное положение (рус. *кормить собак*, англ. *lead apes in hell*, фр. *une lapine mère*); отношения с окружающими (рус. *жить как кошка с собакой*, *дразнить гусей*; англ. *a top dog*, *to be in the dog house*; фр. *être copains cochon-cochon*, *fréquenter le chien et le chat*). Согласно Л.А. Панасенко, «возможность интерпретации указанных характеристик человека за счет привлечения знания о животных обосновывается аналогичной стратификацией экосистемы и организацией «общественного» поведения у животных» [Панасенко 2014а].

Концептуально-тематическая область ЖИВОТНЫЙ МИР может взаимодействовать с концептуально-тематической областью АРТЕФАКТ. Демонстрируя широкий спектр перцептивных признаков, зоонимы служат для характеристики артефактов с точки зрения их внешнего вида, при этом сопоставляются форма, размер животного или частей его тела с формой и размером артефакта или его фрагментов. Значимыми признаками интерпретации артефактов являются знания формата функции. Так, Л.А. Панасенко отмечает, что к числу признаков данного формата относятся функции артефактов, частей (органов) тела человека, а также утилитарное назначение природных объектов, например, природных веществ и материалов, объектов растительного мира [Панасенко 2014б]. Физические и физиологические особенности животных проецируются на функциональность артефакта, акцентируя внимание на его утилитарном назначении, а также на качестве исполнения работы (например, на кинетических характеристиках:

скорости, характере перемещения): англ. *a cow with an iron tail*, фр. *un 5-chevaux*. Интерпретируемый признак может являться также знанием операционального формата о действиях или манипуляциях, направленных на объект действительности [Панасенко 2014б: 33]. Например, использование человеком лошади в качестве средства передвижения и в качестве средства перевозки груза отражается в русском ФЕ с компонентом-зоонимом *железный конь*.

На основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и НЕЖИВАЯ ПРИРОДА фразеологизмы с компонентом-зоонимом могут использоваться для концептуализации осадков, температуры воздуха, природных явлений, ландшафта, что обеспечивается такими признаками животных, как восприимчивость к погодным условиям, особенности передвижения по природным ландшафтам, место обитания и др. (например, рус. *лисья погода*, англ. *a lovely weather for ducks*, фр. *un plancher des vaches*).

Дифференциальные признаки внешнего вида представителей животного мира проецируются на внешний вид таких объектов неживой природы, как камни, что обуславливает существование фразеологической терминологии, представляющей собой народные названия полезных ископаемых. Признаками, лежащими в основе интерпретации, становятся относительно статические (постоянные) характеристики животного: цвет и текстура кожного покрова, форма и размер глаз животного: рус. *черепаший камень*, англ. *an eagle eye*, фр. *un oeil de lynx*.

ФЕ с компонентом-зоонимом могут быть задействованы при интерпретации разных видов растительности на основе аналогий формы, размера, цвета, физических свойств. Интерпретация основывается, прежде всего, на признаках формата зрительной перцепции: на внешнем сходстве формы и размера части тела животного и фрагмента растения, а также цветовой гаммы меха, оперения животного и цветков, листьев или плодов растения (рус. *петушиный гребешок*, *щучий хвост*; англ. *a silver cock's comb*, *an ox-eye daisy*;

фр. *une plante zèbre, une barbe-de-bouc*). При интерпретации физических и функциональных характеристик растения используются знания формата наблюдения о физических способностях животного (например, способность кошки лазить по деревьям интерпретируется в названии вьющихся растений).

Концептуально-тематическая область АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ в ментальной проекции области ЖИВОТНЫЙ МИР основана на сходстве формы и размера, меры и степени, количества, качества, положения в пространстве, времени, форм перцепции. Разнохарактерный состав интерпретируемой области обуславливает вовлечение разных форматов знаний при ее интерпретации, включая ассоциативный формат. Л.А. Панасенко пишет, что «ассоциативное знание обнаруживается как результат рефлексии в отношении анализа включенности объекта категории в разные контексты жизнедеятельности человека, например, прагматическая ценность или эстетическая ценность объекта. Этот формат может также включать текстовый, символичный, стереотипный, эталонный типы знания объектов» [Панасенко 2014б: 33]. Например, в английской культуре черный бык символизирует несчастье *the black ox*.

Цветовая гамма шерсти, оперения, меха, панциря животных является постоянной характеристикой, которая может быть релевантной для идентификации цвета как абстрактного понятия формы зрительной перцепции. Абстрактное понятие количества интерпретируется в формате животных на основе сходства абстрактного количества с количеством животных в группе (стае, рое, косяке, стаде) или по аналогии с гипотетическим присутствием/отсутствием животного в ограниченном пространстве.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом-зоонимом реализуют интерпретирующую функцию на базе межконцептуальных связей между объектами концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР и другими областями, используя сходство многочисленных признаков, лежащих в основе формирования интерпретирующих значений, что может свидетельствовать о значительном интерпретирующем потенциале зоонимов (см. подробный анализ

в Главе II). Данные признаки формируют новое знание и, согласно Л.А. Панасенко, это говорит о том, что «форматы интерпретирующих признаков области «животный мир» обладают высокой степенью значимости для человека и проявляются в его интерпретирующей деятельности по осмыслению окружающего мира» [Панасенко 2014а: 114]. Человек выявляет межконцептуальные связи между объектами разных областей не только на основе отдельных признаков, но и с учетом совпадения оценки данного признака, что делает закономерным исследование оценочного аспекта в семантике ФЕ, как наиболее существенного в сравнении с селекцией и классификацией.

3. Интерпретирующий аспект значений ФЕ с компонентом-зоонимом

3.1. Оценка как важнейшая составляющая интерпретирующих значений ФЕ

Реализуя интерпретирующую функцию, фразеологизмы не только показывают, как видит человек интерпретируемый объект, но и то, какие эмоции и, следовательно, оценку вызывает его видение. «Чувства, эмоциональная жизнь – есть своеобразная форма отражения действительности, в которой выражается субъективное отношение человека к миру» [Якобсон 1958: 24].

В лингвистике принято различать оценочные компоненты значения как результат влияния субъективных факторов, а дескриптивные компоненты как отражение объективной реальности [Колшанский 1975; Вольф 1978, 2002; Арутюнова 1988 и др.]. Многие лингвисты отмечают, что основная особенность ФЕ заключается не в назывании фрагментов мира, а в способности характеризовать и оценивать их [Жуков 1978; Мелерович 1979; Федоров 1980; Телия 1996]. Е.М. Вольф определяет оценку как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения [Вольф 2002: 22]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «дескриптивные значения

фиксируют отношение между языком и окружающим миром, а оценочные значения характеризуют отношение между окружающим миром и его идеализированной моделью, наличие и отсутствие соответствия между этими мирами» [Арутюнова 1999: 182].

Смысл большинства фразеологизмов может быть передан с помощью отдельного слова или свободного словосочетания, что подтверждает то, что номинативная функция не является ведущей у устойчивых словосочетаний. Именно поэтому в отличие от лексических единиц фразеологизмы служат, прежде всего, оценочно-экспрессивными элементами языковой системы, лишь дополняя номинативный инвентарь языка. Например, рус. *надулся как мышь на крупу* ‘обиделся’, *заячья душа* ‘трусливый человек’; англ. *a bird brain* ‘глупый’, *smell a rat* ‘заподозрить неладное’; фр. *faire le singe* ‘кривляться’, *crédule comme un mouton* ‘очень доверчивый’. Из вышесказанного следует, что возникновение в языке такого явления, как фразеология, связано, прежде всего, со способностью ФЕ выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к фрагментам мира, с которыми он взаимодействует.

В рамках отечественных и зарубежных теорий оценочных значений устанавливаются различные виды и типы оценок, шкалы, согласно которым осуществляется оценивание, соотношение субъективного и объективного фактора влияющих на оценку, онтология, на базе которой формируется оценка, а также мотивирующий признак для нового интерпретирующего значения.

Оценочные значения являются продуктом интерпретирующей функции языка. Характеризуясь вторичным статусом, они формируются на базе уже реализованных в языке концептов. Оценка образуется на основе экстралингвистических знаний и зависит от жизненного опыта человека. Так, Дж. Лакофф отмечает, что при оценивании основным принципом классификации является сфера опыта, анализируемая человеком [Лакофф 1988: 12-15]. Однако человек оценивает только те фрагменты мира, которые имеют к нему отношение и затрагивают его жизнедеятельность. Б. Спиноза пишет о том, что «никакая вещь не может быть ни хорошей, ни дурной, если она не имеет с

нами чего-либо общего» [Спиноза 1957]. Н.Н. Болдырев отмечает, что «главная отличительная особенность оценки – ее внутриязыковая природа и, как следствие, связь с конкретным индивидом или языковым сообществом, т.е. ее антропоцентричность. В окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле, они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка. Это, в свою очередь, с необходимостью предполагает, что в сознании человека существует отдельная система оценочных концептов и категорий, обеспечивающих оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях» [Болдырев 2016: 201-202].

Познавая мир, мы даем оценку всему новому для того, чтобы ориентироваться в нем. При этом оценка может иметь субъективный характер. Оценочные категории рассматриваются как субъективные в теориях разных авторов [Локк 1960; Гобс 1964; Арутюнова 1999; Вольф 2002 и др.]. Как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, «оценка создает совершенно особую, отличную от природной, таксономию объектов и событий» [Арутюнова 1984]. «Она зависит от номинатора определенной реальности, его системы ценностей и отношения к миру» [Арутюнова 1999].

Н.Д. Арутюнова также отмечает, что оценка неотделима от сравнения [Арутюнова 1999]. Для оценивания необходимо сопоставление с условленной единицей измерения, принятой в обществе. К таким единицам измерения относятся единицы шкалы оценки, которые варьируются в зависимости от авторов разных оценочных теорий, но в большинстве своем замыкаются на наиболее обобщающей шкале хорошо/плохо. Авторы отмечают недискретность оценочной шкалы, которая заключается в способности степени признака к снижению или увеличению [Sapir 1944; Вольф 2002]. Е.М. Вольф пишет о том, что «сама по себе оценочная шкала представляет весьма сложную структуру, континуум. На ней находится целый ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей/убывающей. Согласно автору, на оценочной шкале есть зона

положительного и отрицательного («хорошо/плохо»), между которыми расположена зона нейтрального» [Вольф 2002: 38].

Процесс оценивания подчинен норме. С точки зрения философии оценка – «философская категория, обозначающая аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения» [СФС 1998: 631]. Так, Е.А. Кузьмина предлагает рассматривать оценочные категории как особые форматы знания, в основе которых лежит понятие нормы, поскольку именно она служит точкой отсчета для дальнейшего отнесения объекта или явления к категориям хорошо/благо или плохо/зло [Кузьмина 2012: 327]. При этом норма не обязательно совпадает с нейтральной зоной оценочной шкалы и может находиться на любом уровне. «Норма не есть отсутствие (ноль) признака, нейтральная зона. Она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [Вольф 2002: 38-42].

Общество диктует нормы и устанавливает стереотипы, оценивая то, что в них не вписывается. Следовательно, оценка социально обусловлена, ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. «Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки» [Арутюнова 1999: 6]. Находясь в зависимости от общественной нормы, которая со временем подвергается изменениям, критерии оценок являются нестабильными и могут модифицироваться. Е.М. Вольф пишет о том, что «стереотипы исторически и ситуативно изменчивы. Так, сейчас в коне, вероятно, больше ценится умение демонстрировать выездку, чем противостоять неприятелю» [Вольф 2002: 58].

Оценочный компонент значения ФЕ с компонентом-зоонимом формируется при проведении аналогий между разными характеристиками животных и людей (характером, поведением, внешностью, образом жизни и

т.д.), предполагающем одновременное установление ассоциативных связей между осмысляемым фрагментом действительности и шкалой оценок, сформированной в сознании человека. При этом, используя «готовые» на системном уровне ФЕ, т.е. выражения с сформированной однозначной оценкой, мы отражаем тем самым не знание, полученное в процессе нашего жизненного опыта, а мнение, навязанное нам обществом. Е.М. Вольф отмечает, что «субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки («нравится/не нравится»), а с другой стороны, на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки» [Вольф 2002: 30].

Согласно Н.Н. Болдыреву, «оценочная категоризация представляет собой группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [Болдырев 2002: 104]. Он пишет об однонаправленном характере процессов категоризации оценочных единиц: от инварианта (суперординатный и базовый уровни) – к вариантам (базовый и субординатный уровни) или в обратном направлении [Болдырев 2010: 45]. Базовый уровень реализует общеоценочные значения, в то время как на субординатном уровне образуются частнооценочные значения. Так, «базовый уровень связан с оценкой постоянных, конститутивных признаков, а субординатный уровень представлен оценками переменных характеристик объектов». [Болдырев 2019а: 288-289]. Д.Л. Перри вводит понятие компаративного класса, под которым понимается класс, для которого существуют критерии. Автор подчеркивает, что оценка возможна только при сравнении объектов одного класса [Perry 1964]. Согласно Н.Д. Арутюновой, можно выделить компаративные классы объектов и компаративные классы ситуаций, в которых задействованы объекты. При этом все компаративные классы связаны с жизнедеятельностью человека [Арутюнова 1999: 55-56].

«В состав оценки на языковом уровне входят элементы трех типов: те, которые обычно эксплицируются (объект оценки), элементы, как правило, имплицитные (шкала оценок, оценочный стереотип, аспект оценки) и элементы, которые реализуются и в эксплицитном, и в имплицитном виде (субъект оценки, аксиологические предикаты, мотивировки оценок)» [Вольф 2002: 36]. Специфика оценочных концептов заключается в их содержательной неопределенности, обусловленной зависимостью от других, конкретных концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке, т.е. в их содержательной релятивности. Не обладая собственной информацией о мире, они приобретают определенное содержание, только будучи соотнесены с другими концептами или концептуальными структурами в качестве области своего определения [Болдырев 2016: 214-215]. Н.Д. Арутюнова пишет о проблеме экспликации общеоценочных значений. Частнооценочные значения полисемичных устойчивых выражений также нуждаются в экспликации из-за своей принадлежности к модальным категориям и требуют уточнения контекста для правильного понимания смысла. Эксплицитность коммуникации нуждается в обозначении мотивов оценки. При этом отрицательная оценка требует большей конкретизации, чем положительная [Арутюнова 1999: 82].

Способность ФЕ к образованию оценочных смыслов на базе первичных значений, к отражению онтологии мира и к передаче отношения человека к окружающей действительности еще раз доказывает их интерпретирующий характер. Реализация оценочной функции фразеологизмов связана с мотивами формирования разных типов оценок, что делает закономерным рассмотрение их классификаций.

3.2. Классификации оценок

Первые классификации оценок восходят к античности и опираются на оценивание мира по шкале добро/зло. Так, Аристотель писал о разных типах добра (блага), которые зависят от целей в действиях человека, а также от

субъективного отношения к жизни. Он разграничил внешние блага, блага, относящиеся к душе, и блага, относящиеся к телу. Аристотель определяет благо как то, «к чему все стремится», противопоставляя ему худо [Аристотель 1984: 54]. Т. Гоббс вслед за Аристотелем относит к благу «все вещи, являющиеся предметом влечения, а к злу «все вещи, которых мы избегаем». Согласно Т. Гоббсу, понятия добра и зла определяются через модусы желания и отвращения, тем самым приобретая статус свойств пропозиционального объекта. В связи с этим учёный выделяет «добро в обещании, добро в действии как желаемая цель и добро как средство»; наряду с этим он дает классификацию злу: «зло в обещании, зло в действии и результате и зло как средство - бесполезное, невыгодное, вредное» [Гоббс 1991: 40]. При этом подчеркивается сугубо субъективный характер любой оценки, зависящий от мнения. Аристотель отмечал, что «мнение, кажется, бывает обо всем, т.е. о вечном и невозможном, с таким же успехом, как и о зависящем от нас; различают ложные и истинные мнения» [Аристотель 1984].

Г.Х. Фон-Вригт выделяет три типа оценочных концептов: 1) собственно оценка (хорошее и плохое, добро и зло), 2) нормативные концепты (обязанность, дозволенность, разрешенность, право), 3) концепты, относящиеся к человеческим действиям, поступкам (практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость, потребность). Он предлагает следующую классификацию оценок: 1) инструментальные оценки (*хороший нож, хорошая ищейка*), 2) технические оценки, или оценки мастерства (*хороший администратор, плохой специалист*), 3) оценки благоприятствования (*плохой (вредный) для здоровья*), включающие этические оценки (*добрая воля, хорошее намерение, плохой поступок*), 4) утилитарные оценки (*плохой совет, плохой план, хорошая возможность*), 5) медицинские оценки, характеризующие физические органы и психические способности (*хорошее сердце, плохая память*), 6) гедонистические оценки, связанные с ощущениями (*хороший вкус, хороший обед, хорошая шутка*) [Wright 1963].

Процессы инструментального и технического оценивания основаны на функциональном принципе. Прежде всего, учитывается, каким является объект (хорошим или плохим) при выполняемой им функции. Оценки благоприятствования и утилитарные оценки зависят от способности объекта приносить пользу и быть благоприятным для кого-то или чего-то. Данные типы оценок объединяются каузальной направленностью на достижение определенного эффекта. Медицинские оценки характеризуют функции организма, ментальное и физическое здоровье. Гедонистические оценки связаны с получением удовольствия и отражают ощущения человека [Wright 1963].

Н.Д. Арутюнова выделяет общие и частные оценки, связывая первые с количественными показателями (ценностными эквивалентами), а вторые с качественными. «Общеоценочные значения реализуются прилагательными хороший и плохой и их многочисленными синонимами: прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный, нехороший, дурной, поганый, худой и т.д.» [Арутюнова 1999: 74-75]. Фразеологизмам свойственно выражение частнооценочных значений, так как они дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения [см. там же].

Согласно Н.Д. Арутюновой, оценочные категории формируют три большие группы. Группа сенсорных оценок представлена сенсорно-вкусовыми (*приятный – неприятный, вкусный – невкусный, привлекательный – непривлекательный, душистый – зловонный; то, что нравится – то, что не нравится*), или гедонистическими и психологическими (*интересный неинтересный, увлекательный – скучный, радостный – печальный* и т.п.) оценками, связанными с физическими и психическими ощущениями. Имея произвольный характер, сенсорные оценки не мотивируются и не поддаются самоконтролю.

При первом знакомстве человека с миром осуществляется только сенсорное оценивание отдельных его фрагментов. Сенсорные оценки являются

наиболее субъективными, так как они зависят от вкусов оценивающего, от особенностей интерпретации окружающей действительности (мировосприятия). Н.Д. Арутюнова отмечает, что предикаты этой группы характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем ее объект [Арутюнова 1999: 199].

Вторая группа включает в себя сублимированные оценки: эстетические, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный, уродливый*) и этические (*моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, добрый – злой, добродетельный – порочный* и др.). Н.Д. Арутюнова отмечает, что «первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые с удовлетворением нравственного чувства» [Арутюнова 1999: 199]. Сублимированные оценки являются изменчивыми, так как в течение жизни человек может неоднократно менять представление об эталонах красоты и нормы.

Третья группа – рационалистических оценок, связанных с практической деятельностью человека, включает в себя следующие категории: утилитарные оценки (*полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный*), нормативные оценки (*правильный – неправильный, корректный – некорректный, нормальный – аномальный, ненормальный; здоровый – больной* и др.); телеологические оценки (*эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный, удачный – неудачный*). «Фрагменты мира оцениваются с точки зрения пользы и направленности на достижение конкретных целей с учетом их соответствия определенным стандартам» [Арутюнова 1999: 200].

Классификация Н.Д. Арутюновой основана на мотивации оценок и позволяет характеризовать различные виды объектов. Тем не менее, данная классификация актуальна лишь для контекстуально обоснованных оценочных значений из-за интерпретирующего характера оценок. Принадлежность частнооценочного значения к конкретной категории может быть неоднозначной и зависеть от угла зрения, под которым оно рассматривается (например, ФЕ

мокрая курица в значении ‘безвольный, бесхребетный’ выражает психологическую оценку, а в значении ‘жалкий вид’ – эстетическую). Таким образом, оценка зависит от условий функционирования фразеологизма: сферы употребления и интенций говорящего, которые могут отражаться в структурной организации оценочных значений.

3.3. Особенности структурной организации оценочных значений ФЕ с компонентом-зоонимом

Как отмечалось ранее, традиционное выделение денотативного, сигнификативного и коннотативного компонентов языкового значения является недостаточным для исследования единиц языка в качестве интерпретирующих элементов языковой картины мира. Исходя из этого, И.В. Арнольд, Г.Г. Соколова, И.И. Чернышева выделяют четыре микрокомпонента значения, содержащие экстралингвистическую информацию: эмотивность, экспрессивность, оценочность, стилистическую маркированность [Чернышева 1970; Соколова 1984; Арнольд 1990]. При этом значение не всегда включает в свой состав все четыре элемента (например, *вставать с петухами*). В.Н. Телия отмечает, что подобные единицы языка не содержат в своем значении средств для идентификации субъекта с его личностным миром [Телия 1986: 34]. В данных случаях отношение человека к интерпретируемому объекту репрезентируется другими микрокомпонентами: эмотивный (эмоциональный), экспрессивный и/или стилистический.

Эмотивный (эмоциональный) элемент выражает чувственное отношение говорящего к объекту высказывания, связанное с эмоциями одобрения/неодобрения (презрение, снисхождение, порицание, осуждение и т.д.). Некоторые авторы выступают за единство эмоционального и оценочного элементов [Васильев 1990; Гак 1997]. Однако оценка связана с областью ценностей, а эмоция – со сферой чувств. Если обратиться к примеру, фразеологизмов с компонентом-зоонимом, то они могут быть нейтральными с

точки зрения оценки, но при этом иметь ярко выраженный эмоциональный микрокомпонент коннотации: рус. *дрожать как заячий хвост* (страх); англ. *to have ants in your pants* (нетерпение/волнение), *every dog has its day* (надежда); фр. *éveillé/vif comme une potée de souris* (умиление), *adieu veau, vache, cochon, couvée* (грусть/сожаление).

Экспрессивный микрокомпонент значения определяется как усиление качества или количества сигнала в зависимости от некоторого аргумента – той дополнительной информации, которая приводит к этому усилению и вызывает повышенную реакцию на сигнал [Телия 1986: 122]. Так, ряд фразеологизмов направлен не на выражение оценки, а на акцентирование внимания слушателя на конкретном признаке объекта действительности, которое достигается за счет экспрессивного элемента коннотации, отличительной особенностью которого является высокая степень образности высказывания. В частности, во фразеологии с компонентом-зоонимом высокой степенью экспрессивности обладают ФЕ, выражающие интенсивность (меру и степень) проявления качества или действия: рус. *спать как сурок*, англ. *to have a bird's eye view*, фр. *courir comme un zèbre*.

Стилистический микрокомпонент значения не характеризует объект, а определяет принадлежность ФЕ к определенному стилю, предоставляя сведения о коммуникативной ситуации. Основная часть фразеологизмов относится к разговорно-бытовому стилю. Такие фразеологизмы могут быть носителями нейтральной оценки, несмотря на то, что они характеризуются высокой степенью образности, и нередко имеют несколько стилистически сниженную окраску (шутливую, шутливо-ласковую, а также ироническую, фамильярную) [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 64-65]: рус. *ехать зайцем*, англ. *the birds and the bees*, фр. *faire les chiens écrasés*. Значительная часть ФЕ, относящихся к разговорно-бытовому стилю, представляет собой грубые просторечные выражения, отражающие негативную оценку (например, рус. *пес с тобой*). Фразеологизмы литературно-публицистического стиля чаще всего представлены известными цитатами из произведений отечественных и

зарубежных авторов, выражениями, заимствованными из античных литературных источников, из церковных книг и т.д. [см. там же]. Научный стиль не подразумевает использования ФЕ (за исключением его научно-популярной разновидности). Г.Н. Акимова объясняет незначительное количество фразеологизмов, относящихся к научному стилю тем, что «научная речь не тяготеет к экспрессии, поскольку она не может иметь установки на преднамеренное воздействие» [Акимова 1990: 84].

Классификация микрокомпонентов значения, выражающих экстралингвистические знания, может применяться к фразеологизмам, не включенным в речевой акт. При включении в контекст фразеологизмы, изначально обладающие одной комбинацией микрокомпонентов, могут сменить ее на другую. Например, ФЕ с нейтральной оценкой могут приобретать оценочность, а выражения с положительной оценкой - менять свое значение на противоположное, и наоборот. М.В. Никитин называет такую приобретенную оценочность прагматической окраской, подчеркивая, что она представляет собой не собственное значение языковых единиц, а производное от взаимодействия с контекстом и ситуацией речи и, следовательно, рассматривает ее не как элемент содержательной структуры слова, а как элемент содержательной структуры контекста [Никитин 2007: 103].

По аналогии изменения оценочного элемента происходит трансформация эмоционального микрокомпонента значения, в результате которого меняется оттенок чувственного ощущения. «Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, противостоящем субъекту, но также есть некое «переживание», оно эмоционально окрашено» [Постовалова 1988: 20].

Человек классифицирует свое окружение на основе личностного отношения к различным фрагментам действительности. Согласно Л.А. Панасенко, характеризующая интерпретация ориентирована на передачу не только фрагмента знания, но и мнения индивида относительно этого знания и предполагает возможности единиц лексических категорий передавать

оценочные смыслы в речемыслительной деятельности [Панасенко 2014а: 88]. Помимо этого, фиксируя личностное отношение в своем значении, фразеологизмы с компонентом-зоонимом не только передают оценку или эмоцию, но и предоставляют некоторые сведения о сфере или условиях их функционирования. Таким образом, закономерным является рассмотрение способов формирования интерпретирующих значений фразеологизмов, а именно, механизмов семантической деривации.

3.4. Принципы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом

Интерпретирующие значения фразеологизмов с компонентом-зоонимом формируются при помощи когнитивных и языковых механизмов. Первые отражают образное восприятие фрагментов мира, в то время как вторые позволяют выражать его результаты в языковой форме.

К когнитивным механизмам формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом относится профилирование, концептуальная метафора, сравнение (аналогия), метонимия и метафтонимия. Универсальным когнитивным механизмом является профилирование, заключающееся в выделении одной или нескольких характеристик на базе одного концепта [Langacker 1991: 3]. Такие характеристики выступают в качестве профилей интерпретации, вовлекаемых в дальнейшие когнитивные операции. Так, в зависимости от того, какая из характеристик концепта КУРИЦА выбирается как профиль, формируются различные ФЕ: *как курица с яйцом* (профиль – способность птицы откладывать яйца), *цыпленок курицу не учит* (профиль – опытность птицы), *как обципанная курица* (профиль – наличие оперения) и т.д.

По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «образная мотивация большинства идиом основана не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах

других, т.е. на метафорах» [Баранов, Добровольский 2008: 102], что позволяет рассматривать метафорический механизм формирования интерпретирующих значений ФЕ как основополагающий. Концептуальная метафора реализуется с помощью метафорических моделей, которые позволяют представить некоторую абстрактную область с помощью ее отождествления с другой областью, обычно более конкретной и доступной эмпирическому наблюдению [Lakoff 1987: 68]. Данное понимание механизма концептуальной метафоры обуславливает его общую когнитивную модель: ОБЛАСТЬ-ЦЕЛЬ ← ОБЛАСТЬ-ИСТОЧНИК. Соответственно, интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом формируются в результате обнаружения аналогии между объектами области ЖИВОТНЫЙ МИР, выступающей в качестве области-источника (по терминологии Дж. Лакоффа), и другими областями, на которые нацелена интерпретация. Например, Р. Гиббс, анализируя идиому *to let the cat out of the bag* 'to reveal a secret', основанную на концептуальной метафоре, отмечает, что фразеологический компонент «*cat* употребляется не в прямом значении 'кошка', а как сущность ментальной сферы – идеи, находящейся в некотором вместилище (мешке), при восприятии которой в сознании носителей языка активизируется одинаковая метафорическая модель» [Gibbs 1990: 432-433]. Таким образом, данный пример сформирован согласно следующей модели: АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ ← ЖИВОТНЫЙ МИР.

Метафоричность интерпретирующих значений ФЕ связана не только с языком, но и с мышлением, культурой. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что мы думаем и действуем в рамках метафоричной по своей сути системы. Концепты, управляющие нашим мышлением, структурируют наше отношение к другим людям, наше поведение и т.д. [Лакофф, Джонсон 2004]. Данное наблюдение свидетельствует о том, что, формируясь на базе метафорических моделей, интерпретирующие значения фразеологизмов отражают мировосприятие языкового и культурного коллектива посредством интерпретирующей функции.

Еще одним когнитивным механизмом формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом является концептуальное сравнение (аналогия). Сравнение предполагает перенос характеристики одного объекта на другой на основе отношений тождества [Арутюнова 1990: 26-27]. Как мыслительная операция оно осуществляется для понимания (или более полного понимания) чего-то менее известного или менее понятного через соотнесение с чем-то более известным и понятным [Никитин 2007: 254]. М.В. Никитин предлагает разграничивать два типа сравнения в зависимости от характера сопоставляемых признаков, которые могут быть интенциональными и импликационными. Интенционал – это структурированная совокупность признаков, обязательных для сущностей данного класса, в то время как импликационал представлен признаками, не являющимися обязательными для всех сущностей, входящих в класс. При сравнении интенциональных, классообразующих признаков осуществляется сравнение-классификация, а при сопоставлении импликационных особенностей – сравнение-аналогия, или симилияция. Так, «соотнося зайца с кроликом и безбилетным пассажиром, в обоих случаях сравнивают, но в первом идут по лестнице родо-видовых обобщений и имеют дело с классификационным сравнением, а во втором – имеют дело со сравнением по аналогии, так как усматривают сходство объекта с мерилем сравнения (зайцем) на уровне ниже классообразующих признаков последнего» [Никитин 2007: 255].

В качестве когнитивного механизма формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом может выступать концептуальная метонимия. В отличие от механизма концептуальной метафоры метонимия не предполагает выхода за пределы одной концептуально-тематической области. В случае метонимического механизма одна сущность используется для ссылки на другие, которые с ней связаны [Лакофф, Джонсон 2004: 61-67]. В основе метонимической связи лежат отношения смежности, позволяющие замещать одни сущности другими по принципу «часть вместо целого» [Бабина 2009: 143]. При этом «исходное значение импликационно индуцирует гиперсему

производного значения, а само составляет его гипосему» [Никитин 2007: 200]. Метонимический механизм встречается крайне редко при формировании интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, поскольку они, как правило, подразумевают выход интерпретации за пределы одной области. Тем не менее, существуют некоторые исключения, например, в случае, когда в интерпретирующем значении, обозначающем действие человека, внимание акцентируется на самом действии, а не на признаке животного, которое выступает в качестве пассивного участника. Так, интерпретирующее значение английской ФЕ *to eat one's mutton with smb.* 'пообедать с кем-л.' сформировалось по метонимической модели ЧАСТЬ (употребление в пищу конкретного животного) – ЦЕЛОЕ (прием пищи без детализации блюд), где животное упоминается лишь как объект манипуляции со стороны человека и не влияет на характеристику самого действия.

Интерпретирующие значения фразеологизмов могут формироваться согласно механизму концептуальной метафтонимии, представляющему собой сочетание метафорических и метонимических связей. Л. Гуссенс рассматривает метафтонимию как результат концептуального взаимодействия метафоры с метонимией, выделяя три сферы-источника: части тела, звуки и насильственные действия [Goossens 2003]. Примером интерпретирующего значения, сформировавшегося на базе сферы-источника «части тела животного», является передаваемое фразеологизмом *орлиный глаз* значение 'меткий человек', которое основано, прежде всего, на аналогии физиологических характеристик животного и человека, но в то же время содержит элемент замещения, а именно связь «причина-следствие», где причиной является хорошее зрение, а следствием меткость.

Реализация когнитивных механизмов возможна при установлении разнородных содержательных связей между концептами разных концептуальных областей и категорий, описание которых позволяет обнаружить принципы возникновения новых смысловых структур на базе уже имеющихся. В подобных случаях обязательным условием формирования связей

между исходным и производным концептами является наличие общности содержания.

М.В. Никитин выделяет три типа концептуальных связей, объединяющих понятия: импликационные, классификационные и знаковые [Никитин 2007: 192]. Импликационные связи отражают связи между вещами, между частью и целым, между вещью и признаками, между признаками. К такому виду связей относится метонимия, включая синекдоху. Онтологические связи, лежащие в основе формирования метонимии отличаются разнообразием: материал – изделие, причина – следствие, исходные – производные, действие – цель, процесс – результат, часть – целое, признак – вещь и т.д. [Никитин 2007: 192].

Классификационные связи объединяют сущности окружающего мира по общности признаков и обнаруживают два подвида: гипер-гипонимические и симилятивные. В зависимости от направления связи различается связь специализации (инклюзивная, родо-видовая) и связь генерализации, обобщения (эксклюзивная, видо-родовая) [Никитин 2007: 194-195]. Инклюзивная связь представляет собой отношение гиперонима к гипониму, а эксклюзивная – гипонима к гиперониму.

«Симилятивная связь имеет место в том случае, когда общая связь не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих признаков, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои» [Никитин 2007: 196]. Примерами симилятивной связи в языке являются метафора и сравнение. По мнению М.В. Никитина, симилятивная связь может быть предметно-логической при наличии общих свойств у связанных сущностей или синестезической, свойственной референтам, не обнаруживающим реальной или приписываемой общности. В частности, интерпретирующие значения фразеологизмов с компонентом-зоонимом могут основываться на предметно-логических связях при восприятии концептов, обладающих схожими характеристиками: рус. *голодный как волк, ласковый теленок*; англ. *a cat's lick, monkey see, monkey do*; фр. *une remède de cheval, une cage à lapin* и др.

Симилятивная связь устанавливается на основе сходных ощущений, вызываемых разными сущностями. Так, эмотивная симиляция, при которой концепты сближаются по сходству эмоциональной оценки, рассматривается как частный случай синестезической связи. К синестезическому сближению концептов онтологически разнородных сущностей приводят сходство восприятия онтологически не тождественных признаков, однородность ощущений, включая даже ощущения разными органами чувств, сходство нервных реакций. Подобным образом сближаются образы простых, внешних, физических действий (явлений) и действий (явлений) сложных, внутренних, умственных, эмоциональных [Никитин 2007: 197-198]. Например, интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом, образующиеся в результате различных ассоциаций, основываются на синестезических связях: рус. *медведь на ухо наступил, доходит как до жирафа*; англ. *keep the wolf from the door, a bee in one's bonnet*; фр. *peigner la girafe, bouffer/manger du lion* и др.

Фразеологизмы с синестезическим подвидом симилятивных связей характеризуются большей степенью образности и меньшей мотивированностью по сравнению с ФЕ, организованными по предметно-логическому принципу, что обусловлено природой их формирования. Предметно-логические связи основаны на реальной смежности свойств сущностей окружающей действительности и, следовательно, представляют собой более объективное отражение реальности, в то время как синестезические проецируются из человеческих ощущений и эмоций, отличающихся субъективностью.

Результаты реализации когнитивных механизмов, лежащих у истоков интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, вербализуются с помощью языковых механизмов, к которым относится семантическая деривация, вторичная номинация, сочетаемость зоонима с лексикой, не связанной с обозначением животного и выполнение зоонимом функции определения. Семантическая деривация представляет собой процесс расширения семантики языковой единицы посредством появления у слова производных значений. Расширение семантики в результате семантической

деривации увеличивает интерпретирующий потенциал единицы, предоставляя возможность ее включения в состав многочисленных фразеологизмов. Так, большинство лексических единиц, обозначающих животных, не ограничивается реализацией своего прямого значения и приобретает со временем переносные значения, позволяющие формировать оценочные смыслы (свинья – ‘подлец’, собака – ‘презираемый человек’, индюк – ‘самовлюбленный человек’, осел – ‘глупец’ и т.д.). Таким образом, семантическая деривация опосредованно влияет на формирование фразеологических интерпретирующих значений.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются продуктом вторичной номинации, которая представляет собой языковой механизм, заключающийся в использовании уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [Телия 1977]. Вторичная номинация образуется двумя способами: непрямым и косвенным. Согласно В.Н. Телия, «непрямой способ номинативной организации подразумевает не прямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое «предшествующим» значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое содержание» [Телия 1977: 129]. Подобным способом образуются деривационные единицы, выполняющие номинативную функцию. Косвенная номинация представляет собой образование новой языковой сущности в номинативном контексте, эксплицитно или имплицитно указывающем на косвенное соотнесение ее с действительностью [Телия 1977: 163]. Примерами вторичной косвенной номинации являются метафоры, сравнения (анalogии), метонимии, метафтонимии, а также фразеологизмы, образующиеся на их основе.

Для вербализации интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом используется также такой языковой механизм, как сочетаемость зоонима с единицей, не относящейся к обозначению животного. Под семантической сочетаемостью зоонима понимается его способность связываться с другим словом. Как отмечает И.А. Мельчук, слова языка могут

быть связаны экстралингвистическими знаниями (например, *на кровати спят*) или сочетаться по законам языка (например, *разбить палатку*) [Мельчук 1974]. В случае сочетаемости зоонима с единицей, не относящейся к обозначению животного, задействуются экстралингвистические знания. Например, сочетаемость зоонима с абстрактным понятием «темнота» в фразеологизме *лисья темнота* обусловлено экстралингвистическим знанием о времени повышенной активности животного.

К языковым механизмам формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом также относится выполнение зоонимом функции определения. Зооним, используемый в составе фразеологизма в качестве прилагательного определяет дифференциальный признак объекта, к которому он относится. Иными словами, зооним не называет сам интерпретируемый объект, а лишь уточняет одну из его характеристик, одновременно акцентируя ее (например, *зверский аппетит, catty remarks, un coeur de lion*).

Обобщение вышесказанного свидетельствует о том, что к основным принципам формирования вторичных по своей природе интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом относятся когнитивные механизмы, отражающие образное восприятие мира человеком, которое распространяется на все, с чем он взаимодействует в процессе своей жизнедеятельности, и языковые механизмы их передачи. Использование когнитивных и языковых механизмов при образовании интерпретирующих значений фразеологизмов указывает на творческий подход к освоению окружающего мира. В частности, «тропы имеют для людей эстетическую ценность, так как они задают сознанию творческую задачу восполнить недосказанность, а их расшифровка требует знание мира и усилие ума» [Никитин 2007: 203].

Являясь результатом взаимодействия как минимум двух структур знания, ФЕ с компонентом-зоонимом позволяют описать и оценить одну сущность действительности сквозь призму другой сущности. Таким образом, фразеологизмы отражают мнение людей о разных фрагментах мира,

фиксирующееся посредством языковой картины мира, которая раскрывает особенности концептуализации общественного мышления.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволяет сделать следующие выводы, формирующие его теоретическую основу.

1. Посредством языковых значений человек репрезентирует те или иные фрагменты мира, фиксируя в языке наиболее существенные с его точки зрения знания о них. Часть этих знаний выступают в качестве когнитивных доминант, т.е. ориентиров в процессе познания и репрезентации его итогов в языке, что позволяет говорить о доминантном принципе организации сознания в целом и языковой картины мира как результате его деятельности.

Общие когнитивные доминанты позволяют представителям одной социальной группы видеть и интерпретировать мир в определенном направлении. Доминанты помогают человеку ориентироваться во всем многообразии мира посредством систематизации знаний, выделяя то, что является значимым и отодвигая все несущественное на второй план.

2. ФЕ отражают особенности национальных языковых картин мира, о которых свидетельствует неодинаковый выбор языковых средств и механизмов репрезентации одних и тех же понятий. Такой выбор позволяет говорить о культурно-национальной специфике интерпретации мира, которая проявляется на разных уровнях: национальном, социальном, индивидуальном. Культурно-национальная специфика языковых картин мира дает основания предположить, что представители разных социумов ориентируются на неодинаковые доминанты в процессе познания мира.

3. Анализ научной литературы также показывает, что исследование ФЕ требует определения объема и параметров фразеологии. Несмотря на отсутствие четких границ, фразеологизмы обладают рядом общих черт, отличающих их от свободных словосочетаний. К таким чертам относятся, прежде всего, идиоматичность, образность, общеупотребительность и воспроизводимость «в готовом виде». Предпосылки изучения фразеологических значений изначально определяются их культурно-национальной специфичностью. Возможности устойчивых единиц содержать знания о мире, а также отражать отношения к ним позволяют понять особенности мировидения и миропонимания народа, что обуславливает когнитивно-дискурсивное направление данного исследования.

4. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом обладают высокой степенью образности и наглядно отражают особенности народа. Выбор компонента-зоонима для передачи той или иной реалии окружающего мира может показать, с какими животными человек тесно контактировал на протяжении долгого времени, какие знания он приобрел о физиологических и психических свойствах данных животных и как он относится к данным знаниям.

5. Знания признаков животных подвергаются различной интерпретации со стороны человека, что служит источником многочисленных фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Интерпретирующие значения фразеологизмов являются продуктом вторичной номинации. Они выражают новое знание, формирующееся на базе уже известного концептуального элемента. Фразеологизмы образуются в результате коллективной интерпретации и отражают общественное мнение об объектах действительности. Однако воспринимая стереотипное знание, человек пропускает его сквозь призму индивидуальной концептуальной системы, что может вносить свои коррективы в общий смысл выражения. Именно поэтому производные семантические структуры относятся к модусным категориям и требуют содержательной соотнесенности с другими категориями и знаниями интенции говорящего.

6. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом представляют собой сложные структуры знаний, возникшие в результате аналогий между объектами разных концептуальных областей (интерпретирующей и интерпретируемой). Аналогия позволяет установить связи между разными концептами на базе логики или ассоциативных ощущений. Так, посредством характеристик представителей животного мира могут интерпретироваться такие когнитивные области, как ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ.

7. Интерпретирующие значения фразеологизмов с компонентом-зоонимом реализуют три основных типа интерпретации: классификацию, селекцию и оценку. Селективность ФЕ заключается в выборочности репрезентации мира, зависящей от концептуальной системы и картины мира конкретного человека. Классифицирующая функция фразеологизмов проявляется в классификации объектов и ментальных понятий, в соответствии с их категориальной принадлежностью как определенными рубриками опыта. Оценочная функция реализуется посредством оценочных смыслов, которые передаются фразеологизмами и отражают отношение, эмоции, чувства человека к разным фрагментам действительности. Во фразеологии чаще встречается отрицательная оценка, поскольку человеку свойственно концентрировать свое внимание на том, что не вписывается в понятие нормы, в то время как положительные фразеологизмы малочисленны. ФЕ могут быть оценочно нейтральными, но тем не менее, продолжать реализовывать другие функции интерпретации: классификации и селекции.

8. В основе формирования значений фразеологизмов лежат разнообразные импликационные, классифицирующие и симилятивные содержательные связи между разными концептуальными областями, описание которых позволяет обнаружить принципы возникновения новых смысловых структур. Импликационные связи отражают связи между вещами, между частью и целым, между вещью и признаками, между признаками. Классификационные связи объединяют сущности окружающего мира по

общности признаков и обнаруживают два подвида: гипер-гипонимические и симилятивные. Симилятивная связь подразумевает, что помимо общих характеристик, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои.

9. Интерпретирующие значения фразеологизмов формируются в соответствии с когнитивными и языковыми механизмами. Когнитивные механизмы отражают особенности функционирования человеческого сознания: анализ знаний и их структурирование. Языковые механизмы обеспечивают репрезентацию интерпретирующих значений в языке.

ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

1. Модели и механизмы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом

1.1. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом- зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК

Познание любого фрагмента мира начинается с выделения его отличительной особенности, которая впоследствии позволяет классифицировать данный фрагмент уже не как новый, а как известный. Соответственно, идентификация осуществляется за счет интерпретации характеристик на основе сравнения объекта одной концептуально-тематической области с объектами другой области. Как уже отмечалось в Главе I, в качестве интерпретирующей области может выступать область ЖИВОТНЫЙ МИР, а в качестве средства интерпретации – ФЕ с компонентом-зоонимом.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом чаще всего направлены на интерпретацию концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК. Интерпретация человека с помощью характеристик животных удобна тем, что и те, и другие относятся к категории живых существ и, следовательно, обладают некоторыми схожими чертами: анатомическим строением, психической организацией, биологическими признаками (пол, возраст, биологические ритмы и т.д.).

Обычно знакомство с другим человеком начинается со зрительного восприятия его общего внешнего вида, позволяющего сформировать часто поверхностное, но вместе с тем быстрое представление – первое впечатление. При этом сознание концентрируется не на типичных элементах внешнего образа, а на его специфических чертах. Так, наше сознание стремится сделать

акцент на том, что отличает этого человека от других людей и, прежде всего, от нас самих.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом отражают следующие основные характеристики внешнего вида человека:

- общее впечатление (рус. *гадкий утенок, ощипанная курица*; англ. *a dolly bird, butterfly perfections*; фр. *avoir mangé du singe en nourrice, laid comme un crapaud*);

- строение тела (рус. *жирный как свинья, кошачья выкройка, цыплячья нога, свинячий подставок*; англ. *as fat as a pig, as graceful as a swan, as plump as a partridge*; фр. *plate comme une limande, énorme comme une baleine, mince comme la langue d'un chat, maigre comme un chat de goutière*);

- части тела (рус. *осиная талия, лебединая шея, куриная грудь*; англ. *a wasp waist, a swan neck, a shank's pony*; фр. *une taille de guêpe, un cou de sygne/de girafe, des mollets de coq, avoir des épaules du serpent*);

- черты лица (рус. *пороссячи глазки, свиное рыло*; англ. *an aquiline nose, fish eyes*; фр. *un nez aquilin, une face de rat*);

- чистоплотность (рус. *свинья мокрогубая, как зюзя, кошка драная, змея грязнопятая, свинью сосал*; англ. *like smth. the cat brought in, a cat's lick*; фр. *propre comme une écuelle à chat, un grenier à puce*);

- мимика (рус. *смотреть собачьими глазами, надутый как индюк, смотреть волком, смотреть как баран на новые ворота*; англ. *to grin like a Cheshire cat, grave as an owl, to make cow eyes, to stare like a stuck pig, with a knowing cock of eye*; фр. *faire des yeux de crapaud mort d'amour, faire sa bouche en cul de poule, faire des grimaces comme un singe, faire les yeux de carpe pâtée*);

- манера одеваться (рус. *Гамбургский петух, коза в сарафане, корова с седлом, щеголь – коровьи ноги*; англ. *a hog in armour, a mutton dressed as lamb, as gaudy as a peacock, dressed (up) like a dog's dinner*; фр. *donner du chien 'идти, быть к лицу', rassembler à un chien coiffé*);

- прическа (рус. *конский хвост, крысиные хвостики, вишневый домик, воронье гнездо*; англ. *a lion's mane, a poodle cut, a duck's tail*; фр. *être coiffé à la chien, des oreilles de chien, un aérodrome à mouches/libellules, des pattes de lapin*).

Характеристика внешнего вида человека с помощью ФЕ с компонентом-зоонимом основывается на интерпретации физических признаков. Наиболее частой концептуальной основой формирования интерпретирующих значений, характеризующих внешний вид, становятся знания зрительной перцепции, наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о красоте/уродстве животного (с точки зрения человека), 2) знание о физических параметрах животного: степень упитанности, рост (длина), вес; 3) знание о физических особенностях отдельных частей тела животного; 4) знание о чистоплотности животного; 5) знание о мимике животного; 6) гипотетическое знание о нелепом виде животного в нетипичной для представителей его вида экипировке или в человеческой одежде.

В зависимости от эстетической привлекательности или непривлекательности человека общее впечатление о его внешнем виде сопоставляется с положительным или отрицательным образом облика того или иного животного. При этом оценка животного не только связана напрямую с его внешними данными, но и зависит от образа жизни, который оно ведет. Например, русский фразеологизм *драная кошка* характеризует жалкого вида женщину, отличающуюся худобой, поскольку наличие повреждений на теле животного свидетельствуют о том, что оно бездомное, ведет голодный образ жизни и, следовательно, истощено.

В роли концептуального основания формирования интерпретирующего значения может выступать несколько знаний разных форматов, одно из которых будет ведущим, а другие – вспомогательными. Например, в основе английского фразеологизма *butterfly perfections* лежит знание формата зрительной перцепции о форме и расцветке крыльев бабочки. Однако на восприятие бабочки в качестве красивого насекомого влияют, в свою очередь, вспомогательные знания: знание формата наблюдения о ее перемещениях по

цветам и знание формата экспериенциальных эффектов о том, что она не наносит вреда человеку, так как противные знания оказали бы влияние на положительную оценку зоонима и на интерпретирующее значение в целом. Таким образом, интерпретирующее значение приведенного в пример фразеологизма сформировалось из знаний о животном следующих форматов: перцепция + наблюдение + экспериенция.

Во французском языке неуправляемый нрав обезьян, из-за которого они могут причинять людям неудобства и вред, повлиял на отрицательное восприятие этих животных, что наряду с непропорциональными размерами конечностей и туловища стало основой формирования негативных интерпретирующих значений ФЕ: *laid comme un singe* перцепция + экспериенция, *avoir mangé du singe en nourrice* (перцепция + экспериенция) + ассоциация. При этом, следует заметить, что в приведенных примерах на человека проецируется лишь признак животного перцептивного формата, что еще раз доказывает его ведущую роль в формировании интерпретирующих значений.

При интерпретации строения тела, а также отдельных частей тела и лица человека используются знания формата зрительной перцепции о высоте и ширине животного, о параметрах и форме отдельных частей тела животного. Так, знание о большом размере быка составляет основу интерпретирующих значений следующих фразеологизмов: рус. *здоровый как бык*, фр. *c'est un taureau* – характеристика строения тела; рус. *бычья шея*, англ. *a bull neck*, фр. *un cou de taureau* – характеристика части тела.

Интерпретирующие значения, характеризующие чистоплотность, образуются при интерпретации знаний, полученных в результате перцепции или наблюдения за внешним видом или поведенческими повадками животных. Так, наблюдение за свиньями способствовало формированию стереотипного мнения об их нечистоплотности: рус. *грязный как свинья*, англ. *to be regular little pig*, фр. *sale comme un cochon*. Концептуальным основанием формирования значений, интерпретирующих опрятность, может также стать сходство в состоянии

шерсти, оперения или меха животного с внешним видом человека: например, фр. *crotté comme un barbet, propre comme un lapin*.

Фразеологические интерпретирующие значения, определяющие мимику человека, формируются на основе знаний формата зрительной перцепции или наблюдения о мимике животного в различных ситуациях: при виде еды (рус. *надулся как мышь на крупу*), хозяина (англ. *to look at smb. with spaniel eyes*), какого-либо раздражителя (фр. *une mine de chat fâché*) и т.д. Концептуальной основой интерпретирующего значения становится также знание ассоциативного формата о мимике недовольного человека, напоминающей выражение лица при случайном реальном или гипотетическом непроизвольном воздействии животного на человека: рус. *будто муху проглотил* (ассоциация + наблюдение + экспериенция), фр. *avalier un rat* (ассоциация).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, описывающие человека с позиции его манеры одеваться, могут быть основаны на знаниях формата экспериенциальных эффектов о воздействии того или иного животного на одежду человека. Например, знание о том, что коровы жуют случайно оказавшуюся рядом с ними одежду отражается в русской ФЕ *корова жевала* ‘о человеке в мятой одежде’. При интерпретации ассоциативных знаний манера одеваться определяется посредством ирреальных образов животных, например, рус. *коза в сарафане*, англ. *a hog in togs*. Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений, характеризующих манеру одеваться, становятся также знания формата наблюдения. Так, наблюдение за походкой сороки, при которой ее хвост волочится по земле, привело к формированию интерпретирующего значения французского фразеологизма *porter l'habit à queue de pie* ‘носить длиннополую одежду’.

Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, определяющих прическу, осуществляется в результате зрительной перцепции путем выявления следующих концептуальных оснований: 1) сходство формы части тела животного и прически (рус. *мышинный хвостик*, англ. *a duck's tail*, фр. *des pattes de lapin*), 2) сходство густоты шерсти, меха или

оперения животного и густоты волос человека (рус. *львиная грива*, англ. *a lion's mane*, фр. *une crinière de lionne*); 3) сходство взъерошенного или, напротив, прилизанного вида животного с прической человека (фр. *être coiffé à la chien*); 4) сходство формы жилища животного с формой прически (рус. *воронье гнездо на голове*). В отдельных случаях источником интерпретирующих значений становится знание ассоциативного формата: например, французский фразеологизм *une patinoire à louches/à roux* образовалось при возникновении ассоциации лысой головы с ледовым катком для мух или блох.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом характеризуют следующие физические качества человека:

- звуки (рус. *давать петуха, реветь белугой, кошачья музыка, кошачий концерт*; англ. *to roar like a lion, in a bull voice, a wolf whistle, to snore like a pig in a sun*; фр. *crier comme un putois, faire le coq, pousser des cris de paon, rire/souffler comme une baleine*);

- возраст (рус. *желторотый птенец, старая кляча*; англ. *she is no (spring) chicken, an old cat, a hog age*; фр. *une vieille taupe, ce n'est pas le perdreau de l'année, un vieux crabe*);

- кинетику, т.е. манеру движений (рус. *лягушка болотная, гусиный шаг, нестись, как угорелая кошка, пятиться как рак*; англ. *like a bat out of the hell, at a snail's pace, as fast as a hare, to run like a scalded cat*; фр. *faire le pied de grue, courir comme un zèbre, aller comme un chat maigre, aller comme les écrevisses*);

- силу (рус. *Бельгийский мерин, сильный как бык*; англ. *as strong as an ox/lion/horse*; фр. *fort comme un taureau/un boeuf, c'est un taureau*).

В качестве концептуальной основы формирования интерпретирующих значений, характеризующих физические качества человек, выступают знания формата перцепции, наблюдения, операционального опыта, а также ассоциативного формата.

Формат слуховой перцепции представлен следующими знаниями: 1) знанием об интенсивности звуков, издаваемых животным (громко/тихо), 2) знанием о мелодичности животных звуков; 3) знанием о звуках животных,

производимых в определенной ситуации. Слуховое восприятие позволяет различать физические характеристики звука (высокие/низкие, громкие/тихие, плавные/отрывистые), которые оказываются релевантными для интерпретирующей деятельности человеческого сознания [Панасенко 2014а: 132]. При этом человек не только воспринимает, но и оценивает качество звука, опираясь на свои слуховые ощущения и предпочтения. Например, рус. *комариный писк*, англ. *to speak like a mouse in a cheese*, фр. *une voix de chèvre/voix chevrotante* (отрицательная оценка) или рус. *соловиное пение*; англ. *the sweet throat of a nightingale*, фр. *avoir le gosier d'un rossignol* (положительная оценка).

Интерпретирующие значения фразеологизмов, определяющих возраст, формируются на базе знаний форматов наблюдения или операционального опыта: 1) знание о поведении животного в период старения; 2) знание об опытности животного, обусловленной его возрастом. Так, наблюдение за поведением и внешним видом молодых животных позволяет сформировать мнение об их наивности, беззаботности, отсутствии опыта: рус. *желторотый птенец*, фр. *un lapereau de trois jours/semaines*. Старое животное рассматривается с позиции опытности или поведенческих особенностей пожилого возраста, которая предполагает формирование знаний формата наблюдения: англ. *an old cat*, фр. *un vieux crabe*.

Характеристики кинетики интерпретируются посредством знаний формата наблюдения и ассоциативного формата. Прежде всего, оцениваются знания динамических характеристик: 1) знание формата наблюдения о медленной/быстрой скорости передвижения животного (рус. *ползти как улитка, нестись как перепуганный олень*; англ. *to run like a rabbit, to hare it*; фр. *courir comme un lièvre/un lapin, marcher à pas de tortue*), 2) ассоциативное знание о ловкости животного (рус. *как корова на льду, как слон в посудной лавке*; англ. *dance like an elephant, like an elephant in a china shop*; фр. *avoir la légèreté d'un ours, comme l'éléphant dans le magasin de porcelain*); 3) знание формата наблюдения о плавности и амплитуде движения животного

(рус. *кошачья грация, плыть навой*; англ. *as lithe as a panther, swoop like an eagle*; фр. *glisser comme un serpent, à pas de chat/de loup*); 4) знание формата наблюдения о способе передвижения животного, которое может прыгать, ползать, летать, плавать (рус. *плавать как рыба, идти гусиным шагом, плавать по-собачьи*; англ. *swim like a fish, duck walk, to duck under water*; фр. *sauter comme un cabri, nager comme un poisson/un canard, plonger comme un canard*). Интегральный признак «кинематические характеристики», по мнению Л.А. Панасенко, получает дифференциацию в контексте и обеспечивает рациональный модус интерпретации, связанный с формированием интерпретирующих смыслов у рассмотренных единиц, специфицирующих динамические и статические характеристики человека [Панасенко 2014а: 145].

Фразеологизмы, характеризующие силу, могут отражать знания форматов наблюдения или операционального опыта: 1) знание о силе животного, проявляющейся во время охоты; 2) знание о силе животного, полученное в процессе проводимых с ним манипуляций. Так, формат наблюдения позволяет приобрести знание путем анализа результатов зрительного восприятия (например, после наблюдения за поведением льва на охоте): англ. *(as) strong as a lion*. К операциональному опыту относятся знания, которые человек получает при непосредственном взаимодействии с представителем животного мира. Л.А. Панасенко относит к признакам данного формата манипуляции, которые человек выполняет с животными, а также действия, которые выполняет животное, реализуя потребности человека [Панасенко 2014а: 136]. Например, при использовании лошади в сельскохозяйственных работах сформировалось представление о ее силе, выносливости и трудоспособности, что нашло свое отражение в следующих ФЕ: рус. *пахать как лошадь, конем не свернешь*; англ. *a horse power, to work like a horse*; фр. *c'est un vrai cheval de labour, manger du cheval* и т.д.

Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом характеризуют моральные качества человека, в частности, определяя:

- характер (рус. *пес смердящий, кошка на грудь не запрыгнет*; англ. *(as) cold as a fish, a yellow dog*; фр. *un fin renard, être chien avec qn*),

- поведение (рус. *надутый как индюк, распушить хвост как павлин, свинское поведение*; англ. *a dog in the manger, (as) bold as a lion, (as) proud as a peacock*; фр. *faire le paon, se parer des plumes du paon, il aimerait une chèvre/une chienne coiffée*);

- поступки (рус. *врет как сивый мерин, бежать как крысы с тонущего корабля*; англ. *monkey do, monkey see, give the bird, like rats deserting a sinking ship*; фр. *rompre les chiens, payer en monnaie de singe, se fourrer/se mettre dans la gueule du loup*).

Концептуальной основой образования интерпретирующих значений данных ФЕ становятся знания форматов наблюдения, экспериенциальных эффектов, ассоциативного формата: 1) знание о действиях животного в определенной ситуации, 2) знание отличительной черты характера животного; 3) знание о негативном воздействии животного на человека; 4) знание о качественных характеристиках меха, шерсти, кожи или оперения.

Характеристики психики человека формируются на базе знаний о различных реакциях животных на внешние раздражители, проявляющиеся, например, в любопытстве, пугливости, агрессивности (например, ежи сворачиваются в клубок в случае опасности, кошки выгибают спину, собаки рычат). Подобные характеристики присваиваются в результате наблюдения: например, рус. *упрямый как осел*, англ. *look like the cat that stole the cream*, фр. *bête comme un jeune chien*.

В основе фразеологизма может также лежать признак формата экспериенциальных эффектов о негативном воздействии животного на человека или его имущество: встреча с волком опасна для жизни, собака способна укусить, гусь ущипнуть и т.д. (рус. *пустить козла в огород*, англ. *throw smb. to the wolves*, фр. *donner sa tête à un lion*). В некоторых случаях характер человека интерпретируется посредством ассоциативного знания, основанного, в свою очередь, на результате зрительной или тактильной перцепции. Так,

качественные характеристики текстуры, т.е. меха, шерсти, кожи или оперения животного: пушистость (плотность меха), гладкость, колючесть и др. сопоставляются с характером или поведением человека. Например, рус. *колючий как еж* в значении ‘неприятный в общении’, ‘настороженный’, англ. *(as) slippery as an eel* ‘изворотливый, хитрый человек’ – ассоциация + тактильная перцепция; фр. *faire le hérisson* ‘ощетиниться’ – ассоциация + зрительная перцепция.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом используются для характеристики состояний человека:

- общего физического состояния (рус. *устал как лошадь*, англ. *(as) sick as a dog*, фр. *être malade comme un chien*),

- болезней, включая симптоматику и прогноз (рус. *заживет как на собаке, собачья старость*; англ. *to feed the fishes* ‘страдать морской болезнью’, *to bleed like a stuck pig*; фр. *être enrhumé comme un loup, être vidé comme un lapin, avoir des fourmis*);

- состояния опьянения (фразеологизмы, связанные с состоянием алкогольного опьянения: рус. *напиться как свинья, зашибить дрозда*; англ. *to see a man about a dog, drunk as a skunk/as a boiled owl*; фр. *soûl comme une vache, plein comme un âne/une vache/une huître*); фразеологизмы, интерпретирующие курение, наркотическую зависимость (рус. *лягушка с икрой, обдолбанный олень*; англ. *a cold turkey, to get the monkey off*; фр. *fumer comme un dragon*);

- материального состояния (рус. *жить как петух в мармеладе*, англ. *to live high on the hog/on the hog*; фр. *manger/bouffer de la vache enragée*);

- отношения к богатству (рус. *совиные глаза, обхватать как волки*, англ. *to flay a flea for the hide and tallow*, фр. *avoir un hérisson dans le morlingue*);

- эмоционального состояния (рус. *хоть волком вой, как лошадь неподкованная*; англ. *like a cat on hot bricks, (as) happy as a pig in muck*; фр. *prendre mouche, être battu de l’oiseau, avoir le cafard*);

- психического состояния (рус. *мухи в голове*; англ. *to have rats in the attic*, фр. *avoir un cafard dans le choubersky, voir les rats*).

Интерпретация общего физического состояния осуществляется с помощью знаний формата наблюдения за животными, на основе которых формируются ассоциативные знания о человеке: 1) знание о физической силе животного, 2) знание о выносливости и работоспособности животного; 3) знание об условиях обитания животного. Например, размер и сила кабана, способность рыбы жить в холодной воде и работоспособность лошади ассоциируются с крепким здоровьем: рус. *здоров как кабан*, англ. *(as) healthy as a fish*, фр. *une santé de cheval* (ассоциация + наблюдение).

В процессе интерпретации болезней также участвуют знания ассоциативного формата, основанные на знаниях формата наблюдения, привлечение которых зависит от симптомов и ощущений человека. К наиболее распространенным концептуальным основам формирования интерпретирующих значений ФЕ относятся следующие знания: 1) знание о скорости регенерации кожного покрова животного, 2) знание об особенностях перемещения животного; 3) знание о возрастных, анатомических и физиологических изменениях животного организма.

Знание формата наблюдения может сопровождаться вспомогательным знанием операционального опыта. Например, при убое для получения мяса или шкур (манипуляция) животное теряет большое количество крови, что положило начало английской и французской ФЕ: *to bleed like a pig*, *saigner comme un boeuf* (наблюдение + операция).

В более редких случаях концептуальной основой интерпретации болезней становится знание экспериенциальных эффектов о способе передачи болезни от животного человеку. Например, английское фразеологическое название болезни *a cat-scratch disease/cat-scratch fever* сформировалось из знания о том, что носителями бактерий-возбудителей являются кошки, способные заразить человека через царапины.

Концептуальной основой интерпретации симптомов может стать знание ассоциативного формата о нахождении в организме человека определенного животного. Так, при ангине из-за болевых ощущений и из-за частичной потери

голоса у больного создается впечатление, что у него в горле находится посторонний объект, создающий дискомфорт, например, рус. *в горле петух засел*, англ. *to have a frog in one's throat*, фр. *avoir le chat dans la gorge*.

Интерпретация состояния алкогольного и наркотического опьянения осуществляется с помощью ассоциативных признаков, включая те, которые вытекают из знаний формата наблюдения: 1) знания о нечистоплотности животного, 2) знание о количестве жидкости, потребляемой животным; 3) знание о специфическом поведении животного; 4) знание о цвете животного; 5) знание о негативном воздействии животного на человека.

Так, в основе ассоциативного знания может находиться образ животного, погруженного в воду при сопоставлении объема воды с количеством выпитого алкоголя: англ. *(as) drunk as a drowned mouse*. Знание о цвете животного используется при определении состояния, в котором человеку мерещатся ирреальные образы: рус. *напиться до зеленого змия*, англ. *to see pink elephants*, фр. *voir voler des éléphants roses*. Принадлежность пьянства к пагубным привычкам объясняет использование зоонимов с отрицательной оценкой для характеристики не в меру употребляющего алкоголь человека: например, *свинья, cochon* в фразеологизмах *пьяный в зюзю* (зюзя 'свинья'), *soûl comme un cochon*), в основу интерпретирующих значений которых легло знание о нечистоплотности животного. Знание о негативном воздействии животного на человека служит концептуальной основой значения английской ФЕ *to have a monkey on one's back* (ассоциация + экспериенция).

Интерпретация, связанная с материальным состоянием человека и с его отношением к богатству, реализуется фразеологизмами, основанными на следующих знаниях форматов перцепции, наблюдения, операционального опыта и ассоциативного формата: 1) знание о месте и условиях обитания животного, 2) знание о возможности использования животного в пищу; 3) знание об образе жизни или привычках животного; 4) знание о степени упитанности животного; 5) знание об отсутствии животных у человека; 6)

знание о ненасытности животного; 7) знание о наличии колючек или зубов у животного.

Знание формата наблюдения о животном, часто испытывающем голод из-за недостатка пищи в связи с особенностями места обитания, позволяет интерпретировать бедного человека. Например, фразеологизмы *беден как церковная крыса*, *(as) poor as a church mouse*, *pauvre comme un rat d'église* употребляются в значении 'очень бедный', поскольку мышам и крысам, обитающим в церквях, а не в жилых домах, сложно находить себе пропитание. Знание операционального опыта о возможности употреблять мясо некоторых животных в пищу свидетельствует о материальном благополучии: например, фр. *pouvoir mettre la poule au pot*. В то время как отсутствие в хозяйстве животных, напротив, обозначает бедность: фр. *n'avoir ni cheval ni mule* (формат наблюдения).

Интерпретация человека с точки зрения отношения к богатству позволяет определить его как жадного (реже щедрого). Например, для интерпретации жадности могут использоваться знания ассоциативного формата о животных, которые не подпускают к богатству из-за наличия острых зубов или иголок и способности проявлять агрессию: рус. *собака на сене*, англ. *a dog in a manger*, фр. *avoir des oursins dans les poches*. Вспомогательным знанием, сопровождающим ведущее, выступает знание экспериенциальных эффектов о негативном воздействии укусов или уколов животного на человека (ассоциация + экспериенция).

В основе ФЕ с компонентом-зоонимом, определяющих эмоции и чувства, находятся разнообразные знания форматов наблюдения, экспериенциальных эффектов, а также ассоциативного формата, например, 1) знание о повадках животного как о реакциях на раздражитель, 2) знание о психической реакции животного на раздражитель; 3) знание о комфортных условиях обитания животного; 4) знание о пищевых предпочтениях животного; 5) знание о способности животного кусаться, жалить.

Так, в результате наблюдения за реакцией некоторых собак на незнакомцев (лай, рычание, попытки догнать, укусить и т.д.) сформировалось относительно объективное мнение об агрессивности этого животного: рус. *кидаться как собака*, англ. *the black dog is on one's back*, фр. *être d'humeur de boub-dog*. Знания ассоциативного формата менее связаны с объективной реальностью и отражают лишь чувственные ощущения человека. Например, состояние волнения ассоциируется с щекотанием крыльев бабочек, находящихся внутри человека: рус. *бабочки в животе*, англ. *to have butterflies in one's stomach*, фр. *avoir des papillons dans le ventre*. При интерпретации знания формата экспериенциальных эффектов возникают фразеологизмы, выражающие отрицательную оценку. Так, знание о том, что кошки могут оставлять царапины на теле человека, легло в основу фразеологизмов *кошки на душе скребут*, *to have kittens*, реализующих значение 'нервничать'.

Интерпретация состояния психики человека осуществляется с помощью следующих знаний ассоциативного формата и наблюдения: 1) знания о поведении животного под влиянием возбуждающего фактора, 2) знание о гипотетическом воздействии животного на психику человека. Например, знание формата наблюдения за необычным поведением котов, зайцев и кроликов в начале весны, обусловленным их брачным сезоном, стало концептуальной основой формирования интерпретирующих значений следующих фразеологизмов: рус. *безумный как мартовский кот*, англ. *(as) mad as a March hare*, фр. *être fou comme un lapin*). Знание ассоциативного формата в основе значений ФЕ связано с желанием представить причину безумия нахождением в голове посторонних объектов: рус. *тараканы в голове*, англ. *to have bats in one's belfry*, фр. *avoir un cafard dans la tête*. При этом следует отметить, что фразеологической интерпретации подвергаются лишь психические отклонения, а не норма.

Интерпретация социальных отношений человека посредством признаков животных осуществляется за счет характеристики:

- рода деятельности (рус. *осел и соловей, тряпочный волк, кот в сапогах*; англ. *financial sharks, a couch-turkey, a drat rat*; фр. *un rat de bibliothèque, se faire reliair en veau, un chat fourré*);
- отношения к работе (рус. *считать ворон*, англ. *to do pig's ears of something*, фр. *un travail de chien*);
- опыта (рус. *лох сохатый, морской/бывалый волк, цыплячья гузка*; англ. *to get a look at the elephant, a wise old bird*; фр. *un vieux lapin, un loup de mer*);
- семьи и семейных отношений (рус. *воронья мать, свиная свадьба*; англ. *lead apes in hell, a broody hen, «one»'s ewe lamb*; фр. *c'est une bonne lapine, une mère poule*);
- отношений с окружающими (рус. *козел отпущения, кошка скребет на свой хвост*; англ. *to run with the hare and hunt with the hounds, dog-eat-dog*; фр. *se croire un aigle, c'est un ours*).

Фразеологизмы, связанные с профессиями, возникают в результате интерпретации знаний форматов наблюдения, перцепции, экспериенциальных эффектов, ассоциативного формата: 1) знания об особенностях передвижения животного, 2) знания о месте обитания животного; 3) знания о характере животного; 4) знания об использовании животного или его отдельных частей при определенном роде деятельности; 5) знания о внешности животного (цвете, наличии меха, оперения; 6) знания о деятельности животного.

Например, знание формата наблюдения о манере животного передвигаться в горах стало концептуальной основой для формирования интерпретирующего значения русского фразеологизма *снежный барс* 'опытный скалолаз, альпинист'. Знания о деятельности и среде обитания животных легли в основу ФЕ *земляной крот* 'колхозник, крестьянин', *книжный червь* 'библиофил, заядлый читатель'. Некоторые интерпретирующие значения фразеологизмов, характеризующие род деятельности, базируются на знании формата экспериенциальных эффектов. Так, опасность, которую акулы представляют собой для человека, интерпретируется в ФЕ, обозначающих деятельность журналистов (рус. *акулы пера*) или кредиторов (англ. *a loan*

shark), поскольку те также могут создавать проблемы людям: первые, разглашая их тайны, а вторые, забирая их деньги.

В основе интерпретации рода деятельности могут лежать также знания формата зрительной перцепции о цвете животного. Если одежда представителя определенной профессии отличается специфическим для какого-либо животного цветом, то его сопоставляют с данным животным. Так, красный цвет мундиров английского солдата стал основанием его фразеологического названия: *a boiled lobster*. Во Франции фразеологизм *une écrevisse cuite* обозначал кардинала из-за красного облачения священнослужителя.

Интерпретирующие значения, описывающие отношение человека к работе, являются производными от знаний формата наблюдения, операционального опыта или ассоциативного формата. За концептуальную основу принимается 1) знание об эксплуатации животного и тяжелых условиях его труда, 2) знание об однообразии жизни животного; 3) знание об образе жизни животного. Так, при наблюдении за деятельностью некоторых животных у людей сформировалось впечатление об их трудолюбии или лени (рус. *работать как вол*, англ. *a lazy dog*, фр. *paresseux comme une couleuvre*). Знания образа жизни и условий труда животных стали концептуальной основой интерпретирующих значений таких фразеологизмов, как *ишачий труд*, *a dog work*, *un travail de cheval*. Знания ассоциативного формата являются основой интерпретирующих значений фразеологизмов, определяющих безделье: например, рус. *мух ловить*.

При интерпретации опыта человека используются образы животных, переживших опасную ситуацию: для птицы показателем опытности является выживание после выстрела охотника, для лошади – преодоление пути в ненастную погоду и т.д. (например, рус. *стреляный воробей*, фр. *un cheval de trompette* – ассоциация + наблюдение). Если человек в своей жизни встретил какое-нибудь опасное или редкое животное, то он интерпретируется как опытный, что нашло свое отражение в некоторых фразеологизмах: англ. *to see the elephant*, фр. *avoir vu le loup* (ассоциация + экспериенция).

Концептуальной основой интерпретации семейного статуса и отношений в семье выступают знания формата наблюдения: 1) знание об отношении животного к своему потомству, 2) знание о длительности близких отношений животных друг с другом; 3) знание о невозможности половых отношений между особями разных видов.

Знание формата наблюдения об отношении животных со своим потомством используется для интерпретации чрезмерной опеки ребенка родителем (рус. *как курица-наседка*, англ. *a mother hen*, фр. *une mère cigoigne*) или, наоборот, отсутствия заботы со стороны родителя (рус. *кукушкины дети*). Для характеристики брака интерпретируют такие признаки, как «длительность», «совместимость мужа и жены», «причина брака». Например, рус. *кошечья свадьба* (Костромские говоры) ‘непрочный брак’, фр. *une mariage de la carpe et du lapin* ‘противоестественный брак’ – формат наблюдения, *épouser la vache et le veau* ‘брак по беременности’ – ассоциативный формат.

Интерпретация отношений с окружающими с помощью ФЕ с компонентом-зоонимом зависит от статуса конкретного животного в экосистеме, от его способности жить самостоятельно, без помощи человека и себе подобных. Например, волк – дикое животное, независимое от людей, способное существовать в одиночестве, вне стаи. Отсюда произошли следующие фразеологизмы: рус. *одинокий волк*, англ. *a lone wolf*, фр. *un pays de loups*. Кошка, несмотря на свой статус домашнего животного, отличается независимостью, непостоянством, неблагодарностью (рус. *гулящая кошка* (о женщине), англ. *a wild cat*, фр. *ingrat comme un chat*).

При интерпретации отношений человека с окружающими используются знания форматов наблюдения и экспериенциальных эффектов: 1) знание о взаимодействии животных друг с другом, 2) знание об иерархической организации животных в группе; 3) знание о наличии зубов или иголок у животного, которые могут оказать негативное воздействие на других. Например, знания формата наблюдения об особенностях взаимодействия животных друг с другом (как с представителями своего вида, так и с

животными, относящимися к другим видам) стали основой интерпретирующих значений следующих ФЕ: рус. *волчьи законы*, англ. *a society lion*, фр. *être loup avec les loups*.

При использовании ФЕ с компонентом-зоонимом в интерпретирующей функции у животных акцентируются определенные интеллектуальные и физические способности, отличающие их от остальных представителей фауны. Аналогичные способности могут обнаруживаться у человека:

- интеллектуальные способности (рус. *лошадиная память, баранья/ежовая голова, козлийный аборт*; англ. *(as) solemn as an owl, to have a memory like an elephant*; фр. *les ânes parlent latin, bête comme une oie qui se laisse plumer sans crier, sot comme un papillon/une carpe, être lourd comme un boeuf, avoir la mémoire de poisson rouge/d'un lièvre*),

- физиологические способности (рус. *слепой как крот, лошадиное горло*; англ. *(as) blind as a mole*, фр. *avoir les yeux de lynx/d'aigle, тупое comme une taupe*).

При интерпретации интеллекта учитываются не только постоянные характеристики, отражающие умственное развитие человека, но и ситуативные, показывающие уровень сообразительности, которую человек проявляет в конкретной ситуации (рус. *ежу понятно*). В качестве концептуальной основы интерпретирующих значений, определяющих интеллектуальные способности, выступают знания формата наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о поведении животного, 2) знание об умении животного находить выход из сложной ситуации; 3) знание о физических параметрах животного (размере, длине).

Фразеологизмы, интерпретирующие значения которых сформированы из знаний ассоциативного формата об интеллектуальных способностях животных, как правило, субъективны и основаны лишь на догадках человека. Так, фразеология с компонентом-зоонимом отражает мнение людей о том, что уровень умственного развития зависит от роста или размера животного. Таким образом, ведущему знанию ассоциативного формата предшествовало знание

зрительной перцепции о габаритах животного. Например, рус. *куриные мозги*, англ. *a bird brain*, фр. *une tête d'oiseau*, где маленький размер головы означает отсутствие ума. Аналогично оценивается память человек: чем больше животное, тем лучше у него память и наоборот (рус. *куриная память*, англ. *to have a memory like a goldfish*, фр. *avoir une mémoire d'un éléphant, avoir une cervelle d'un lièvre*).

Физиологические способности могут определяться посредством перечисленных выше фразеологизмов, характеризующих выдающуюся силу, особенности кинетики, которые рассматриваются в качестве человеческих талантов и отличают их обладателя от других людей. В качестве концептуальной основы интерпретации физиологических способностей выступают знания формата наблюдения, и ассоциативного формата: 1) знание о выдающейся силе животного, 2) знание о зоркости животного; 3) знание об образе передвижения животного (манере двигаться, скорости движения); 4) знание о живучести животного. Например, при наблюдении за способностью кошек быстро восстанавливаться после травм, выживать после падений с большой высоты и легко переносить болезни сформировались такие фразеологизмы, как *живучий как кошка, have as many lives as a cat*.

Фразеологизмы, отражающие знание физиологических способностей животных, являются наиболее объективными, так как их концептуальное содержание чаще всего подтверждается личным опытом взаимодействия людей с животными. Например, знания о хорошем нюхе собаки или о зоркости орла, положившие начало фразеологизмам *иметь собачье чутье, to have an eagle eye, avoir les yeux d'aigle*, являются неоспоримыми, так как эти животные с давних времен использовались людьми во время охоты.

В проекции на особенности представителей фауны интерпретируются жизненно необходимые для человека процессы и их составляющие:

- сон (рус. *давить медведя* 'очень долго и крепко спать', *быть жаворонком/совой*; англ. *to sleep like a dog, to count sheep, a night owl*; фр. *piquer un chien, dormir en lièvre, charmer les puces*),

- прием пищи (рус. *побороть медведя*, англ. *to suck /to sup the monkey*, фр. *être sobre comme un chameau*).

В качестве концептуальной основы интерпретирующих значений фразеологизмов, характеризующих сон, выступают знания формата наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о глубине и продолжительности сна животного, 2) знание о циркадных ритмах животного; 3) знание о воздействии животного на спящего человека. Чаще всего интерпретация сна осуществляется при установлении аналогий между ритмами сна и бодрствования животного и человека, особенностями сна: степени глубины, длительности (глубокий/чуткий, долгий/короткий и т.д.): *воробыиный сон*, *dormir comme une marmotte*.

Прием пищи интерпретируется на базе знаний формата наблюдения за пищевым поведением животного, а также на базе знаний ассоциативного формата: 1) знания о количестве потребляемой животным еды, 2) знания о вкусовых предпочтениях животного; 3) знания о возможности употребления мяса животного в пищу. Например, фразеологизм *заморить червячка* сформировался на основе знания ассоциативного формата, выводимого из знания формата наблюдения о вкусовых предпочтениях червей, живущих в продуктах, которые служат им не только местом обитания, но и источником пищи, в частности, в овощах или фруктах. Съесть такой продукт – значит лишить животное дома и пропитания или даже убить, что объясняет лексический компонентный состав фразеологизма.

Концептуально-тематическая область ЖИВОТНЫЙ МИР позволяет также интерпретировать события в жизни человека. Наиболее значимыми и, следовательно, часто интерпретируемыми являются:

- зачатие и рождение (рус. *аист принес*, англ. *to have a bat in the cave*, *a visit from the stork*; фр. *avoir vu l'ours*),
- образ жизни (рус. *собачья жизнь*, англ. *a dog's life*, фр. *une vie de chien*);
- характер смерти (рус. *собачья смерть*, *сдохнуть как собака*; англ. *the death of a dog*, *to die like a rat in a hole*; фр. *crever comme un chien*).

В основе интерпретирующих значений фразеологизмов, характеризующих зачатие, рождение находятся знания форматов наблюдения, операционального опыта и ассоциативного формата: 1) знание о скорости размножения животного, 2) знание о нахождении животного в замкнутом пространстве; 3) знание об использовании животного для диагностики беременности; 4) знание о символической функции животного. Например, русский фразеологизм *поймать воробышка* ‘забеременеть’ является результатом интерпретации ассоциативного знания, так как оплодотворение (процесс слияния сперматозоида с яйцеклеткой) ассоциируется с захватом маленькой птички и с ее фиксацией в ограниченном пространстве. Английская ФЕ *to kill a rabbit* произошел из знания метода определения беременности, когда кролику вводилась кровь предполагаемой беременной. Если в крови находился гормон беременности, то кролик погибал. Таким образом, фразеологизм основан на знании формата операционального опыта о манипуляциях с животным, опосредованно влекущих его смерть.

Интерпретация образа жизни человека посредством образа жизни животного осуществляется на базе знаний формата наблюдения: 1) знания об уровне комфорта в жизни животного (нахождение в тепле, достаток пищи, сна), 2) знание об отношении людей к животному; 3) знание о степени зависимости жизни животного от других. Отрицательная оценка присваивается фразеологизмам, определяющим жизнь, полную лишений или трудностей на основе знаний о сложности собачьей жизни из-за отсутствия комфорта, подчинения человеку, отсутствия благодарности с его стороны за собачью службу: например, рус. *жить как собака*, англ. *to lead a dog's life*, фр. *vivre comme un chien*.

Формирование интерпретирующих значений ФЕ, определяющих характер смерти, связано с такими знаниями формата наблюдения, как 1) знание о причине смерти животного, 2) знание об отсутствии рядом живых существ в момент смерти; 3) знание об отношении людей к смерти животного. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, определяющие характер смерти

человека, отражают отрицательную оценку посредством интерпретации таких признаков смерти, как «жалкая», «одинокая», «постыдная» и т.д. (например, *mourir comme un chien* ‘mourir dans l’abandon ou sans avoir reçu les sacrement de l’Eglise’) [URL: <https://www.larousse.fr>].

Ряд фразеологизмов с компонентом-зоонимом предназначен лишь для характеристики представителя определенного пола, а именно: мужской или женской внешности, занятий мужчин или женщин, качеств мужчин или женщин. Например, рус. *медуза в лифчике, свинья на лыжах, куриный балет*; англ. *a snow bunny, bull sessions*; фр. *une vache laitière, une pie-grièche, laisser aller le chat au fromage*. В данных примерах интерпретация осуществляется по половому или гендерному признаку. В случае такой интерпретации выделяется анатомическая или физиологическая характеристика, не свойственная представителю противоположного пола (например, наличие волосяного покрова на теле мужчин, молочных желез у женщин и т.д.). При интерпретации по половому признаку концептуальной основой интерпретирующего значения становятся знания формата перцепции или ассоциативного формата: 1) знание о наличии волосяного покрова на коже животного, 2) знание о физиологической особенности животного; 3) знание о пищевых инстинктах животного; 4) знание о степени упитанности животного и др. Например, концептуальной основой формирования интерпретирующих значений ФЕ *кошка драная* ‘о худой, жалкого вида женщине’, *кошачья выкройка* ‘о худом мужчине маленького роста’ стало знание зрительной перцепции о небольшом размере и худобе кошек в первом случае и знание ассоциативного формата, производное из перцептивного знания – во втором. Знание формата наблюдения о поведении кошек и об их частой неприязни к другим живым существам выступает в качестве концептуальной основы таких английских фразеологизмов, как *catty remarks, a crazy cat lady*.

При гендерной интерпретации акцентируют внимание на психических или социальных особенностях мужчин/женщин. Концептуальной основой являются знания ассоциативного формата или наблюдения: 1) знание о

неуклюжести животного, 2) знание о частотности звуков, издаваемых животным; 3) знание о типичной черте характера животного; 4) знание о цвете животного; 5) знание об интеллектуальных способностях животного. Например, в рамках гендерной интерпретации выделяется женская болтливость, склонность к сплетням, бессмысленным разговорам, вытекающая из знаний формата наблюдения о кудахтанье и глупости кур: рус. *кудахтать как курица*, англ. *a hen party*, фр. *la fête des poules*. Примером образования интерпретирующего значения на базе знания ассоциативного формата является французская ФЕ *une oie blanche* ‘jeune fille très candide et innocente’ [URL: <https://www.larousse.fr>], поскольку животное белого цвета ассоциируется с нравственной чистотой.

Формирование интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом осуществляется посредством процессов концептуальной деривации, концептуальной интеграции и когнитивных механизмов. Концептуальная деривация заключается в образовании новых концептов на базе уже существующих (см. Главу I). Процесс концептуальной деривации связан с концептуальной интеграцией, которая приводит к формированию нового смысла, не сводимого к сумме значений интегрируемых единиц [Болдырев 2006: 20]. Согласно Л.В. Бабиной, в процессе концептуальной интеграции происходит объединение исходных концептов в концептуальные структуры, внутри которых исходные концепты выступают как согласованные по тем или иным концептуальным характеристикам друг с другом [Бабина 2009: 132].

Во фразеологии классическим примером концептуальной интеграции являются фразеологические сращения, смысл которых не выводится из значений, составляющих их компонентов (см. п. 2.1. Главу I классификацию В.В. Виноградова). Интерпретация фразеологических сращений требует привлечения экстралингвистической информации. Например, трактовка фразеологизмов, восходящих к истории, предполагает наличие знаний об исторических фактах, событиях и личностях. Так, русский фразеологизм *быть*

под мухой, по одной из версий, возник среди карточных игроков из-за традиции сопровождать игру под названием «муха» употреблением спиртных напитков [Виноградов 1999]. По другой версии, фразеологизм связан с обычаем трактирщиков наливать клиенту первую рюмку бесплатно. Однако из-за жадности владельцы трактиров приобретали стаканы объемом по 10-15 мл, которые прозвали мухами из-за маленького размера. В независимости от того, какую из версий принимать за исходную, оба варианта связаны с традициями и, следовательно, интерпретирующее значение предполагает имплицитное историческое знание. Французский фразеологизм *couper la queue à son chien* отражает экстралингвистическое знание о том, что афинский военачальник Алкивиад отрезал своей собаке хвост для того, чтобы привлечь к себе внимание граждан [URL: <https://translate.academic.ru>].

К основным когнитивным механизмам, формирующим интерпретирующие фразеологические значения, характеризующие концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК, относятся механизмы профилирования, концептуального сравнения (анalogии), метафоры, а также метафтонимии.

Процессы восприятия и, следовательно, дальнейшей интерпретации воспринимаемой информации зависят от направленности внимания, которая определяется профилированием. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом подразумевает выявление профилей объектов концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР. Профилирование позволяет выделять наиболее актуальные в конкретной ситуации признаки. Так, у концептов ЗАЯЦ/КРОЛИК (RABBIT, LIEVRE) выделяются следующие профили, позволяющие сопоставить их с соответствующими признаками человека: 1) умение быстро бегать, 2) пугливость, 3) способность быстро размножаться. При этом основой интерпретирующего значения становится, как правило, только одна из основных отличительных характеристик животного: рус. *заячья душа* (2), *плодиться как кролики* (3); англ. *to run like a rabbit* (1), *to breed like rabbits* (3); фр. *courir comme un lièvre* (1), *peureux comme un lièvre* (2).

Как видно из приведенных примеров, при формировании интерпретирующих значений профилирование сочетается с другими когнитивными механизмами, поскольку концептуальное сравнение (аналогия), метафора или метафтонимия требуют выделения одного из профилей объекта одной концептуально-тематической области для его последующей образной интерпретации в проекции другой области. Дж. Тэйлор отмечает, что профилирование влечет за собой структурирование концептуальной области под воздействием определенных образных схем или моделей [Taylor 1995: 85].

При образовании интерпретирующих значений в проекции на концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК механизм профилирования совмещается с механизмом концептуального сравнения. Например, фразеологизмы, характеризующие кинетку человека, могут основываться на таком профиле животного, как быстрая или медленная скорость перемещения: рус. *нестись как перепуганный олень*, англ. *(as) fast as a cheetah*, фр. *aller comme un escargot*.

Возможно взаимодействие механизма профилирования с механизмом концептуальной метафоры. Например, во французских фразеологизмах *être le boeuf*, *être un vrai loup*, *un oiseau de passage* профилируются такие концептуальные характеристики животных, как сила (*boeuf*), способность жить вне стаи (*loup*), умение летать (*oiseau*), которые с помощью механизма концептуальной метафоры соотносятся с концептуально-тематической областью ЧЕЛОВЕК, становясь источником новых интерпретирующих значений, описывающих уровень физического развития, особенность социализации и образ жизни человека.

Профилирование также сочетается с механизмом концептуальной метафтонимии. Например, фразеологизмы *цыплячьи/куриные мозги*, *a bird brain*, *une cervelle d'oiseau* сформировались по метафтонимической модели на основе аналогии такого физического признака птицы, как размер мозга и физиологической особенности функционирования мозга человека (низкого интеллекта) с привлечением метонимической связи замещения: орган —

функция органа. В данном примере в качестве основного профиля выделяется маленький размер птичьего мозга. Таким образом, профилирование становится основой дальнейших когнитивных операций.

Как неоднократно отмечалось ранее, фразеологизмы, реализующие производное знание, обладают высокой степенью образности, которая обеспечивается механизмами концептуального сравнения (анalogии), метафоры и метафтонимии. Например, интерпретирующие значения русского фразеологизма *как с гуся вода* ‘совершенно безразлично’, ‘никак не действует на кого-либо’ сформировались по механизму концептуального сравнения (анalogии). При этом могут активироваться разные компаративные модели. Компаративная модель ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (функция оперения) = ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ (психологическая реакция человека) реализуется при определении реакции человека на события, действия других людей): *Конечно, с иного они могли бы сойти, как с гуся вода, но в душе юного поэта они оставляли явственно болезненные следы* [Михайловский 1891]. Возможно также образование интерпретирующего значения по модели ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (функция оперения) = ФИЗИЧЕСКОЕ (физическая реакция человека): *Катя чаще спотыкалась, сдержанно вздыхала. А Мишке хоть бы что, как с гуся вода, - шел бы и шел с винтовкой за плечами тысячу верст* [Толстой 2019], которая используется при характеристике реакции человека на физическую нагрузку, болезнь, холод и т.д.

Метафорические фразеологизмы, определяющие концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК, формируются на базе объективного или субъективного отражения интерпретируемых признаков. Объективное выявление признака возможно путем перцепции, наблюдения, экспериенциального или операционального взаимодействия с интерпретируемым объектом. В подобном случае образование метафоры имеет рационалистическое объяснение и основывается на логичной общности связываемых объектов. Например, рус. *телячьи нежности, служить подопытным кроликом, медвежьи объятья*; англ. *to treat someone like a dog*,

monkey see, monkey do; фр. *servir de cobaye, avoir un caractère de chien, sauter comme un cabri* и др.

Субъективное выявление признака осуществляется на уровне ассоциативно-чувственного восприятия действительности. Формирование субъективных метафор основывается на предполагаемом, а не на реальном сходстве интерпретируемых признаков. Субъективные связи формируют знания ассоциативного формата, отражающие лишь то, что кажется человеку: рус. *птичьего молока захотел, на хромой козе не подъедешь, курам на смех*; англ. *the straw that broke the camel's back, to lose one's goat, to have a bee in one's bonnet*; фр. *avoir une chienne de tête, un mal de chien, prendre la chèvre* и др.

Метафорические модели формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом предполагают интерпретацию физических, физиологических, анатомических, психических, социальных характеристик человека посредством признаков животных. Например, по метафорической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное) образуются фразеологизмы, интерпретирующие внешний вид человека (особенности телосложения, черты лица, мимику, прическу и т.д.), в частности, те, которые основаны на визуальном сходстве размера тела, формы и размера частей тела животного и человека: рус. *лебединая шея*, англ. *to be knee-high to a grasshopper*, фр. *les yeux de hibou*.

Фразеологизмы, интерпретирующие человека с позиции физиологического состояния организма, формируются согласно метафорической модели ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное). При этом во внимание принимаются физиологические характеристики животного (продолжительность сна, особенности пищевого поведения, кинетика, сила, работоспособность и др.). Например, рус. *ломовая лошадь, пить жеребцом*; англ. *an eager beaver, to spur a willing horse*; фр. *faire un repas de brebis, avoir des grenouilles dans le ventre*.

Метафорическая модель СОЦИАЛЬНОЕ (человек) ← СОЦИАЛЬНОЕ (животное) лежит в основе формирования интерпретирующих значений ФЕ,

характеризующих общественный и семейный статусы человека, отношение человека с окружающими. Социальное знание о человеке сопоставляется со знанием о животном: о количестве потомства, об отношении к потомству, о способности жить в стаде, стае или о взаимодействии с другими животными. Например, рус. *волк одиночка, стадо баранов*; англ. *dog eat dog, stir up a hornet's nest*; фр. *on n'a pas gardé des cochons ensemble, hurler avec les loups*.

Интерпретирующие значения, актуализирующие метафорическую модель ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ПСИХИЧЕСКОЕ (животное), определяют психические особенности человека сквозь призму животной психики, что становится возможным посредством наблюдения за поведками животного в той или иной ситуации. К психическим проявлениям животного относятся его реакции на различные события, его поведение при разных обстоятельствах: рус. *заячья душа, покорная овечка*; англ. *to monkey around, to play the bear*; фр. *un chien galeux, un mouton enragé*. ФЕ с компонентом-зоонимом могут быть образованы по другим моделям: ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное) (рус. *как побитая собака*, фр. *un mauvais chien* 'злюка, ехидна' букв.: плохая собака), ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное) (англ. *a wolf in a lamb's skin* 'лицемер' букв.: волк в овечьей шкуре, фр. *un gros porc* 'развратник' букв.: большая свинья).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, образованные по метафорической модели ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ (человек) ← ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ (животное), основаны на аналогии чувств и эмоций, испытываемых животным и человеком. Интерпретация человеческого ментального состояния через состояние представителей фауны связана с эмпатией, т.е. со способностью человека представлять себя на месте другого существа. Например, рус. *чувствовать себя побитой собакой*; англ. *a jolly dog*, фр. *une humeur du chien*.

Формирование фразеологизмов с компонентом-зоонимом, характеризующих концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК, может осуществляться по метафтонимическому принципу. Механизм концептуальной

метафтонимии включает в себя метафорические связи, реализующиеся в разнообразных моделях: ФИЗИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное), ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное), ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ПСИХИЧЕСКОЕ (животное), СОЦИАЛЬНОЕ (человек) ← СОЦИАЛЬНОЕ (животное), ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (человек) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (животное) с одновременным привлечением метонимических связей, задействованных в таких метонимических моделях, как ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ (рус. *пес на хвосте унес*, англ. *Cat got your tongue?*, фр. *avoir joué avec le chat*), ДЕЙСТВИЕ – ЦЕЛЬ (рус. *проверка на вишивость*, англ. *weasel words*, фр. *tuer le veau*), ПРОЦЕСС – РЕЗУЛЬТАТ (рус. *мартышкин труд*, англ. *to flog a dead horse*, фр. *rendre un pavé de l'ourse*). Рассмотрим подробнее некоторые примеры.

Онтологические метафтонимические связи могут формироваться при интерпретации действий человека. Например, русский фразеологизм *собачья работа* ‘неблагодарная работа’ сформировался по метафтонимической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (труд человека) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (труд животного), ПРОЦЕСС (совершение действий) – РЕЗУЛЬТАТ (отсутствие благодарности за действие). Английская ФЕ *Cat got your tongue?* образовалась по метафтонимической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (молчание человека из-за воздействия животного) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (воздействие животного на человека), ПРИЧИНА (отсутствие языка) – СЛЕДСТВИЕ (молчание). Значение французской ФЕ *tuer le veau* ‘шумно отпраздновать чье-либо возвращение’ произошло от традиции убивать телят к праздничному столу. Таким образом, фразеологизм сформировался по метафтонимической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (воздействие человека на животное) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (смерть животного), ДЕЙСТВИЕ (действие, совершаемое при подготовке праздника) – ЦЕЛЬ (празднование).

Фразеологизация представляет собой языковой механизм, в результате которого, свободно функционирующие в языке единицы, преобразуются в компоненты устойчивого выражения, зависящие друг от друга. В свою очередь,

предпосылкой фразеологизации также становятся языковые механизмы, изменяющие семантику отдельных лексических единиц. В случае формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, характеризующих человека, к таким механизмам относятся семантическая деривация, вторичная номинация и сочетаемость зоонима с лексическими единицами, не относящимися к обозначениям представителей животного мира.

Семантическая деривация увеличивает интерпретирующий потенциал языковой единицы, обозначающей животное, тем самым приумножая возможности ее использования в составе фразеологизма. При этом переносные значения зоонимов, функционирующих в составе фразеологизма, способны предопределять смысл всего словосочетания. Например, лексические единицы *петух*, *соск*, *сог* имеют переносное значение 'драчливый, задиристый человек', которое определяет интерпретирующие значения следующих ФЕ: рус. *петухом налететь на кого-нибудь*, англ. *a cock of the school*, фр. *se battre comme un petit сог*.

К языковым механизмам формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом относится также вторичная номинация. Напомним, что в зависимости от характера мотивации различают прямую и косвенную вторичную номинацию. При прямой номинации образование наименования происходит путем прямого отражения особенностей предмета, в то время как косвенная номинация связана с ассоциативным семантическим отражением его признаков [Ван Несс 2008: 75]. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом выполняют функцию вторичной косвенной номинации, так как связь объекта действительности с тем или иным животным обусловлена, прежде всего, ощущениями, вызываемыми им у человека. Например, рус. *зеленый змий/змея*, *птица высокого полета*; англ. *to play possum, a lucky dog*; фр. *un oiseau de nuit, une critique très vache*.

Способность фразеологизмов с компонентом-зоонимом обозначать объекты концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК проявляется в формировании фразеологических названий (терминов), широко

применяющихся в различных специализированных сферах человеческой деятельности. Как правило, фразеологические названия сосуществуют с научными терминами, которые, обычно, являются интернациональными, в качестве их ненаучных аналогов. При этом в повседневной жизни зачастую фразеологические названия употребляются чаще, чем сложные научные термины, поскольку в них отражаются очевидные и, следовательно, понятные всем знания, выступающие в качестве концептуальной основы формирования интерпретирующих значений. Кроме того, за счет точных и в то же время образных аналогий, на базе которых выявляются межконцептуальные связи, фразеологические названия легко запоминаются и становятся общеупотребительными. Рассмотрим далее некоторые примеры фразеологической терминологии в сфере медицины, основанные на сопоставлении характеристик объектов концептуально-тематических областей ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК.

Одна из врожденных хромосомных патологий имеет интернациональное название *cheiloschisis* (*хейлосхизис*), однако данный термин используется крайне редко, так как вместо него большинство людей употребляет фразеологическое название с компонентом-зоонимом: рус. *заячья губа/волчья пасть*, англ. *a hare lip*, фр. *un bec de lièvre*. Фразеологическое название может быть единственным обозначением, не имеющим нефразеологического аналога, например, название одного из генетических расстройств: рус. *синдром кошачьего крика*, англ. *a cri du chat syndrome*, фр. *une maladie du cri du chat*. В первом случае название основано на сравнении лица больного человека с лицом зайца, поскольку при хейлосхизисе верхняя губа ребенка не сформирована до конца и в ней образуется расщелина, часто достигающая до носа и открывающая зубы, что делает его похожим на зайца. Во втором случае дети с синдромом кошачьего крика имеют патологию гортани и голосовых связок, что обуславливает особенности их плача, напоминающего мяуканье или крик кошки. Таким образом, приведенные в пример фразеологизмы,

характеризующие болезни человека, сформировались при интерпретации внешнего вида больного и издаваемых им звуков.

Отличительной особенностью фразеологической терминологии является объективность значения, обусловленная слабой выраженностью аксиологического и эмотивного модусов интерпретации, которые отвечают за эстетическую оценку и тип эмоционального проявления. Ведущая роль отводится рациональному модусу, который определяется признаком, попадающим в фокус внимания интерпретатора.

Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом может быть обусловлено механизмом сочетаемости зоонима с единицей, обозначающей объекты, признаки, действия и явления, связанные с человеком, а не с животным: рус. *крокодиловы слезы*, *писать как курица лапой*; англ. *a black sheep of the family*, *a little bird told me*; фр. *rire comme une baleine*, *écrire comme un chat*. В отдельных случаях интерпретирующее значение образуется при сочетании зоонима, обозначающего одно животное, с единицей, относящейся к другому животному (рус. *волк в овечьей шкуре*, *как корове седло*; англ. *like shooting fish in a barrel*, *to bell the cat*; фр. *un chien de mer*, *voir voler les éléphants roses*).

Как показывает анализ, существует большое количество концептуальных связей между объектами концептуально-тематических областей ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК. В качестве концептуальных основ данных связей выступают знания форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и ассоциативного формата. Когнитивная и языковая реализация концептуальных связей осуществляется посредством когнитивных и языковых механизмов. Разнообразие аспектов человеческой жизнедеятельности, интерпретируемых посредством ФЕ с компонентом-зоонимом, дает основания предположить, что они характеризуют не только самого человека, но и объекты, которые его окружают, в частности артефакты.

1.2. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и АРТЕФАКТ

Концептуально-тематическая область ЖИВОТНЫЙ МИР участвует в интерпретации артефактов (например, рус. *кошачий глаз, собака серая/седая, железный конь, волчий билет*; англ. *a cow with the iron tail, a piggy bank*; фр. *un lait de la vache noir, une remède de cheval, un sac kangourou, une patte de lièvre, un bec papillon*). Концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ включает в себя категории неодушевленных предметов, созданных для улучшения качества жизни посредством выполняемых ими функций. К артефактам, описываемым интерпретирующими значениями фразеологизмов с компонентом-зоонимом, относятся объекты повседневного обихода: одежда, обувь, продукты, посуда, медикаменты, транспортные средства, здания, предметы интерьера, инвентарь, игрушки (игры как намеренно созданный человеком вид деятельности), произведения искусства.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, характеризующие область АРТЕФАКТ, часто обладают нейтральной оценкой, так как их главной задачей является классификация объектов в рамках категорий одного вида на основе отличительного признака, выделяемого сознанием в процессе интерпретации. Если интерпретация людей посредством признаков животных закономерна из-за общей способности живых существ чувствовать, испытывать эмоции, расти, то интерпретация артефактов с помощью животных является специфичной, так как признаки объектов живой природы служат средством характеристики неодушевленных предметов. Именно поэтому при интерпретации артефактов не учитывается психическая сторона представителей животного мира. Акцент делается на физическом и функциональном сходстве интерпретируемого и интерпретирующего объектов.

В частности, ФЕ с компонентом-зоонимом могут интерпретировать следующие функциональные пространства:

- жилые помещения, рабочие помещения, функциональные площадки (рус. *курочкин сарайчик, заячий холодок, танец белых лебедей, тараканье логово*; англ. *a mouse's burrow*; фр. *un nid de hiboux, un bâton de perroquet, une boîte aux singes*).

Признаки объектов концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР участвуют в интерпретации средств передвижения человека:

- транспорт (рус. *собака с теткой, раковая шейка*; англ. *a gearless bird, an iron horse*; фр. *une vache grasse, une boîte à sardines, une voiture pie*).

Названия животных используются также при интерпретации следующих артефактов:

- одежда, обувь (рус. *ласточкин хвост*, англ. *a penguin suit, a duck of a bonnet*; фр. *un pantalon à pattes d'éléphant/les pattes d'éléphant, un habit à queue de pie, une barbe de loup*),

- еда и напитки (рус. *собачья радость, коровье пойло, собачий нос, козий плов, куриные слезы*; англ. *a castor sugar, a spotty dog, a cold duck, a pig between two sheets, a dog-in-a-blanket*; фр. *un lait de poule, un sang de poisson, un nez de chien, un fromage à pie, une alouette sans tête*);

- мебель (рус. *слониха со слонятами*, фр. *un fauteuil crapaud*).

Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений ФЕ, определяющих здания, служат знания форматов зрительной перцепции, наблюдения, функции и ассоциативного формата: 1) знание о размере, форме жилища животного, 2) знание о чистоте жилища животного; 3) знание о месте расположения жилья животного; 4) знание об образе жизни животного; 5) знание о негативном воздействии животного на человека; 6) знание о прочности жилища животного; 7) знание об одном из функциональных назначений жилья животного.

Например, интерпретирующее значение фразеологизма *медвежья берлога* сформировалось на базе знания формата наблюдения о чистоте жилища животного. При интерпретации зданий могут также задействоваться знания формата наблюдения о месторасположении жилища (рус. *тараканье логово*,

фр. *un nid de hiboux*), об образе жизни животных: например, *кошачий городок* отражает особенности образа жизни молодежи, напоминающего образ жизни кошек (многочисленные прогулки, ведение ночного образа жизни, крики). ФЕ *une cage à lapins* отражает знание формата зрительной перцепции о размере помещения, занимаемого животным. Знание формата функции актуализируется при интерпретации жилья с позиции его использования для определенных целей. Например, английский фразеологизм *a mouse's burrow* отражает знание формата функции о том, что мыши используют свое жилище для хранения запасов, а фразеологическое название аэродрома *an eagle's nest* интерпретирует функциональную площадку по назначению: место посадки самолетов по аналогии с гнездом, служащим местом приземления птицы.

Интерпретация транспортных средств осуществляется на базе переосмысления следующих знаний форматов зрительной перцепции, наблюдения, операционального опыта и ассоциативного формата: 1) знания о цвете животного, 2) знания о размере животного; 3) знания о траектории перемещения животного; 4) знания об эксплуатации животного; 5) знания о количестве животных в замкнутом пространстве; 6) знания об особенности кинетики животного. Так, знание формата операционального опыта об эксплуатации лошадей в качестве рабочей силы, производное, в свою очередь, из знания формата наблюдения о силе данного животного, нашло свое отражение во фразеологических названиях артефактов, образованных по модели операция + наблюдение: рус. *железный конь* 'локомотив', англ. *a heavy draught horse* 'тяжеловоз', фр. *une 5-chevaux* 'машина в пять лошадиных сил'. Концептуальной основой формирования интерпретирующего значения ФЕ в отношении транспортных средств может стать знание формата зрительной перцепции о физическом сходстве цвета животного и цвета машины: например, *раковая шейка* 'патрульная полицейская автомашина с красными полосками', *une voiture pie* 'черно-белая полицейская машина'.

Одежда и обувь интерпретируются при обработке знаний формата зрительной перцепции. Интерпретация осуществляется на следующих

концептуальных основах, в роли которых выступают знания форматов зрительной перцепции, наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о форме части тела животного, 2) знание о цвете животного; 3) знание о функции покрова животного; 4) знание о положении части тела животного в пространстве. Например, русская ФЕ *хрюшино копытце* ‘широкий невысокий каблук’ произошла из знания формата зрительной перцепции о форме части тела животного. Английский фразеологизм *a duck cloth*, обозначающий парусиновые брюки, которые отличаются непромокаемостью, сформировался из знания формата наблюдения о водоотталкивающем свойстве оперения птицы. Французское фразеологическое название брюк клеш *les pattes d'éléphant* основано на знании зрительной перцепции о форме ног животного.

При интерпретации еды и напитков используются знания форматов зрительной перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, операционального опыта, функции и ассоциативного формата: 1) знание о вкусовых предпочтениях животного, 2) знание о корме, которым человек чаще всего кормит животное; 3) знание об использовании мяса животного в пищу (в т.ч. для приготовления конкретного блюда); 4) знание о функции животного; 5) знание о форме животного. Например, за основу интерпретирующего значения русского фразеологизма *красная рыба*, определяющего консервированную кильку в томате, принимается знание формата зрительной перцепции о цвете рыбы, аналогичного цвету продукта. Интерпретация знания формата экспериенциальных эффектов о целебных свойствах собачьей шерсти привела к формированию английской ФЕ *a hair of the dog* ‘спиртное для лечения похмелья’. Французское фразеологическое название гоголя-моголя *un lait de roule* отражает знание формата функции о способности животного производить определенный продукт, и знание ассоциативного формата, так как в основе интерпретирующего значения заложена ассоциация куриного яичного белка с коровьим молоком.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, определяющие предметы мебели, основываются на знаниях формата перцепции, полученных при

зрительном восприятии внешнего вида животных, в результате которого формируются знания о форме и размере. Например, русский фразеологизм *слониха со слонятами* ‘стол со скамейками в камере’ отражает знание зрительной перцепции о соотношении размера животного с его детенышами.

Когнитивными механизмами формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом, характеризующих концептуально-тематическую область АРТЕФАКТ, являются профилирование, концептуальная метафора и метафтонимия. Рассмотрим примеры реализации таких механизмов.

Механизм профилирования, на котором основаны все интерпретирующие значения ФЕ, включая те, которые описывают артефакты, сопряжен с другими когнитивными механизмами. Например, в основе интерпретации продуктов питания лежат механизмы профилирования и концептуальной метафоры. Выделение профиля «питание травой и овощами» при профилировании концепта КОЗА/КОЗЕЛ и образование метафорической связи на базе физиологической характеристики животного (особенности его питания) привело к формированию интерпретирующего значения ‘салат из овощей’, реализуемого фразеологизмом *козий плов*. Фразеологическое название хирургических щипцов *вороний клюв* образовано на основе таких профилей птицы, как «наличие клюва» и «способность захватывать предметы клювом» с последующим вовлечением данных признаков в метафорическую модель, позволяющую интерпретировать артефакт с позиции функции. В результате профилирования концепта ГУСЬ в качестве профиля выделяется своеобразная форма лап птицы. Данный профиль отражен в фразеологизме *гусиная лапа* ‘инструмент, используемый ворами для вскрытия сейфов’, основанном на метафорической модели, учитывающей физическое сходство артефакта с частью тела птицы.

По когнитивной схеме «профилирование + метафора» образуются также интерпретирующие значения, определяющие транспортные средства. Так, английский фразеологизм *an owl train* основан на таком профильном признаке животного *owl*, как ночное бодрствование, который участвует в интерпретации

поезда ночного следования. Французская ФЕ *une voiture pie*, обозначающая полицейскую машину, также образовалась в результате профилирования, в процессе которого был выделен черно-белый цвет оперения птицы *pie* и концептуальной метафоры на базе физической аналогии.

Механизм профилирования совмещается с механизмом концептуальной метафтонимии. Например, выбор формы и цвета хвоста ласточки как профиля стал основой фразеологического названия фрака *ласточкин хвост*, в котором акцентируется аналогия физического сходства артефакта и части животного, с одной стороны, и обозначение фалд как фрагмента предмета одежды в качестве его названия, с другой. Английская ФЕ *a pig between two sheets* ‘бутерброд с ветчиной’ сформировалось в результате выделения такого профиля, как возможность употреблять мясо свиньи в пищу. При реализации данного профиля метафорической интерпретации подвергается функциональный признак животного, а именно использование его мяса для приготовления ветчины. Однако в то же время активируется метонимический механизм: зооним *pig* (целое) употребляется в значении ‘кусоч ветчины’(часть). Французские ФЕ *une baleine de parapluie* ‘спица зонтика’ и *une baleine de corset* ‘корсетная кость’ также образованы в результате профилирования, при котором выделяется профиль «наличие усов у кита», и концептуальной метафтонимии, основанной на физиологическом признаке усов животного, обуславливающим их функциональное применение, и на замещении единицы, обозначающей фрагмент (усы) зоонимом.

Концептуальная метафора, как механизм формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом области АРТЕФАКТ, строится по разнообразным моделям. Например, интерпретация зданий и функциональных пространств может осуществляться по следующим моделям: СОЦИАЛЬНОЕ (жилище врагов или преступников) ← СОЦИАЛЬНОЕ (жилище агрессивных к чужакам животных) – рус. *волчье логово*, СИМВОЛИЧЕСКОЕ (парковка для беременных) ← СИМВОЛИЧЕСКОЕ (птица как символ рождения) – англ. *a stork parking*

(амер.); ФИЗИЧЕСКОЕ (качество жилища человека) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (качество жилища животного) – фр. *un nid à rat*.

Самой распространенной метафорической моделью является модель ФИЗИЧЕСКОЕ (качество артефакта) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (качество животного), согласно которой предмет интерпретируется с помощью физического качества животного: внешнего вида (формы, размера, цвета), издаваемых звуков, кинетики, силы и т.д. Так, фразеологизм *воронье гнездо*, обозначающий у моряков наблюдательный пункт на одной из мачт корабля, сформировался по метафорической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (артефакт, расположенный на высоте) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (гнездо птицы, расположенное на высоте). Интерпретация предметов мебели и музыкальных инструментов может осуществляться на основе сопоставления размера предмета с формой и размером животного или его частей. Например, французские фразеологизмы *un piano crapaud* ‘небольшой рояль’, *un fauteil crapaud* ‘низкое и широкое кресло’ образовались по модели ФИЗИЧЕСКОЕ (форма и размер артефакта) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (форма и размер животного). ФЕ *la dent de l'hippopotame/de l'éléphant* может употребляться в значении ‘рояль’: *agacer les dents de l'hippopotame, taquiner les dents d'éléphant* ‘бренчать на рояле’ на основании сходства формы части животного с частью инструмента: ФИЗИЧЕСКОЕ (инструмент, клавиши которого схожи по форме с зубами животного) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (форма зубов животного).

В основе формирования концептуальной метафоры может лежать не только физический, но и функциональный аспект. В частности, русская ФЕ *совиные глазки* ‘прибор ночного видения’ образован по модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (функция артефакта: прибор, позволяющий различать объекты в темноте) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (функция глаз животного). Английское словосочетание *a mouse's burrow* может выступать в роли фразеологизма, обозначая небольшое помещение, используемое для хранения чего-либо, образуясь по метафорической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (помещение, используемое человеком для хранения) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ

(жилище, используемое животным в т.ч. для хранения пищи). Французский фразеологизм *une vache à eau* также сформировался по метафорической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (фляга, используемая в походных условиях как сосуд для хранения воды и питья) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное, производящее жидкость: молоко).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом могут образовываться на основе концептуальной метафтонимии. Например, русское фразеологическое название *молоко бешеной коровы*, используемое людьми с наркотической зависимостью для обозначения конопли, сваренной на молоке, образовалось по метафтонимической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (использование молока для приготовления наркотика) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (способность животного производить молоко), ЧАСТЬ (молоко как ингредиент) – ЦЕЛОЕ (конопля с молоком). Английское фразеологическое название сгущенного молока *an armored cow* сформировалось по метафтонимической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (молоко, используемое как основной ингредиент) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (способность животного производить молоко), ЧАСТЬ (содержимое: сгущенное молоко) – ЦЕЛОЕ (банка со сгущенным молоком). Примером метафтонимического механизма служит также архаический фразеологизм *une petite oie*, обозначающий ‘мелкие принадлежности туалета’, преимущественно женские. Интерпретирующее значение сформировалось по метафтонимической модели ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (использование птичьих перьев в качестве аксессуара) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (наличие оперения у птицы), ЧАСТЬ (перо птицы) – ЦЕЛОЕ (птица). Отметим, что данный фразеологизм распространялся изначально лишь на перья, используемые в качестве декора головных уборов и причесок, а затем стал определять и другие аксессуары, не имеющие отношения к птице (перчатки, чулки, ленты и т.д.): *À la vérité, nos modes changent de temps en temps; mais avez-vous pris garde que ces changements ne vont pas tant à l'essentiel des habits qu'aux ajustements et à la petite-oie?* [URL: <https://www.littre.org/definition/oie>].

К языковым механизмам формирования интерпретирующих значений ФЕ концептуально-тематической области АРТЕФАКТ относится вторичная номинация. В результате действия данного механизма при включении в состав фразеологизма зооним частично или полностью утрачивает свое основное значение и начинает выполнять новую для него функцию. Так, результатом интерпретации плохого музыкального или вокального исполнения произведения стало выражение *кошачий концерт*, в котором прилагательное не реализует ни одно из следующих прямых значений: 1) соотносящийся по значению с существительным кошка, связанный с ним, 2) свойственный кошке, характерный для нее; 3) принадлежащий кошке; 4) сшитый, изготовленный из меха кошки [Ефремова 2000]. Тем не менее, присутствует косвенная отсылка ко второму значению ‘свойственный кошке, характерный для нее’ из-за аналогии негармоничного звучания человеческого голоса кошачьему мяуканью.

Английский фразеологизм *a cow with the iron tail* служит средством вторичной косвенной номинации: *The Rinderpest does not affect the cow with the iron tail* [Farmer, Henley 2016]. Зооним *cow*, имеющий прямое значение ‘a large female farm animal kept to produce meat and milk’ [URL: <https://dictionary.cambridge.org>], приобретает переносное значение в составе фразеологизма, обозначая технический аппарат. Отсюда вытекает общее интерпретирующее значение выражения ‘аппарат, разбавляющий молоко водой’. Французская ФЕ *un peau d'âne* также выполняет функцию нарицания, реализуя значение ‘диплом, «корочки»’.

К числу языковых механизмов формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом области АРТЕФАКТ относится механизм сочетаемости зоонима с названием артефакта, при котором зооним выполняет функцию определения. Как отмечалось в Главе I, в подобных случаях основной функцией зоонима становится не нарицание, а уточнение дополнительных характеристик интерпретируемого объекта. Например, в русском фразеологизме *заячий билет* прилагательное «заячий» определяет одно из качеств проездного документа: фальшивость. В английской ФЕ *a penguin suit* ‘смокинг’ зооним

penguin определяет такую характеристику, как цветовая гамма предмета одежды. Во французском фразеологизме *un bateau mouche*, реализующем значение ‘речной трамвай’, зооним *mouche* свидетельствует о небольшом размере судна.

Исследование концептуального взаимодействия областей ЖИВОТНЫЙ МИР и АРТЕФАКТ обнаруживает разнообразные связи, в качестве концептуальных основ которых выступают знания всех форматов: перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и ассоциативного формата. Формирование интерпретирующих значений ФЕ, определяющих артефакты, осуществляется посредством когнитивных и языковых механизмов. Как показал анализ, когнитивные механизмы метафоры и метафтонимии всегда сочетаются с профилированием, которое позволяет выбрать из множества знаний об объекте признак, который будет подвергаться дальнейшей когнитивной обработке.

1.3. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и НЕЖИВАЯ ПРИРОДА

ФЕ с компонентом-зоонимом используются для интерпретации концептуально-тематической области НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, которая включает в себя категории неодушевленных объектов, не созданных человеком (воздух, воду, камни, почву, небесные тела), а также явления, связанные с этими объектами. Интерпретация объектов и явлений неживой природы посредством характеристик животного мира позволяет человеку ориентироваться в изменчивых и не зависящих от него условиях. Такая форма интерпретации мира является одной из древнейших традиций человечества, так как позволяла объяснить пугающие и непонятные людям силы природы с помощью хорошо знакомых образов животных.

Интерпретации подвергаются:

- температура воздуха (рус. *собачий холод, хоть волков морозь, волки мерзнут*; англ. *dog days of summer, a three dog night*; фр. *un temps de cochon, il fait un temps à ne pas mettre un chien dehors, un froid de canard*);

- природные осадки (рус. *белые мухи, лисья погода, гусиные рянды, гусиное ненастье*; англ. *raining cats and dogs, lovely weather for ducks/fine weather for young ducks*; фр. *des mouches d'hiver, il pleut comme vache qui pisse, une pluie de chien*).

Фразеологизмы, интерпретирующие температуру, как правило, связаны со следующими знаниями форматов наблюдения, экспериенциальных эффектов и операционального опыта: 1) со знанием об отношении животного к погодным условиям, 2) со знанием о действиях человека по отношению к животному в плохую погоду; 3) со знанием о сезоне охоты на животного. Так, русская ФЕ *собачий холод* произошла из знания операционального опыта о том, что в очень сильный мороз люди запускали в дом дворовых собак, чтобы те не погибли от переохлаждения. Выражение *a three-dog night* появилось из-за обычая англичан пускать ночью в постель собак, если ночь выдавалась очень холодной, что помогало хозяевам согреться. Французский фразеологизм *un froid de canard* возник в связи с знанием формата экспериенциальных эффектов о том, что охоту на уток традиционно начинали с наступлением первых морозов и охотник, затаившийся в течение долгого времени на земле, сильно замерзал. При интерпретации погоды в зависимости от показателей температуры воздуха может также учитываться знание ассоциативного формата о гипотетическом влиянии температуры на животное: например, рус. *волки мерзнут*.

Интерпретация осадков реализуется посредством знаний зрительной перцепции и наблюдения, при этом наиболее распространенными среди них являются: 1) знание о форме и размере животного, 2) знание об отношении животного к осадкам; 3) знание о сезоне перелета птиц в теплые страны. Например, русская ФЕ *гусиное ненастье* 'дождливая погода поздней осенью' отражает знание формата наблюдения о том, что птицы улетают на юг с наступлением первых холодов и с началом дождей. Английская идиома *it's*

raining cats and dogs сформировалась при интерпретации знания формата наблюдения в XVII веке, когда сильные дожди вымывали из слабых дренажных систем мусор и мертвых животных. Французское фразеологическое название снежинок *des mouches d'hiver* основано на знании зрительной перцепции о размере мух и снежинок и на знании формата наблюдения за их движением.

Интерпретации подвергаются не только осадки, но и другие природные явления: ветер, туман, гололедица, гром и т.д. (например, рус. *лиса блины печет, козы бегут, коровья Масленица, воробьиная ночь, черный дракон*; фр. *il fait un vent à écorner les bœufs, un tambour des escargots, il fait vache*). В качестве основы взаимодействия соответствующих концептуально-тематических областей выступают признаки форматов зрительной перцепции, наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о месте обитания животного, 2) знание о цвете животного; 3) знание о влиянии животного на человека; 4) знание о кинетике животного; 5) знание об условиях манипуляций, совершаемых с животным.

Так, русский фразеологизм *лиса блины печет* отражает знание формата наблюдения о местах частого обитания лис (болот) и знание ассоциативного формата, в результате которого сформировалось интерпретирующее значение 'низкий туман над заболоченными местами'. Французское выражение *il fait un vent à écorner les bœufs* 'сильный ветер' произошло из обычая удалять рога у быков в ветреную погоду, что предположительно обуславливалось отсутствием мух, которые могли спровоцировать нагноение ран в местах спиливания. Следовательно, возникновение фразеологизма связано со знанием формата операционального опыта.

Знания об объектах концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР используются при интерпретации ландшафта:

- ландшафт (рус. *козья тропа, медвежий угол, собачье горло*; англ. *a goat/pig/cow trail*; фр. *un chemin de chèvre, une montagne à vache*).

Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений, характеризующих ландшафт, выступают знания форматов зрительной перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов: 1) знание о траектории

перемещения животного, 2) знание о способности животного преодолевать природный объект; 3) знание о месте обитания животного (медведь – лесистая местность, ласточка – берег, утес; орел – степь и т.д.); 4) знание о ширине природного объекта, образованного в результате перемещения животных; 5) знание о негативном воздействии животного (или его части) на человека.

Например, русское выражение *курицы бродят* используется для характеристики неглубокого водоема, по которому могут перемещаться даже не умеющие плавать птицы (знание формата наблюдения). Аналогичное значение имеет фразеологизм *лягушья вода* (говор), однако в качестве интегрального признака в данном случае используется не размер животного, а среда его обитания. Английская ФЕ *a cow trail* отражает знание формата наблюдения о ширине тропы, прокладываемой животным. Французский фразеологизм *un plancher des vaches*, определяющий участок суши, также сформировался из знания формата наблюдения о том, что коровы способны перемещаться только по земле. Знание формата экспериенциального опыта об опасности стало концептуальной основой формирования интерпретирующего значения русского фразеологизма *собачье горло* ‘опасное для судоходства место’, используемого моряками.

Признаки объектов области ЖИВОТНЫЙ МИР используются в интерпретации характеристик драгоценных и полудрагоценных камней:

- цвета камня (рус. *павлиний глаз, соколиный/ястребиный глаз*; англ. *a bull's eye stone/ox eye, an eagle eye*; фр. *un oeil de taureau/boeuf, un oeil d'aigle*),
- светового эффекта поверхности камня (рус. *эффект кошачьего глаза*, англ. *a cat's eye effect*, фр. *l'effet d'oeil de chat*).

В большинстве случаев межконцептуальные связи формируются на базе знаний формата зрительной перцепции: 1) знания о цвете глаз животного, 2) знания о реакции зрачков животного на свет; 3) знания о текстуре шкуры, оперения, чешуи или панциря животного. Так, фразеологические названия *бычий глаз, a bull's eye stone/ox eye, un oeil de taureau/boeuf* сформировались из-за визуального сходства красно-бурого камня с глазом разъяренного быка. Интерпретация осуществляется не только по цвету, но и по игре света на

поверхности камня: например, ФЕ рус. *эффект кошачьего глаза*, англ. *a cat's eye effect*, фр. *un effet d'oeil de chat*, обозначающие оптическое явление перемещения блика по поверхности, сформировались на основе сходства с переливами радужной оболочки глаза кошки. Более редкой является интерпретация камня по сходству с другими частями тела животного, а не с глазами. За интегральный признак может приниматься свойство текстуры шкуры, меха, чешуи или оперения, доступное зрительной перцепции. Например, *септария* имеет фразеологическое название *черепаший/драконий камень* из-за сходства узора на ее поверхности с панцирем.

К когнитивным механизмам формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом, описывающих объекты и явления неживой природы, относятся механизмы профилирования, концептуальной метафоры и метафтонимии. Рассмотрим некоторые примеры, использования данных механизмов.

Интерпретация неживой природы посредством знаний о представителях животного мира реализуется посредством профилирования, сопряженного с концептуальной метафорой. К примеру, интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом, учитывающие внешнее сходство глаз животного с камнем, формируются по метафорической модели на базе физической аналогии с участием профилей «форма» и «цвет глаз» животного: рус. *тигровый глаз*, англ. *a tiger's eye*, фр. *un oeil de tigre*. В число фразеологизмов, образованных по модели «профилирование + метафора», входят также словосочетания, обозначающие погоду, посредством интерпретации образов животных, которым привычно переносить холод. Следовательно, в качестве интерпретирующего профиля животного избирается его «термоустойчивость», т.е. влияние, оказываемое на него низкой температурой. Данный профиль задействуется в концептуальной трансформации путем метафоры, при которой образуются следующие ФЕ: рус. *собачий холод*, англ. *a beastly cold*, фр. *un froid de loup*. Таким образом, характеристика холода с помощью признака животного

усиливает фразеологическую выразительность, подчеркивая степень восприятия температуры человеком.

Механизм профилирования может быть сопряжен с концептуальной метафтонимией. В частности, при профилировании концепта КОРОВА может акцентироваться такой признак, как неловкость движения. В результате использования данного профиля в метафтонимической модели образовался фразеологизм *коровья Масленица*, представляющий собой результат народной интерпретации гололедицы. Метафорическая часть метафтонимии основана на физической аналогии кинетики животного и человека, скользящего на льду. В то же время при формировании интерпретирующего значения активизируется метонимическая модель, поскольку интерпретируемое природное явление часто образуется на масленичной неделе, что позволяет названию праздника замещать название явления как события, случающегося на него.

Концептуальная метафора в основе интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, характеризующая область НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, формируется согласно модели ФИЗИЧЕСКОЕ (объект/явление неживой природы) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное). Например, по такой модели образовано интерпретирующее значение фразеологизма *белые мухи* 'хлопья снега': ФИЗИЧЕСКОЕ (осадки, размер и падение которых напоминает насекомое) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (способ передвижения и размер насекомых). По аналогичной модели сформировано интерпретирующее значение английского фразеологического названия минерала *an eagle eye*: ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет камня) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет глаза птицы). Французская ФЕ *il pleut comme vache qui pisse*, определяющая сильный проливной дождь, также базируется на метафорической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (интенсивность выпадения осадков) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (особенность мочеиспускания животного: большой объем).

Возможны более сложные варианты модели ФИЗИЧЕСКОЕ (объект/явление неживой природы) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное), обусловленные присоединением дополнительного признака, на базе которого устанавливается аналогия. В качестве такого признака может выступать

влияние, оказываемое животным на человека, анатомическая или физиологическая особенность животного. Так, в отдельных случаях выявляется двойная метафорическая модель, базирующаяся одновременно на аналогии внешнего вида и влияния: например, русский фразеологизм *черный дракон* ‘оползень’ сформировался по двойной метафорической модели ФИЗИЧЕСКОЕ, ВЛИЯНИЕ (явление неживой природы, внешне и по наносимому урону напоминающее животное) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет и размер мифического животного), ВЛИЯНИЕ (разрушения и угроза жизни, которую несет животное).

В редких случаях интерпретирующие значения ФЕ, характеризующих неживую природу, могут образовываться при реализации метафтонимического механизма. Например, интерпретирующее значение ‘движение воздуха над землей’, реализуемое русским фразеологизмом *kozy бегут*, является результатом концептуальной метафтонимии: а именно ее конкретной модели ФИЗИЧЕСКОЕ (движение воздуха как явление природы) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (движение пыли), ПРОЦЕСС (животные бегут) – РЕЗУЛЬТАТ (животные поднимают пыль).

Языковым механизмом формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом относительно концептуально-тематической области НЕЖИВАЯ ПРИРОДА является вторичная номинация. Например, русская ФЕ *волчье солнышко* называет месяц/луну, так как волки ведут преимущественно ночной образ жизни. В английском фразеологизме *a dog's star* зооним *dog* указывает на локализацию звезды в определенном созвездии. Таким образом, фразеологическое название выполняет функцию вторичной номинации, реализуя следующие значения: 1. the bright star Sirius in Canis Major, 2. the bright star Procyon in Canis Minor. [RHWCD 2005]. Французский фразеологизм *une montagne à vache* также выполняет функцию вторичной номинации, реализуя значение ‘montagne accessible aux vaches donc avec peu de dénivelés dangereux ni de risques de chute’. Выражение сформировалось по метафорической модели ФИЗИЧЕСКОЕ (объект природы, высоту которого может преодолеть животное) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (способность животного преодолеть природный объект).

К числу языковых механизмов формирования интерпретирующих значений анализируемых фразеологизмов, характеризующих область НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, относится механизм сочетаемости зоонима с названием объекта или явления неживой природы, при котором зооним выполняет функцию определения, указывая на признак интерпретируемого объекта или явления, отличающий его от других членов категории. Например, в русском фразеологизме *лисья погода* прилагательное «лисья» определяет дождь с солнцем. В английской и французской ФЕ *a goat trail, un chemin de chèvre* ‘тропинка’ зоонимы *goat, chèvre* определяют такую характеристику, как ширина ландшафтного объекта.

Человек часто видит животных в естественной среде их обитания: в окружении природных объектов, что обуславливает частую интерпретацию последних посредством характеристик животного мира. При этом в роли концептуальной основы формирования интерпретирующих значений ФЕ выступают знания форматов зрительной перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов и ассоциативного формата.

Проведенный анализ показал, что интерпретирующие значения фразеологизмов с компонентом-зоонимом, характеризующие объекты неживой природы, формируются посредством когнитивных механизмов концептуальной метафоры и метафтонимии, сопряженных с профилированием, а также языковых механизмов, к которым относится вторичная номинация и сочетаемость зоонима с лексической единицей, обозначающей объект или явление неживой природы.

1.4. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Ряд нарицательных ФЕ с компонентом-зоонимом характеризуют концептуально-тематическую область РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, интерпретируя

как наземные, так и водные растения, а также их части: цветы, листья, плоды (фрукты, ягоды, орехи). Согласно Аристотелю, «растения находятся в промежуточном состоянии между неодушевленными предметами и животными» [Адлер 2015: 22-25]. Растения не испытывают чувств и эмоций, не издаются звуков и не перемещаются самостоятельно подобно неодушевленным предметам. Однако с животными их объединяет способность к размножению, росту и развитию, потребность в пище, воздухе, солнечном свете.

Концептуальные связи могут быть образованы на основе знаний характеристик внешнего вида животного и растения:

- цвета растения (рус. *тигровый глаз, леопардовая лилия, цветок фламинго*; англ. *a peacock/tiger flower, a canary-bird flower, a flamingo flower*; фр. *une fleur de flamingo, une plante zèbre, une plume de paon*);
- формы растения (рус. *гусиные лапки, львиный зев, лисий хвост*; англ. *a goose-foot, a dragon's flowers, a snake tongue*; фр. *un bec de perroquet, une geule-de loup/lion, une barbe-de-bouc*).

Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений, характеризующих внешний вид растения, становятся знания формата зрительной перцепции: 1) знание о цвете животного и узоры на его шерсти, мехе или оперении (наличие пятен, полос, крапинок), 2) знание о форме животного или частей тела животного. Так, народное название сансевиерии - *щучий хвост* сформировалось из-за специфической формы листьев растения, напоминающих рыбий хвост. Английское и французское названия данного растения отсылают к сравнению со змеей или со змеиным языком из-за вытянутой формы узких листьев (англ. *a snake plant/a snake tongue*, фр. *une plante serpent*).

Названия объектов концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР могут определять различные свойства растения:

- питательные свойства (рус. *кошачья трава, птичья гречиха/гусиная трава*; англ. *a horse chestnut tree, goose onions*; фр. *un pain de coucou, un cerisier des oiseaux*),

- токсические свойства (рус. *куриная слепота*, *волчья ягода*; англ. *a fly agaric*, *a venus flytrap*; фр. *un tue-mouche*, *une Dionée attrape-mouche*);
- целебные свойства (рус. *собачья роза*, англ. *a dog rose*, фр. *un rosier de chien*);
- физиологические свойства (рус. *кошачий коготь*, англ. *a cat's claw*, фр. *une griffe de chat*).

Концептуальной основой служит признак, раскрывающий питательное, токсическое, целебное или физиологическое свойство растения. В процессе интерпретации учитываются знания форматов наблюдения, функции и экспериенциальных эффектов: 1) знание о пригодности растения в пищу животному, 2) знание о влиянии, оказываемом растением на животное; 3) способность растения заживлять укусы животных; 4) знание о функции животного или части тела животного.

Примером интерпретации растения по его пригодности в пищу является формирование фразеологического названия кислицы обыкновенной, которая в народе больше известна как *заячья капуста*, поскольку ею питаются зайцы. В русской и английской культурах желтый подснежник (*Gagea*), распускающийся ранней весной, часто называют *гусиный лук*, *goose onions*, так как весной утки, только вернувшиеся из теплых стран, используют его в пищу. Во французском языке толокнянка интерпретируется как *un raisin d'ours*, поскольку ягоды данного растения едят медведи. Таким образом, в основе интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, характеризующих питательные свойства растения, лежат знания формата наблюдения об употреблении в пищу того или иного растения животным определенного вида.

Характеристики токсических и целебных свойств основываются на интерпретации знаний, полученных с помощью форматов наблюдения, экспериенциальных эффектов или функции. Например, фразеологическое название шиповника *собачья роза* (англ. *a dog rose*, фр. *un rosier des chiens*) отражает целебные свойства растения, поскольку оно связано со знанием формата экспериенциальных эффектов о воздействии плодов шиповника на

раны, оставшиеся от укусов собаки. Русский фразеологизм *волчья ягода* обозначает ряд растений, плоды которых обладают токсическим действием, т.е. плоды непригодные в пищу человеку, подходящие только волку (формат экспериенциальных эффектов). Фразеологические названия мухомора англ. *a fly agaric*, фр. *un tue-mouche* основаны на наблюдении за шляпками мухоморов в лесу, которые часто усеяны мертвыми мухами. В шляпках мухоморов скапливается дождевая вода и мухи, для которых запах данного гриба является притягательным, садятся на него, но в результате психотропного воздействия токсичных веществ, теряют координацию движения и тонут. Следовательно, концептуальной основой формирования интерпретирующего значения фразеологических названий стало знание формата наблюдения, сочетающееся со знанием экспериенциальных эффектов о негативном воздействии растений на живой организм, что позволило сделать вывод об их токсичности.

Ряд фразеологических названий может образовываться на основе совокупности схожих физических признаков растения и животного. Например, садовое растение *целозия серебристая* в народе больше известно, как *петушиный гребень* (англ. *a silver cock's comb*, фр. *des amarantes crête de coq*), а *амарант хвостатый* обычно называют *лисыим хвостом* (англ. *a fox-tail amaranth*, фр. *l'amarante queue-de-renard*). Основу фразеологических названий в приведенных примерах составляют два признака цветов растений, выявленных посредством зрительной перцепции: цвет и форма.

Возможна и более сложная интерпретация, при которой источником фразеологического значения становится интеграция знаний, принадлежащих к разным форматам. Так, фразеологическое название ункаррии – *кошачий коготь* (англ. *a cat's claw*, фр. *une griffe de chat*), являющееся примером интерпретации растения посредством обозначения функции животного, сформировалось на базе признака формата наблюдения и формата функции. Расположенные на стебле ункаррии шипы не только визуально напоминают по форме когти кота, но и выполняют схожую с ними функцию: цепляются за деревья, позволяя растению виться вокруг стволов. Английское название вербы образовалось на

основе аналогии распускающихся почек с пушистой кошкой: *a pussy willow*. В данном примере интегральный признак выделяется как посредством зрительной перцепции, так и за счет схожих тактильных ощущений мягкости и пушистости при прикосновении к вербной почке и к кошке.

Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом, характеризующие концептуально-тематическую область РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, формируются посредством таких когнитивных механизмов, как профилирование и концептуальная метафора.

Механизм профилирования сопряжен с концептуальной метафорой. В частности, интерпретирующие значения формируются при выделении и сопоставлении таких профилей, как цвет и форма, рисунок на поверхности животного и растения. При этом задействуется метафорическая модель ФИЗИЧЕСКОЕ (растение) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное): рус. *павлиний цветок*, англ. *a flamingo flower*, фр. *une plante zèbre*. Рассмотрим подробнее несколько примеров.

Русское фразеологическое название грибов-дождевиков *вороньи яйца* сформировалось при интерпретации физического сходства: ФИЗИЧЕСКОЕ (растение, внешне напоминающее птичьи яйца) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (размер, форма и цвет яиц птицы). Английский фразеологизм *an hare's tail* реализует метафорическую модель ФИЗИЧЕСКОЕ (растение, внешне напоминающее хвост животного) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (форма, цвет, размер и текстура хвоста животного). Французское фразеологическое название цветкового растения *un pied de chat dioïque* также основано на модели ФИЗИЧЕСКОЕ (растение, внешне напоминающее лапу животного) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (форма и размер лапы животного).

Некоторые ФЕ с компонентом-зоонимом организованы по метафорическим моделям, учитывающим не физические, а физиологические особенности животного. Например, русское народное название растения *кукушкин цвет* образовалось по двойной метафорической модели ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ, ВРЕМЕННОЕ (растение, цветущее в период звуковой

активности птиц) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ, ВРЕМЕННОЕ (брачный сезон птиц, характеризующийся их звуковой активностью). В английском языке название шиповника *a dog rose* отражает знание о целебных свойствах растений, применяемого в XVIII-XIX веках для лечения травм, нанесенных собакой [Howard 1987]. Таким образом, фразеологическое название данного растения образовано по метафорической модели ВЛИЯНИЕ (растение, используемое для лечения раны от укуса животного) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (рефлекс животного: укус), ФИЗИЧЕСКОЕ (воздействие животного). Французское фразеологическое название растения *un herbe-aux-chats/menthe-aux-chats* является результатом интерпретации знания о специфическом запахе эфирных масел, возбуждающе действующем на нервную систему кошек: ВЛИЯНИЕ (растение, вызывающее у животного определенную психическую реакцию) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ (воздействие на нервную систему животного, в результате которого формируется психическая реакция).

Фразеологические названия могут отражать знания экспериенциальных эффектов о негативном влиянии растений на живой организм. В таком случае значения формируются посредством интерпретации воздействия на человека отдельных частей животного (когтей, зубов, жала и др.) Примером формирования интерпретирующего значения ФЕ по метафорической модели на основе физиологического признака является русское фразеологическое название крапивы *змеиное жало*: ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (растение, соприкосновение с которым приносит ощущение жжения, как от яда) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное, укус которого ядовит).

Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР сопряжены с языковыми механизмами, к которым относится вторичная номинация, сочетаемость зоонима с единицей, не связанной с обозначением животного, и функционирование зоонима в роли определения.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом служат средствами вторичной косвенной номинации, замещая основные терминологические названия растений на латинском языке. Например, у латинского названия травянистого растения *Antirrhinum* существует фразеологический эквивалент *львиный зев*. Латинское обозначение растения *lotus berthelotii* в результате вторичной интерпретации получило фразеологический синоним *a parrot/pelican beak*. Во французском языке растение *Platycerium* известно в народе под фразеологическим названием *des bois/cornes de cerf*.

В составе фразеологизма зооним может сочетаться с нетипичной для его лексической категории единицей. Так, русское народное фразеологическое название растения *тамарикс – заячий зонтик* – сформировано на основе его внешнего сходства с артефактом: «Соцветие, состоящее из нескольких цветков на цветоножках, расходящихся лучами от верхушки стебля» [БТСРЯ 1998]. Однако, если лексическая единица *зонтик* определяет растение в результате профилирования таких признаков, как форма и функция, то зооним *заячий* указывает на размер интерпретируемого растения, поскольку соцветия растения способны укрыть от непогоды только некрупное животное, такое как заяц. Английское название растения *a crow soap* представляет собой сочетание зоонима с косметическим средством. Сочетание лексической единицы, обозначающей косметическое средство, с птицей, указывает на дикорастущий статус растения, а также на токсические свойства его сока, обуславливающие непригодность использования человеком данного растения в качестве мыла. Французская ФЕ *un pain de souf* образовалась при сочетании зоонима с нетипичным для птиц продуктом питания, отсутствующим в природных условиях. Выбор несочетаемого с животным продукта связан с интерпретацией знания о калорийности семян растения, которые птицы употребляют в пищу перед миграцией на юг, требующей больших энергетических затрат. За основу интерпретирующего значения при этом принимается ассоциативное знание: питательные свойства семян растения аналогичны питательным свойствам хлеба.

К языковым механизмам формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР относится механизм сочетаемости зоонима с лексической единицей, обозначающей интерпретируемый объект, при котором зооним выступает в качестве определения, указывая на его признак. Так, в русской ФЕ *кукушкины сапожки* зооним определяет маленький размер цветка аналогичный размеру птичьей лапки. В английском фразеологическом названии *a canary-bird flower* зооним указывает на то, что растение цветет желтыми цветами. Во французском фразеологическом названии *un lis tigré* зооним определяет такие признаки цветка, как цвет и узор. Таким образом, выступая в роли определения зооним реализует классифицирующую функцию, выделяя интерпретируемый объект из его категории на основании одного или нескольких отличительных признаков.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что интерпретирующая база фразеологизмов с компонентом-зоонимом, реализующих соответствующие значения в контексте областей НЕЖИВАЯ ПРИРОДА и РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, представлена форматами перцепции, наблюдения, функции и экспериенциальных эффектов. Основная часть интерпретирующих значений образовалась в результате интерпретации знаний формата зрительной перцепции (визуализации), в процессе которой в качестве доминирующих признаков избираются цвет, форма и размер.

Фразеологические названия объектов концептуально-тематической области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР фиксируют наиболее примечательные черты интерпретируемых растений с помощью признаков животных. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, характеризующие анализируемую область, при необходимости мгновенно вызывают в сознании образ растения, что обуславливает их широкое употребление в повседневной жизни.

1.5. Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом на основе связей между концептуально-тематическими областями ЖИВОТНЫЙ МИР и АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ

Элементами концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ являются не объекты, а их свойства, интерпретируемые отдельно от самих объектов, а также отношения между объектами. Выделение сознанием абстрактных свойств объектов связано с чувственным восприятием мира человеком. Интерпретация элементов концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ имеет наиболее субъективный характер, опираясь лишь на человеческие впечатления. Определение абстрактных понятий посредством образов животных обусловлено стремлением к конкретизации, упрощающей понимание мира. Абстрактные понятия, находящиеся лишь в сознании людей, проецируются на плоскость конкретных объектов, реально существующих в действительности. Таким образом, ФЕ с компонентом-зоонимом действуют подобно проявителю фотографий, преобразующего латентное изображение в видимое.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом характеризуют следующие абстрактные сущности:

- количество (рус. *кошке на ложку, как собак нерезаных, львиная доля*; англ. *like flies to honey, no room to swing a cat*; фр. *une part du lion, comme des touches, il n'y a pas un chat*),

- качество (рус. *курица ногу запутает, собаку съел, кошке хвоста не завяжет, волк ел*; англ. *the bee's knees, to have a whale of a time, a cat's pajamas/whiskers/meow, to make a pig's ear out of smth.*; фр. *une plume de l'oiseau, un pipi d'un chat*);

- мера и степень (интеллектуальная, эмоциональная и физическая) (рус. *зверский аппетит, спать как сурок, мечта таракана, птицы на лету мерзнут*; англ. *like a bat out of the hell, wet like a drowned rat, to work like a dog*; фр. *soûl comme la bourrique à Robespierre, être le bœuf*);

- положение/перемещение в пространстве (рус. *сделать ласточку, давать медведя 'идти в обход', котом кататься, делать рыбку*; англ. *to go in a bee line, on horseback, as the crow flies, to hog a seat*; фр. *à vol d'oiseau, s'étendre comme un veau, plié en chien de fusil, faire l'ours en cage*);

- время (рус. *котовый месяц, собакин час (говоры), до первых петухов*; англ. *donkey's years, a pig's whisper, a dog's age*; фр. *au temps ou les bêtes parlaient, dès potron-minet, Minute, papillon!*);

- формы перцепции (рус. *смердит как собака, как вороново крыло*; англ. *red as a lobster, sweat as a pig*; фр. *une couleur gris souris, une voix de chèvre/chevrotante*).

Интерпретация количественных признаков посредством фразеологизмов с компонентом-зоонимом редко носит конкретный характер, и направлена на определение «полюсных» показателей много/мало, для выражения относительных величин больше/меньше, а также для обозначения отсутствия объекта. Концептуальной основой для передачи значений 'много', 'мало' служат знания формата зрительной перцепции, формата наблюдения и операционального опыта: 1) знание о размере того или иного животного, 2) знание об объеме пищи, требующемся животному для насыщения; 3) знание о способности/неспособности животного совершить действие, связанное с большим количеством чего-либо; 4) знание об усилиях, прилагаемых животным при реализации какой-либо деятельности.

Так, русское выражение *худым конем не увезешь* произошло из знания операционального опыта о том, что худое животное является непригодным для перевозки большого количества объектов из-за физической слабости. Английская ФЕ *wild horses couldn't drag smb.*, означающая, что даже объединение большого количества лошадиных сил не мешает человеку реализовать задуманное, сформировалась из знания формата наблюдения о силе животного. Французский фразеологизм *manger comme un oiseau* связан со знанием формата зрительной перцепции о маленьком размере большинства

птиц и со знанием формата наблюдения о том, что они употребляют небольшое количество пищи (зерен, крошек, мелких насекомых и т.д.).

Как правило, небольшие животные используются для интерпретации маленьких величин и, напротив, крупные животные ассоциируются с понятием «много». Сравним, ФЕ *кот наплакал*, *to eat like a bird*, *manger comme un oiseau/comme une mauviète*, где зоонимы *кот*, *bird*, *oiseau/mauviète* позволяют реализовать значение 'мало', и фразеологизмы *лошадиная доза*, *a lion's share*, *une dose de cheval*, в которых большое количество интерпретируется при помощи зоонимов, определяющих крупных животных: *лошадиная*, *lion*, *de cheval*.

ФЕ с компонентом-зоонимом могут использоваться для обозначения степеней сравнения: больше/меньше, когда оценивается уровень выраженности свойства путем его сопоставления с одной из особенностей животного. Например, русская ФЕ *кошка больше ест* используется по отношению к порции, употребляемой человеком. Английский фразеологизм *to have more lives than a cat* выражает количественное отношение человеческих жизней к кошачьим и подразумевает знание фразеологизма *a cat has nine lives*.

ФЕ с компонентом-зоонимом позволяют также интерпретировать отсутствие чего-либо. Концептуальной основой являются знания форматов зрительной перцепции, наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание об отсутствии животного или части тела животного (например, хвоста), указывающее на то, что в определенном месте нет ни одного предмета или человека; 2) знание о том, что животное полностью съедает, попавшую к нему пищу; 3) знание о размере животного и его неспособности поместиться куда-либо при интерпретации отсутствия места. Например, о присутствующем, но затем исчезнувшем объекте говорят, что его съело животное: *корова языком слизнула*. Английский фразеологизм *no room to swing a cat* может использоваться для обозначения отсутствия места, образуясь на базе знания зрительной перцепции о том, что даже небольшое животное, такое как кошка, не поместится в сильно ограниченном пространстве. Для передачи отсутствия

свидетелей преступления во Франции употребляют фразеологизм *il n'y avait que le chat*, так как главной функцией очевидца считается способность рассказать о произошедшем, в то время как кошка не умеет разговаривать.

Интерпретация количества может осуществляться и посредством знания ассоциативного формата, отличающегося ирреалистическим отражением мира. «Наблюдение за поведением животных влечет за собой их интерпретативное осмысление и формирует ассоциации, закрепляющиеся за образами животных» [Панасенко 2014а: 137]. Так, русская ФЕ *кошкины слезы*, обозначающая 'незначительное количество', при объективном отражении действительности должна была бы обозначать 'отсутствие', так как, кошки не плачут, несмотря на способность испытывать эмоции. Английский фразеологизм *to drink like a fish* сформировался лишь из знания о среде обитания рыб, из которого люди вывели производное знание ассоциативного формата о большом количестве потребляемой жидкости.

Знания области ЖИВОТНЫЙ МИР применяются для характеристики качества. При этом задействуются все три модуса интерпретации: рационалистический, аксиологический и эмотивный. Рационалистический модус заключается в объективном выделении качественного признака. При этом фразеологизм с компонентом-зоонимом не только акцентирует внимание на выбранном качественном признаке, но и отражает отношение к нему говорящего исходя из функций или ощущений, вызываемых данным признаком (приятно/неприятно, нравится/не нравится, полезно/бесполезно, эффективно/неэффективно и др.).

Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, характеризующих качество, становятся знания форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов и ассоциативного формата: 1) знание о качестве действия, совершаемого животным, 2) знание о частях тела животного; 3) знание о возможном негативном воздействии животного на человека; 4) знание о пище животного.

Например, русский фразеологизм *есть как свинья* отражает знание формата наблюдения о качестве приема пищи животным. Английский фразеологизм *jumping the shark* характеризует снижение качества телевизионного шоу или сериала, итогом которого становится потеря популярности и безуспешные попытки организаторов вернуть проекту прежний статус [URL: <https://dictionary.cambridge.org>]. В основу интерпретирующего значения легло знание эпизода сериала «Happy Days», в котором один из героев перепрыгивает через акулу, катаясь на водных лыжах. Таким образом, интерпретирующее значение приведенного в пример фразеологизма, отражает знание ассоциативного формата об отчаянных попытках вернуть сериалу высокие рейтинги, отсылающего к попытке спастись от акулы, которое, в свою очередь, сформировалось на базе знания формата экспериенциальных эффектов. Французский фразеологизм *n'être pas bon à jeter aux chiens*, интерпретирующий любой ненужный или некачественный предмет, образовался из знания операционального опыта о том, что люди отдают собакам кости и другие остатки еды со своего стола.

Интерпретация меры и степени с помощью ФЕ с компонентом-зоонимом осуществляется по разнообразным направлениям с участием знаний таких форматов, как зрительная, слуховая, тактильная и обонятельная перцепция, наблюдение. Неотъемлемым компонентом интерпретирующих значений, определяющих меру и степень, являются семы «очень», «слишком» или «чрезмерно».

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, обозначающие интеллектуальные способности, обычно направлены на интерпретацию человеческой глупости, ограниченности, отсутствия сообразительности (см. п.1.1. Главы II о характеристиках интеллектуальных способностей). Интенсивность чувств и эмоций отражает сильные внутренние ощущения человека: например, восторг, нежность, ненависть, любовь, ревность, злость (рус. *телячий/щенячий восторг*, англ. *as a dog with two tails*, фр. *amoureuse*

comme une chatte). Концептуальным основанием эмоциональной интерпретации чаще всего являются знания формата наблюдения о поведении животных.

Реже за концептуальную основу интерпретирующего значения принимается знание перцептивного характера. Например, русский фразеологизм *скользкий как уж*, определяющий очень изворотливого человека, сформировался из знания тактильной перцепции о змеиной коже. Значение английской ФЕ *a bull's eye*, которая может обозначать абсолютную правильность действия, основано на знании о форме глаз быка, полученного путем зрительного восприятия. Французский фразеологизм *gai comme un pinson* является итогом слуховой перцепции, так как вывод о веселости зяблика сделан из-за его частого, мелодичного пения.

Физическая интенсивность позволяет интерпретировать действия, свойства, состояния с физической точки зрения. Выражение интенсивности зависит от выбранного качества интерпретации: при характеристике движения интерпретируется скорость (быстро/медленно), голоса – громкость (тихо/громко), силы – проявление силы (сильно/слабо) и т.д. (например, рус. *нестись как угорелая кошка*, англ. *in a bull voice*, фр. *fort comme un boeuf*).

К концептуальным основам интерпретации положения в пространстве и перемещения в пространстве относятся следующие знания форматов зрительной перцепции, операционального опыта и наблюдения: 1) знание о типичной позе животного, 2) знание о способе или направлении перемещения животного; 3) знание об эксплуатации животного в качестве транспортного средства; 4) знание о строении тела животного.

В частности, русский фразеологизм *собачий путь*, обозначающий перемещение с пересадками, возник на базе знания формата наблюдения о повадках собаки, которая постоянно останавливается во время прогулки, чтобы понюхать, заинтересовавший ее объект. Английская ФЕ *a piggy back* отражает знание формата операционального опыта об использовании некоторых животных для перемещения в пространстве. Французский фразеологизм *faire*

l'ours en cage/se balancer comme un ours en cage основан на наблюдении за перемещением медведя, оказавшегося в неволе в ограниченном пространстве.

Интерпретация времени осуществляется по разнообразным направлениям:

1) общее отношение события или действия ко времени: рано/поздно, много/мало (рус. *вставать с первыми петухами, ложиться с курами*; англ. *to rise with the lark, a pig's whisper, to fly with the owl*; фр. *s'éveiller/se lever au chant de l'alouette, se coucher comme les poules, dès que les chats seront chaussés*,

2) показатель времени для интерпретации события, которое никогда не произойдет (рус. *когда мерин окобылеет, когда рак на горе свиснет*; англ. *in a pig's eye, when pigs fly*; фр. *quand les poules auront les dents, quand pisseront les poules*);

3) качественные характеристики времени (рус. *фараоновы тощие коровы*, англ. *a whale of a time*, фр. *les années des vaches grasses et des vaches maigres*);

4) время, отражающее экспозицию света (рус. *лисья темнота*, фр. *entre chien et loup*);

5) время, к наступлению которого произойдет событие или действие (рус. *до белых мух*, англ. *till the second cock*, фр. *au chant du coq*);

6) точечный момент времени (рус. *свиные полдни*, англ. *off the bat*, фр. *à cheval sur deux périodes*).

За концептуальную основу интерпретации времени принимаются знания формата наблюдения, операционального опыта и ассоциативного формата. К таким основам, прежде всего, относятся следующие знания: 1) знание о циркадных ритмах животного, 2) знание о времени кормления животного; 3) знание о действиях, совершаемых животным в определенное время; 4) знание о манипуляциях, производимых с животными в определенное время; 5) знание о гипотетическом появлении не свойственной животному физической характеристики в определенное время. Например, знание формата наблюдения о времени пробуждения петухов отражается в таких фразеологизмах, как с

первыми петухами, до вторых петухов, till the second cock. Интерпретирующее значение французского фразеологизма *quand les poules auront les dents* основано на знании ассоциативного формата, выводимого из знания формата зрительной перцепции об отсутствии у кур такой физиологической особенности, как наличие зубов.

Знания о животных задействуются в интерпретации образа действия (рус. *как курица лапой*, англ. *at a snail's pace, off one's own bat*; фр. *comme un chien dans un jeu de quilles*). Так, фразеологизмы с компонентом-зоонимом в составе предложения могут выполнять роль обстоятельства, определяя признак действия или другого признака. Таким образом, выделяются фразеологизмы, используемые для обозначения следующих абстракций:

- места (рус. *куда Макар телят не гонял*, англ. *bird's eye view*, фр. *à la perpète les oies*),
- времени (рус. *когда петух яйцо снесет*, англ. *when pigs fly*, фр. *quand les poules auront les dents*);
- образа действия (рус. *как курица лапой*, англ. *like a hen with one chicken*, фр. *comme un chien*);
- причины (рус. *мышка пробежала*, фр. *c'est à cause des mouches*);
- цели (англ. *for the birds*, фр. *vouloir être caché dans un trou de souris pour voir cela*);
- условия (англ. *please the pigs*, фр. *si les poules pondaient des haches*);
- меры и степени (см. фразеологизмы, характеризующие интенсивность).

Концептуальной основой формирования интерпретирующих значений фразеологизмов, определяющих образ действия, становятся знания формата наблюдения и ассоциативного формата: 1) знание о возможной локализации животного, 2) знание о физиологических возможностях животного; 3) знание о среде обитания животного; 4) знание о возможности совершения определенного действия животным. Так, ассоциативное знание, отраженное в интерпретирующем значении русской ФЕ *когда рак на горе свистнет*, является, в свою очередь, производным из знания формата наблюдения о

физиологических возможностях рака: неспособности свистеть и подниматься на возвышенные поверхности в несвойственной им среде (ассоциация + наблюдение). Фразеологизмы места: *с высоты птичьего полета, a bird's eye view, à vol d'oiseau* продуцируются из знания формата наблюдения о высоте, на которую способны подняться птицы.

Обработка информации о животном, поступающей по каналам зрительного, слухового, осязательного, обонятельного или вкусового восприятия, позволяет устанавливать связи между формами перцепции объектов областей ЖИВОТНЫЙ МИР и АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ. Концептуальной основой интерпретирующих значений ФЕ становятся знания формата зрительной перцепции: 1) знание о цвете кожи, меха или оперения животного (при установлении аналогии с цветом кожи, волос, одежды человека; с цветом артефактов, а также растений, его плодов и цветов); 2) знание о размере и форме животного или отдельных частей его тела; 3) знание о текстуре поверхности животного (колючести, мягкости, гладкости, пушистости и т.д.). Таким образом, зрительная перцепция позволяет интерпретировать:

- цвет (рус. *красный как рак, как вороново крыло, мышинный цвет*; англ. *(as) red as a lobster, (as) gaudy as a butterfly, a canary yellow*; фр. *un poil de vache, un ventre de biche, une couleur gris souris*),

- форму и размер (рус. *лебединая шея, осиная талия*; англ. *a bull neck, chicken feed*; фр. *une cage à lapins, des pattes de lapin*);

- размер (посредством «полюсных» величин длины, ширины, объема: короткий/длинный, узкий/широкий, маленький/большой, огромный) (рус. *воробью по колено, короче воробьиного носа*; англ. *knee-high to a grasshopper*; фр. *énorme comme une baleine, une montagne à vache*);

- запах (рус. *смердит как от собаки, хорек душной*; англ. *smell like a goat, (as) sweat as a pig*; фр. *sentir le bouc, ça sent le lapin*);

- текстуру, т.е. качественную характеристику поверхности, интерпретируемую по аналогии с плотностью, мягкостью/жесткостью,

гладкостью кожи, меха или оперения (рус. *гусиная кожа*, англ. *a goose flesh*, фр. *une chair de poule*). Характер текстуры может быть определен как зрительной, так и тактильной перцепцией при прямом контакте с поверхностью. Интерпретация знания тактильной перцепции заключается в осязательной идентификации текстуры кожи, волос человека посредством аналогии с текстурой поверхности тела животного.

При обонятельной перцепции концептуальным основанием интерпретации является аналогия запаха, исходящего от животного, и запаха человека, а также запаха в ограниченном или неограниченном пространстве (например, в здании или на улице). Вкусовая перцепция позволяет интерпретировать характер вкуса пищи или напитка. Фразеологизмы, интерпретирующие вкусовые ощущения, продуцируются из следующих знаний: 1) знания о вкусе пищи животного, 2) знания о гипотетическом эффекте, который могут произвести на представителя животного мира человеческая пища или напиток. Например, рус. *свиное пойло*, англ. *a dog breakfast*, фр. *le vin à faire danser les chèvres*.

Особенностью знаний, относящихся к формам перцепции, является их способность трансформироваться в знания других форматов. Трансформация возможна в случае аналитической обработки информации, полученной путем зрительной или тактильной перцепции, в ходе которой качество текстуры покрова животного переносится на качество характера или поступка человека. «Опытное знание, основанное на наблюдении, помимо процессов обработки чувственно воспринимаемой информации подвергается рационализации, т.е. оно формируется на этапе когнитивной обработки данных, полученных по сенсорным каналам восприятия, что предполагает его включенность в определенную концептуальную структуру, соотнесенность с другими структурными элементами и определение статуса в структуре» [Панасенко 2014а: 134].

Например, фразеологизм *колючий как еж* может содержать знание формата тактильной перцепции, определяя признак прически человека, а

именно колючие волосы или щетину. Однако в некоторых случаях данная ФЕ отражает знание ассоциативного формата о характере человека, отражающееся в интерпретирующем значении 'злой на язык, насмешливый'. Ассоциация, в свою очередь, базируется на знании формата экспериенциальных эффектов о том, что к ежу невозможно подступиться, так как его иголки колются (ассоциация + экспериенция). Иногда происходит обратная трансформация знания неперцептивного формата в перцептивный. Так, французский фразеологизм *avoir joué avec les chats*, определяющий исцарапанного человека, отражает знание зрительной перцепции, которое является производным знания формата экспериенциальных эффектов о негативном воздействии кошачьих когтей.

Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, определяющих концептуально-тематическую область АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, возможно за счет использования когнитивных механизмов: профилирования, сравнения (анalogии), метафоры и метафтонимии.

Интерпретация абстрактных понятий может осуществляться посредством сочетания механизмов профилирования и концептуального сравнения (анalogии). Например, интерпретация количества с помощью следующих фразеологизмов с компонентом-зоонимом: рус. *как собак нерезаных*, англ. *like flies to honey*, фр. *comme les tanches* осуществляется согласно компаративной модели, учитывающей количественную тождественность людей и животных определенного вида. При этом выделяются такие профили, как «перемещение представителей животного мира группами (стаей, роем, косяком)» или «предпочтения животных, т.е. привлекательность объекта для животных, обуславливающая их скопление».

Механизм профилирования сопряжен с концептуальной метафорой. Например, интерпретирующее значение ФЕ *заячий век* 'детство' образовалось на основе профиля «продолжительность жизни зайца» и концептуальной метафоры, демонстрирующей аналогию длительности одного из периодов

жизни человека и жизни животного. Английский фразеологизм *a lion's share* образовался в результате профилирования при выделении такого профиля льва, как «добывание большого количества пищи». Данный профиль задействуется в метафорической модели, позволяющей интерпретировать абстрактное понятие, посредством физической характеристики размера добычи животного, которая, в свою очередь, связана с его физиологической особенностью: потребностью в большом количестве пищи. Французский фразеологизм *un grand chemin des vaches* связан с профилем, который касается образа жизни животного, а именно «хождение на одно и то же пастбище». Профиль участвует в механизме концептуальной метафоры, основанной на аналогии абстрактного понятия «рутина» и постоянно повторяющегося действия животных: многократного преодоления одного и того же пути.

В некоторых случаях профилирование сопряжено с механизмом концептуальной метафтонимии. Так, русский фразеологизм *пес на хвосте унес* образован по метафтонимической модели, согласно которой абстрактное понятие отсутствия интерпретируется посредством ассоциативного представления способности животного захватить объект. При этом в качестве причины выступает знание о том, что объект унесен животным, а следствием становится выводное знание об отсутствии объекта. Английский фразеологизм *from the horse's mouth* сформировался в результате действия метафтонимического механизма, поскольку абстрактное понятие «первоисточник» интерпретируется с помощью физического признака лошади (рот животного выступает в качестве источника информации о его физическом состоянии). Вместе с тем присутствует метонимическая онтологическая связь, а именно зубы животного как объект – рот как место локализации объекта, обусловленная следующим профилем: «зависимость состояния зубов лошади от ее возраста и здоровья». Французские ФЕ *des vaches grasses*, *des vaches maigres*, обозначающие годы благополучия и годы нужды, образовались по метафтонимической модели, акцентирующей аналогию качественных характеристик временных периодов и физических характеристик животных в

данные периоды с учетом причинно-следственных отношений, так как причиной становится питание животного, а следствием его результат (упитанность или истощение). В качестве профиля интерпретации выступает знание о нормальной степени упитанности коров.

Концептуальное сравнение, лежащее в основе формирования интерпретирующих значений фразеологизмов, может осуществляться с учетом сходства различных характеристик: например, количества, качества, цвета, запаха, звуков, внешнего вида интерпретируемых объектов. Например, русский фразеологизм *смердит как от собаки* сформировался по компаративной модели АБСТРАКТНОЕ (качество запаха) = АБСТРАКТНОЕ (качество запаха животного). Английская ФЕ *wet like a drowned rat* образована по компаративной модели АБСТРАКТНОЕ (степень промокаемости) = ФИЗИЧЕСКОЕ (мокрое животное). Во французском языке фразеологизм *roux comme une vache* также образован в результате сравнения: АБСТРАКТНОЕ (интенсивность цвета) = ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет животного).

Метафорические фразеологизмы с компонентом-зоонимом, характеризующие абстрактные понятия, могут основываться на интерпретации объективного или субъективного признака интерпретируемого объекта. Как уже отмечалось, в случае выявления объективного признака образование концептуальной метафоры имеет рационалистическое объяснение и основывается на логичной общности связываемых объектов (например, рус. *с высоты птичьего полета*, англ. *to put a cat among the pigeons*, фр. *un caractère de chien*). Субъективное выявление признака связано с возникновением различного рода ассоциаций у человека, поэтому образование субъективных метафор отражает лишь кажущееся сходство интерпретируемого и интерпретирующего объектов: рус. *телячьи нежности*, англ. *a red herring*, фр. *un amour vache*.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом, определяющие область АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, формируются по метафорическим моделям, основанным на сходстве физических, физиологических или качественных

признаков. Так, русская ФЕ *котовый месяц* сформировалась при интерпретации знания о том, что брачный сезон котов начинается весной в результате активации метафорической модели АБСТРАКТНОЕ (весенний месяц) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (обострение физиологической потребности животных в определенный период). Интерпретирующее значение английского фразеологизма *a dog's life* образовалось по метафорической модели АБСТРАКТНОЕ (качество жизни человека) ← АБСТРАКТНОЕ (качество жизни животного), поскольку за профиль интерпретации принимается дискомфортное существование дворовых собак (голод, холод, неволя и т.д.). Французский фразеологизм *une couleur queue-de-vache* сформировался по метафорической модели АБСТРАКТНОЕ (цвет) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет хвоста животного).

Как отмечено выше, в основе формирования интерпретирующих значений ФЕ, характеризующих абстрактные понятия, может лежать механизм концептуальной метафтонимии. Например, русский фразеологизм *курица ногу запутает* основан на метафтонимической модели АБСТРАКТНОЕ (низкое качество сотканного изделия) ← ВЛИЯНИЕ (животное запутает ногу при взаимодействии с изделием), ПРИЧИНА (строение ноги птицы) – СЛЕДСТВИЕ (нога птицы не приспособлена для неровной поверхности). Английская ФЕ *no room to swing a cat* также образована по метафтонимической модели: АБСТРАКТНОЕ (недостаток места) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (невозможность внедрения животного в комнату), ПРИЗНАК (небольшой размер животного) – ОБЪЕКТ (животное). Во французском языке одним из примеров действия метафтонимического механизма является фразеологизм *un ventre de biche*, образованный по следующей модели: АБСТРАКТНОЕ (цвет) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет части тела животного), ОБЪЕКТ (часть тела животного) – ПРИЗНАК (цвет части тела животного).

Помимо когнитивных механизмов в формировании интерпретирующих значений относительно концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ задействованы такие языковые механизмы, как вторичная

номинация, сочетаемость зоонима с лексикой, не относящейся обозначению животного, реализация зоонимом функции определения.

Языковой механизм вторичной номинации проявляется в том, что зооним перестает реализовывать свое основное значение, определяя то или иное животное, и начинает функционировать в переносном смысле, называя абстрактное понятие. Например, словосочетание *черная кошка* выступает как средство вторичной номинации, обозначая ссору: *Между зятьями временно пробежала черная кошка, и недоразумения возникали из-за всяких пустяков* [Мамин-Сибиряк 1895]. Английское выражение *a black ox* имеет переносные значения ‘несчастье’, ‘старость’: *I am in low spirits, for the black ox has trod upon my foot since last we met* [URL: idioms.thefreedictionary.com]. Во французском языке словосочетание *un cheval de bataille* часто употребляется в переносном смысле, приобретая значения ‘любимая тема’ или ‘весомый аргумент’: *L’histoire de sa rencontre avec le ministre était un des chevaux de bataille de l’oncle Gustav*.

Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом образуются также в результате сочетания зоонима с лексикой, не связанной с обозначением животного. За основу интерпретирующего значения может приниматься признак человека, не свойственный животному, однако приписываемый ему. Например, русский фразеологизм *бред сивой кобылы* представляет собой сочетание зоонима с лексической единицей, обозначающей физиологическую особенность человека, которая заключается в том, что в полубессознательном состоянии речь больного может становиться бессвязной. Английская ФЕ *a cat pajamas/whiskers* сформировалось в результате сочетания зоонима с обозначением артефакта, используемого человеком. Возможно сочетание зоонима с лексической единицей, обозначающей действие, выполнение которого не свойственно животному: например, фр. *un pavé de l’ours*.

Употребление зоонима в сочетании с лексикой, не относящейся к обозначению животного, связано с действием еще одного языкового механизма, при котором зооним определяет одну из характеристик

интерпретируемого понятия. Так, сочетание зоонима с лексическими единицами, реализующими значение 'труд', указывает на характеристику деятельности. Например, в фразеологизмах *мартышкин труд*, *a donkey work*, *un travail de cochon* зоонимы, выполняющие функцию определения, акцентируют внимание на таких характеристиках труда как «напрасный», «неблагодарный».

Проведенный анализ показал, что при фразеологической интерпретации концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ задействованы знания всех форматов: зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и ассоциативного формата.

Интерпретация абстракций посредством признаков животных связана со стремлением человека к конкретизации, что объясняет большое количество и разнообразие связей, формируемых между элементами областей ЖИВОТНЫЙ МИР и АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ. Актуализации данных связей способствуют как когнитивные, так и языковые механизмы формирования интерпретирующих значений. Рассмотрим далее основные типы интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, связанные с реализацией функций интерпретации.

2. Типология интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом

2.1. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом

оценочного типа

Формирование интерпретирующих значений фразеологизмов обусловлено спецификой языка, с одной стороны, и вторичной природой их происхождения, с другой. У любого фразеологизма существует лексический или синтаксический эквивалент и, следовательно, значение устойчивого словосочетания обусловлено в большей мере эмоциональной экспрессивностью, чем денотативной соотнесенностью. М.В. Никитин пишет о том, что «благодаря системе вторичных номинаций возможности выражения

мыслей и оценок возрастают без увеличения числа средств выражения, без количественного роста словаря» [Никитин 2007: 202]. На первый план выходит интерпретирующая функция языка, заключающаяся в передаче видения объекта интерпретации говорящим и в выражении отношения говорящего к этому видению.

Как отмечалось ранее, интерпретация реализует три основные функции: селекции, классификации и оценки (см. подробнее Болдырев, 2011). Исходя из вышесказанного можно предположить, что существует три основных типа интерпретирующих значений, обусловленных его доминирующей функцией: селективный, классифицирующий и оценочный (аксиологический). Формирование интерпретирующих значений может рассматриваться как социальное явление, задачей которого становится указание на принадлежность говорящего к определенной социальной группе и/или передача его отношения к объекту высказывания адресату.

Функциональный состав интерпретирующих значений фразеологизмов может быть полным, в случае одновременной реализации трех функций интерпретации, и неполным, если выполняются лишь одна или две функции. Так, в зависимости от реализации/нереализации оценочной функции различают оценочные и неоценочные ФЕ. Например, следующие фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются оценочно нейтральными и, следовательно, не реализуют аксиологическую функцию интерпретации: рус. *кошачья гора, ехать зайцем, ложиться с курами, уйти с коней, вернуться к нашим баранам*; англ. *an early bird, to rise with the lark, in a bee line, a bird of one's own brain, till the cows come home, with a knowing cock of his eye to his neighbour*; фр. *voyager en lapin, les chevaux de bois, à un cheval près, mettre les écureuils à pied, aller à pas de loup*.

Однако большинству интерпретирующих значений фразеологизмов свойственна оценочная функция, поскольку они отражают позитивное или негативное отношение людей к объектам интерпретации. Вторичная природа интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом основана не только

на интерпретации фрагментов мира с опорой на знания о животных, связанной с проецированием признаков представителей области ЖИВОТНЫЙ МИР на объекты других областей, но и на оценке данных признаков. Люди по-разному относятся к тем или иным животным и к отдельным особенностям их внешности, характера, образа жизни. Обнаруживая у интерпретируемого объекта качество аналогичное качеству животного, человек присваивает ему соответствующую оценку.

Большинство оценок, выражаемых фразеологизмами с компонентом-зоонимом, относятся к субординатному уровню оценочной категоризации (см. Гл. I). Принадлежность таких оценок к суперординатному или базовому уровням является крайне редкой из-за конкретизирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом, которые рассматривают объект односторонне, лишь с определенного угла зрения. Такое рассмотрение обуславливает разнообразие интерпретирующих значений, которые способен выразить один и тот же зооним. Так, зоонимы *собака*, *dog*, *chien* позволяют оценить: характер человека (рус. *злой как собака*, англ. *a sly dog*, фр. *un chien de garde*), преданность (рус. *собачья преданность*, англ. *to follow smb. like a dog*, фр. *c'est Saint-Roch et son chien*); отношение с окружающими (рус. *ладить как кошка с собакой*, англ. *live a cat-and-dog life/agree like cats and dogs*, фр. *s'accorder comme chien et chat*); здоровье (рус. *быть больным как собака*, англ. *think like a dog*, фр. *être malade comme un chien*) и др.

В более редких случаях фразеологизмы с компонентом-зоонимом передают оценку, относящуюся к суперординатному уровню, реализуя генерализованные значения «хорошо»/«плохо». Например, рус. *собачий/сучий сын*; англ. *a gnat's whistle*; фр. *un fils de chien*.

Исходя из конкретизирующего характера оценок, выражаемых фразеологизмами с компонентом-зоонимом, и антропоцентрической природы их происхождения, можно выделить основные типы оценок с учетом эффекта, который объект, явление или действие оказывают на человека: перцептивные, моральные, физиологические, количественные, качественные,

профессиональные, коммуникативные, оценки соответствия, функции, событий, эмоциональных проявлений, интеллектуальных способностей, сложности, интенсивности.

Перцептивные оценки являются наиболее субъективным видом оценок, присваиваемых признакам формата перцепции. Перцептивному оцениванию подвергается все, что человек познает посредством органов чувств: зрительным, аудиальным, обонятельным, вкусовым или осязательным способом. Подобные оценки часто лишены рационализма, так как они отражают индивидуальные предпочтения человека, вытекая из чувств и эмоций, возникающих у него при взаимодействии с объектом или явлением. Например, рус. *лошадиное ржание, медвежья объяття*; англ. *this place is a pigsty, snug as a bug in a rug*; фр. *une couleur caca d'oie, sentir le bouc*.

Моральные оценки позволяют оценить психические проявления человека: его поступки, поведение, воздействие на окружающих с позиции нравственных норм, принятых в обществе. Такие оценки определяют знания формата экспериенциальных эффектов. Оценивание моральных качеств человека производится с учетом положительного или отрицательного влияния, оказываемого им на окружающих: рус. *мухи не обидит, подложить свинью, мыши кота погребают, свинский поступок, мухи с носа не сгонит*; англ. *there are no flies on somebody, shoot the sitting duck, to make a monkey out of someone, to help a lame dog over a stile, to get somebody's goat*; фр. *le cochon qui sommeille, doux comme un agneau, tenir les propos à faire rougir un singe, rendre chèvre, un chien de la maison*.

Физиологические оценки направлены на определение физиологических потребностей, особенностей, здоровья, биологических ритмов (включая циркадные ритмы), а также пограничных физиологических состояний человека (жизнь – смерть). Физиологическая интерпретация является рациональной, так как базируется на объективной выборочности интегрального признака. Например, рус. *потеть как лошадь, глухая тетеря, мрут как мухи*; англ. *to*

bleed like a (stuck) pig, to sweat like a pig, to die a dog's death; фр. avoir une faim de loup, saigner comme un cochon, mourir/tomber comme des mouches.

Качественные оценки характеризуют объекты, явления и действия с позиции соответствия общепринятому стандарту качества. Отрицательная оценка присваивается тому, что находится ниже отметки «стандарт»/«норма» на оценочной шкале, в то время как положительная оценка определяет соответствие данной отметке или ее превышение в случае обозначения высшего качества. Например, интерпретация качества жизни через оценку материального состояния заключается в том, что за норму принимается наличие среднего достатка, положительная оценка характеризует хорошее материальное состояние, соответствующее высокому качеству жизни, а отрицательная – бедность (рус. *соловыи в кармане свищут*, англ. *to live like a fighting cock*, фр. *n'avoir ni cheval ni mule*). При этом интерпретация материального состояния всегда индивидуальна, так как люди разных социальных статусов и возрастов будут избирать неодинаковые уровни в качестве доминант, определяющих оценку.

Другим примером качественной интерпретации является характеристика сделанной работы на основе анализа ее результатов. При оценочной интерпретации труда доминантой становится знание о производительности, полезности, аккуратности исполнения или сроках проделываемой работы, в результате анализа которого выводится оценка: рус. *конь не валялся, кошке хвоста не завяжет, блоху подковать*; англ. *to make a pig's ear out of smth., he is a whale on/at history, a road hog*; фр. *c'est de la bouillie pour les chats, un travail de cochon, écrire comme un chat*.

Количественные оценки отражают позитивное или негативное отношение к маленькому/большому количеству объектов или к отсутствию объектов. Отрицательная оценка формируется при интерпретации недостатка или, напротив, избытка чего-либо, а также из-за отсутствия того, что необходимо в конкретной ситуации. Положительная оценка присваивается при достаточном количестве или при изобилии «желанных» объектов или при

отсутствии того, что является нежелательным. Например, отрицательная оценка: рус. *как сельди в бочке*, англ. *packed as close as herrings (in a barrel)*, фр. *serrés comme des sardines (en boîte)* (о тесноте); рус. *худым конем не увезешь* (большое количество чего-л. плохого, неприятного), англ. *to eat like a horse*, фр. *régaler son cochon* (избыток потребляемой пищи); рус. *пес носим/маскает* (о нежелательном чем-либо отсутствии), англ. *Has the cat got your tongue?* (отсутствие языка), фр. *faire la mouche du coche* (отсутствие результатов). Положительная оценка: рус. *мыши не едят* (много денег), англ. *a cat with nine lives* (много жизней), фр. *une part de lion* (о большом количестве или объеме чего-либо).

Реализация фразеологизмами количественных значений ‘много’, ‘мало’, ‘отсутствие’ не является показателем того, что они выражают оценки количественного типа. Количественные понятия могут приобретать оценочный смысл при соотнесенности с качеством. Во фразеологии часто встречаются примеры, интерпретирующие значения которых представляют собой результат оценочной интерпретации качества на основе количественных параметров в языке. Н.Н. Болдырев, отмечает, что «количественное усиление или ослабление качества или качественной характеристики действия или объекта, а следовательно, и формирование оценочного концепта может иметь скрытый, косвенный характер» [Болдырев 2019б: 295].

Профессиональные оценки отражают субъективное отношение к роду деятельности, представляя собой стереотипное мнение о представителях некоторых профессий. В качестве когнитивной доминанты интерпретирующих значений фразеологизмов с профессиональными оценками выбирается преобладающая у определенных специалистов черта характера (например, жадность коммерсантов, хитрость политиков, жестокость военных, наглость журналистов и др.). Интерпретируемые черты характера представляют собой знания формата наблюдения или экспериенцальных эффектов. Не все представители одной профессии обязательно обладают наиболее типичной чертой, подвергающейся интерпретации. Тем не менее, профессиональные

оценки передают мнение большинства членов общества о том или ином специалисте, являясь результатом коллективной, а не индивидуальной интерпретации. Так, во все времена люди (особенно нарушители закона) негативно относились к начальству и к работникам правопорядка, что обусловлено их стремлением к свободе и неприязнью к контролю, поэтому фразеологизмы, обозначающие представителей высших чинов, полицейских, судей и т.д., выражают презрение или агрессию: рус. *козел в загоне, волк позорный*; англ. *a fat cat, a raw/unboiled lobster*; фр. *une vache à roulettes, Mort aux vaches!*

Коммуникативные оценки отражают положительное или отрицательное отношение адресанта к коммуникативной ситуации. Данный тип оценки широко представлен в фразеологии, поскольку главным основанием для формирования любого фразеологизма является экспликация чувств и эмоций говорящего, а также влияние на сознание слушателя, в результате которого у него формируется своя эмоциональная реакция, «продиктованная» фразеологическим значением. К ФЕ с оценками коммуникативного типа относятся такие фигуры мысли, как риторический вопрос и риторическое восклицание, основной задачей которых является выражение положительных (радость, восхищение, удивление) или отрицательных эмоций (негодование, возмущение, ярость, презрение). Например, рус. *Хорош/каков гусь!, Слона-то я и не приметил!*; англ. *Look what the cat dragged in!, Why keep a dog and bark yourself?*; фр. *Ce qu'il est rat!, Quel oiseau!* и др.

Коммуникативная оценка представляет собой реакцию на происходящие события или на действия адресата. Так, русское выражение *Конь в пальто!* используется при нежелании человека отвечать на вопрос «Кто?» и является индикатором раздражения говорящего, который негативно реагирует на назойливость собеседника. Английская ФЕ *Are you there with your bears?* представляет собой риторический вопрос, задаваемый с целью передачи удивления, досады или негодования: *...come up - are you there with your bears?* (W. Scott. «The Abbot»). Французский фразеологизм *Une vache de belle maison!*

имеет обычно положительную оценку, так как употребляется в качестве похвалы в значении 'молодец'. Однако при выражении сарказма фразеологизм приобретает противоположный смысл: - *Tu a perdu tout l'argent préparé pour le loyer?! La vache de belle maison! Rien à dire!*

Коммуникативные оценки способны не только отражать отношение адресата, но и влиять через это отношение на действия адресанта, исполняя роль побуждения. В таком случае коммуникативная оценка может служить поощрением к действию или, напротив, указывать на его нежелательность. Например, рус. *Иди ты ежиков насти!* (побуждение к прекращению общения), англ. *Who's «she», a cat's mother?* (побуждение называть человека по имени), *Merci/bonjour, mon chien!* (побуждение к тому, что ребенок должен обращаться по имени к человеку, с которым здоровается или которого благодарит).

Оценки соответствия позволяют определять объекты, действия или явления как уместные/неуместные, подходящие/неподходящие в конкретной ситуации (рус. *идет как корове седло, как рыбе зонтик*; англ. *a horse of a different color, a hog in armour*; фр. *l'âge n'est que pour les chevaux, ce n'est pas fait pour les chiens, un bon cheval*). Несоответствие, интерпретируемое фразеологизмами с компонентом-зоонимом, часто транслируется посредством ирреальных образов животных, которые обладают лишними частями тела или обитают в не свойственной им среде: рус. *нужен как собаке пятая нога*; англ. *a fish out of water*, фр. *cette queue n'est pas de ce veau-là*.

Оценки функции вытекают из анализа способностей интерпретируемого объекта выполнять свое утилитарное назначение. Для функциональной интерпретации необходимо знание назначения объекта, т.е. цели, с которой он используется. В качестве интерпретируемого объекта выступает, прежде всего, артефакт или человек (например, работник), а за оцениваемый признак принимается признак формата функции. Функциональные оценки имеют рациональное объяснение и определяют объект как полезный/бесполезный, а работу, выполняемую им, как продуктивную/непродуктивную. Как и в случае оценок соответствия, отрицательная функциональная оценка присваивается при

невозможности объекта реализовывать свои функции или при их неполноценном (частичном) выполнении. Например, рус. *как от козла молока, мышей не ловит*; англ. *a dead dog, a gone goose*; фр. *un cheval à la besogne, c'est le veau*.

С функциональной точки зрения интерпретируются не только люди и артефакты, но и действия, события, реализация которых должна производить определенный эффект. Если совершаемое действие не оправдывает себя конечным результатом, оно рассматривается как неэффективное и, следовательно, бесполезное: рус. *делить шкуру неубитого медведя, биться как рыба об лед, не в коня корм, кому под хвост*; англ. *to make a dog's dinner of something, to cast pearls before swine, a wild goose chase, take a bear by the tooth*; фр. *faire le loup, battre un cheval mort, changer son cheval borgne contre un aveugle, une révolution en peau de lapin*.

Оценки событий отражают отношение к тому, что произошло, т.е. к какому-либо факту общественной или личной жизни. Присваиваемая событию оценка часто зависит от последствий, которое оно за собой повлечет. Так, например, факт рождения ребенка оценивается в зависимости от готовности семьи к данному событию. Русский фразеологизм *плодятся как кролики*, употребляемый как реакция на рождение ребенка, содержит отрицательную оценку в случае наличия в семье большого количества детей при недостатке материального состояния, которое необходимо для их полноценного содержания. Отрицательная оценка при этом связана с последствиями события: с плохими условиями жизни детей. Английское выражение *a kangaroo court* имеет отрицательную оценку из-за несправедливого решения суда, от которого впоследствии кто-то пострадает. Французская ФЕ *épouser la vache est le veau* имеет отрицательную оценку, так как женитьба на беременной женщине часто означает вынужденное, незапланированное создание семьи или будущие обязанности мужчины воспитывать чужого ребенка в случае, если он не является отцом.

Оценки эмоциональных проявлений зависят от характера чувств, эмоций, ощущений человека. Такие оценки интерпретируют признаки формата наблюдения, выделяемые в результате познания повадок животных. Так, хорошее душевное состояние оценивается положительно (рус. *чувствовать себя как рыба в воде, довольный как слон*; англ. *(as) happy as a pig in muck*, фр. *atougeux comme un coq*), а все негативные эмоции – отрицательно (рус. *как разъяренный бык, как быку красная тряпка*; англ. *be like a bear with a sore head, (as) scared as a rabbit, to have ants in one's pants*; фр. *prendre la chèvre, un mouton enragé*), о чем свидетельствует соответствующая семантика используемой лексики: *довольный, разъяренный, happy, scared, enragé* и др.

Интеллектуальные оценки определяют хорошее или плохое умственное развитие человека, его память, сообразительность, способность к обучению, жизненную мудрость. Большинство фразеологизмов с компонентом-зоонимом интерпретируют глупость и, следовательно, передают отрицательную оценку: например, рус. *лось педальный, баранья голова*; англ. *a pig-headed, an asses' milk*; фр. *être comme une vache qui regarde passer les trains, un âne bête, être lourd comme un bœuf*. Незначительное количество выражений характеризует интеллектуальные способности с положительной стороны (например, рус. *мудрый как сова*, англ. *stupid like a fox* ‘about someone who is sly and sneaky, but they play stupid in order to fool other to get what they want’; фр. *avoir la memoire d'un éléphant*).

Интеллектуальная интерпретация может основываться на более или менее объективном знании формата наблюдения, когда вывод об умственных способностях животного вытекает из его действий. Так, лисы умеют находить выход из сложных ситуаций: запутывать следы, уходя от охотничьих собак, присваивать чужое жилье, выгоняя из норы зайца или барсука, использовать в пищу колючих ежей, скатывая их в реку и заставляя тем самым расформировать клубок и т.д. Подобные наблюдения позволили сформировать представление о лисе как о хитром и умном звере. Однако интеллектуальные оценки могут быть необоснованными рационально и базироваться на знании

ассоциативного формата. В таком случае маленькое животное рассматривается как глупое, а большое считается умным (см. подробнее Главу II п. 1.1.).

Оценки сложности, выражаемые фразеологизмами с компонентом-зоонимом, характеризуют полярные показатели «простой» – «сложный». Такие оценки определяют действия с позиции физических, интеллектуальных, временных затрат, требуемых на их реализацию. Например, рус. *ежу понятно*, англ. *a duck soup*, фр. *bailler le chat par les pattes, c'est le pont aux ânes*.

Оценки интенсивности передают отношение человека к очень низкой или к очень высокой степени выраженности различных характеристик (силовых, звуковых, эмоциональных, количественных и др.): фр. *maigre comme un chat de gouttière*. Оценки, интерпретирующие интенсивность, являются вспомогательными, так как они характеризуют разные признаки и сосуществуют с другими видами оценок. Например, русский фразеологизм *сильный как бык* включает в себя оценку интенсивности, реализуя значение 'очень сильный' с одной стороны, и передает физиологическую оценку, определяя одну из физиологических особенностей быка – с другой. Английский фразеологизм *(as) mad as a hornet* содержит эмоциональную оценку и оценку интенсивности, так как обозначаемое эмоциональное состояние характеризуется сильной выраженностью. Французское выражение *crier comme un putois* обладает перцептивной оценкой, передавая признак формата звуковой перцепции, и оценкой интенсивности, реализуя значение 'очень громко кричать'.

Результаты анализа интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом свидетельствуют о том, что большинство из них выражают отрицательную оценку. А. Вежбицкая отмечает, что «асимметрия в оценках направлена в сторону «пессимизма» [Wierzbicka 1979: 357]. Е.М. Вольф объясняет данное явление тем, что при непосредственной коммуникации «положительные оценки ориентированы на отношение субъекта к событию, а отрицательные оценки предпочитают указание на свойства и действия объекта, поэтому способы отрицательной оценки более разнообразны в собственно

семантическом плане» [Вольф 2002: 29]. Согласно А.В. Кунину, «явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано, по-видимому, с тем, что положительность воспринимается как само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков, ошибок, плохого. Потому-то это для него столь значительно и так стойко отражено в языке» [Кунин 1996]. Тем не менее, если негативное отношение к диким хищным зверям является закономерным из-за того, что они представляют собой опасность для жизни людей или наносят вред их хозяйству, то отрицательная оценка домашних животных, приносящих пользу, требует дополнительных разъяснений.

Чаще всего средством интерпретации являются знания о животных, живущих в непосредственной близости от человека и, следовательно, они чаще всего задействуются в составе фразеологизмов. Наиболее высокой степенью фразеологической активности обладает зооним «собака», потенциал которого распространяется, прежде всего, на концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК при интерпретации физических, физиологических и психических особенностей, социализации. В качестве основы межконцептуальных связей выступают признаки формата зрительной перцепции (например, признаки внешнего вида: рус. *собака сутулая*, фр. *avoir du chien*), наблюдения (в частности, признаки характера: рус. *ценной пс*, англ. *a jolly dog*, фр. *faire le chien enragé*), функции (признаки утилитарного назначения животного: рус. *сторожевой пс*, англ. *to dog the watches*, фр. *un cheval de renfort*).

Отрицательная оценка фразеологизмов обусловлена семантикой компонента-зоонима, а именно его переносными значениями. Потребительское отношение к собакам заключается в их использовании для охраны объектов. Животное выступает в качестве рабочей силы, подчиненной человеку, который, в свою очередь, начинает ощущать свое превосходство. Таким образом, на базе знаний функционального формата и операционального опыта формируется пренебрежительное отношение к собаке и отрицательная оценка не только характера, но и других аспектов ее жизни. Отсюда возникают переносные

значения зоонима ‘презренный человек’, ‘негодяй’, выражающие отрицательную оценку. Помимо названной выше причины, формирование негативного отношения человека связано со способностью данного животного лаять, рычать, кидаться на человека и даже кусать, в результате чего собака считается агрессивной, недружелюбной и даже жадной, что обуславливает возможность употребления соответствующего зоонима в значениях ‘злой, агрессивный человек’, ‘грубиян’.

Например, в русском языке зооним «собака» употребляется в качестве компонента фразеологического состава для характеристики злого человека: например, в фразеологизме *злой как собака*: *Видишь, я, какая злая собака, которую ты сестрою своею назвал!* [Достоевский 1991]. В английском языке у зоонима «dog» есть следующие значения: 1) подлец, 2) страшилище (о внешности), 3) дрянь, барахло. Сравним фразеологизмы, интерпретирующие значения которых обусловлены значением зоонима: *a dirty dog* (1), *What a dog!* (2), *a dog's breakfast* (3). Например, *The dirty dog! He might have slowed down a bit! I said, wiping mud off my jeans* (1) [URL: dic.academic.ru]; *Now she's having to watch as those whom she grew up with in politics are in Cabinet and making a dog's breakfast of it* (3) [URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>]. Во французском языке зооним «chien» реализует такие значения, как 1) каналья, негодяй, 2) злой, отвратительный, скупой. Например, *un chien couchant* (1): *...comme la femme ulcerée par des siècles de prétendu esclavage, veut se venger et quelle est infiniment plus acharnée que l'homme, l'Occidental devient vite le chien couchant de son épouse* (P. Guith. «le Mariage du naïf»); *être d'un chien* (2): *D'ordinaire il n'est pas chien du tout. Il serait même un peu prodigue* (H. Bazin. «Cri de la chouette»).

Каждый фразеологизм с компонентом-зоонимом ориентирован на интерпретацию того или иного признака, оценка которого зависит от выбора доминанты. Классификация фразеологических оценок, учитывающая характер интерпретируемого признака, позволяет проследить и понять реализацию интерпретирующей функции на конкретных примерах. Интерпретирующие значения ФЕ могут не только отражать отношение интерпретатора, но и

создавать общее представление о нем посредством имплицитной информации о роде его деятельности, воспитании, местожительстве благодаря селективной функции интерпретации.

2.2. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом селективного типа

Селективный тип интерпретирующего значения включает в себя сведения о сфере функционирования фразеологизма, а также о группе лиц, которым свойственно его использование. Функция селекции связана с выбором объектов интерпретации и, таким образом, подчинена доминантному принципу фильтрации поступающей в сознание информации. Выбор доминанты зависит, прежде всего, от трех факторов: сферы деятельности, уровня воспитания и географических условий проживания. Исходя из этого можно выделить основные виды селективной интерпретации: профессиональную, этическую, географическую.

Профессиональная селекция заключается в том, что за доминанты принимаются фрагменты мира, с которыми представитель определенного рода деятельности наиболее часто соприкасается в повседневной жизни. Так, в речи спортсменов часто встречаются фразеологизмы, интерпретирующие то, что связано с тренировками, соревнованиями: отборочные туры, гимнастические элементы, спортивная форма, инвентарь, победа или проигрыш, отношения с тренером и с командой и др. Например, рус. *пустить бабочку, поймать леца, сделать ласточку*; англ. *a pike jump, swallow stand, a cat stretch*; фр. *une poule d'essai, des poules de classement, faire du cheval*. Уголовный жаргон включает в себя фразеологизмы, характеризующие различные виды преступлений, отношение к органам правопорядка, предательство, месть, тюрьму. Например, рус. *взять медведя на аркан, запороть/взять на лапу медведя, петуху хвост крутить*; англ. *a rat pack, rat on smb., to knock into a cock*; фр. *faire la souris, une croix des vaches, un rat de prison*.

Из-за профессиональной селекции интерпретация многих фразеологизмов требует наличия специализированных знаний, и поэтому такие выражения могут быть не поняты людьми, далекими от определенной сферы деятельности. Наглядным примером профессиональной селекции являются фразеологизмы с компонентом-зоонимом, принадлежащие к различным категориям сферы медицины: патологии (рус. *бараний нос*, *бычий глаз*; англ. *a spider angioma*, *a mule spinners cancer*; фр. *une souris articulaire*, *une maladie des griffes du chat*), симптомы болезней (рус. *петушиная ходьба*, *грудная жаба*, *гусиная печень*; англ. *an elephant leg*, *a cock-walk gait*, *a tiger heart*; фр. *une marche de coq*, *une tête de méduse*, *un moustique tigre symptôme*); анатомическое строение (рус. *петушиный гребень*, *гусиная лапка*, *конский хвост*; англ. *a calf bone*, *a swallowing center*, *a butterfly adrenal*; фр. *une queue de cheval*, *une patte d'oie*, *une crête de coq*) и др.

Работники медицины употребляют фразеологизмы не только для образности речи, но и для поддержания врачебной тайны, так как в некоторых сферах завуалированный смысл профессиональных арготизмов необходим для сокрытия истинного смысла от нежелательных слушателей. Помимо этого, понимание значений некоторых ФЕ зачастую требует не только знаний общей медицинской терминологии, но и терминологии отдельных специализаций (педиатрии, неврологии, хирургии, радиологии и т.д.). Например, работа в области хирургии подразумевает знание хирургических инструментов: рус. *утиный клюв*, *вороний клюв*; англ. *a crow-bill*, *a duck-billed speculum*; фр. *un bec de canard*, *un bec de corbeau*.

Этическая селекция отражает уровень воспитания адресанта, т.е. его способность/неспособность выходить за рамки «дозволенного», а также степень близости отношений с адресатом. Воспитанный человек старается избегать использования фразеологизмов со сниженной стилистической окраской, к которым относятся просторечные выражения, жаргонизмы, не соответствующие нормам литературного языка. Следовательно, присутствие/отсутствие подобных выражений в речи создает представление о

воспитании человека, а также об этических требованиях, предъявляемых к общению в его социальной группе. Употребление стилистически сниженных ФЕ может также свидетельствовать о неформальном общении, имплицитно указывая не только на приблизительно равный социальный и возрастной статус, но и на близкие отношения между коммуникантами. Таким образом, этическая селекция определяет стилистический статус фразеологизма и в то же время посредством анализа этого статуса предоставляет сведения о человеке, который его употребляет.

Приведем некоторые примеры стилистически сниженных фразеологизмов, употребление которых считается недопустимым при формальном общении с точки зрения этики большинства социальных групп: рус. *фаршированный олень, забодай тебя комар, к чертям собачьим, не твое собачье дело*; англ. *such a dog, dog on it, to jerk/shoot the cat, a party animal*; фр. *la merde au chat, pédé comme un phoque, des faux moutons, c'est le chien pour faire qch* и др.

Этическая селекция обуславливает формирование фразеологизмов-эвфемизмов, употребляемых с целью «смягчения» понятия, которое может показаться грубым или неуместным в определенном обществе. В данном случае речь идет о фразеологизмах-эвфемизмах, выражающих пейоративную оценку и вызывающих отрицательные эмоции. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эвфемизмы определены как «эмоционально нейтральные слова и выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 590]. При этом интерпретирующие значения фразеологизмов-эвфемизмов не приобретают нейтральный характер, т.е. план содержания остается прежним, изменяется лишь план выражения. «Эвфемизация представляет собой способ языковой интерпретации, направленный на полную или частичную нейтрализацию негативных компонентов исходного концепта» [Алексикова 2010].

Эвфемистические выражения охватывают все сферы повседневной жизни, замещая понятия, способные неприятно поразить слушающего своей откровенностью:

- физические недостатки (рус. *мышинный хвостик* ‘о редких волосах’, англ. *to be no chicken* ‘быть не первой молодости’, фр. *un aérodrome à mouches /à libellules* ‘лысина’),

- физиологические процессы (рус. *дразнить баранов/кормить кроликов* ‘извергать рвотные массы’, англ. *to shoot the cat* ‘рвать’, фр. *changer son poisson d'eau* ‘совершать акт мочеиспускания’);

- низкий уровень интеллекта (рус. *голуби из голубятни улетели*, англ. *don't be such a goose*, фр. *avoir des papillons dans le compteur* ‘о глупом человеке’);

- людей с аморальным поведением или родом деятельности (рус. *ночная бабочка* ‘проститутка’, англ. *a snow bunny* ‘девушка, ищущая богатого жениха-спонсора на лыжных курортах’, фр. *un chaud lapin* ‘бабник’);

- смерть (рус. *раков кормить*, англ. *feed the fishes/be food for fishes* ‘утонуть’, фр. *lâcher la perche* ‘умереть’),

- человеческие пороки (рус. *дать барашка в бумажке* ‘дать взятку’, англ. *to have/got the rats* ‘напиться до белой горячки’, фр. *manger la grenouille* ‘растратить/присвоить общественные деньги’);

- тяжелое материальное состояние (рус. *пестух не поет*, англ. *to keep the wolf from the door* ‘быть очень бедным’, фр. *les années des vaches maigres* ‘годы нужды’);

- связи сексуального характера (рус. *купить кобылу* ‘совершить половой акт’, англ. *stork smb.* ‘сделать кого-то беременной’, фр. *laisser aller le chat au fromage* ‘лишиться девственности’).

Подобные выражения являются защитным психологическим барьером, оберегающим человека от смущения, стыда, отвращения и других негативных эмоций, и позволяют обойти табу, наложенные обществом из этических

соображений. Следовательно, употребление фразеологических эвфемизмов обусловлено психологическим аспектом и этическими требованиями социума.

Географическая селекция связана с территориальными особенностями места жительства носителя фразеологизма (особенностями ландшафта, климата, длительности сезонов, флоры и фауны и др.). Данный вид селекции выявляется при сравнении компонентного состава схожих по смыслу фразеологизмов в разных вариантах языка, функционирующих в неодинаковых географических условиях. Например, в зависимости от территориального местоположения в качестве компонента-зоонима используются разные представители фауны. Например, в России для обозначения сильного чувства голода обычно используется выражение *голодный как волк*. Однако в некоторых регионах (в частности, в Республике Коми) для передачи такого же смысла применяют фразеологизм *съесть медведя с шерстью*, что предположительно объясняется тем, что в местных лесах обитает много медведей. Так, по данным информационного агентства БНК в 2019 году количество медведей в лесах Республики Коми в три раза превысило количество волков. В американском английском употребляется фразеологизм *mad as a hornet*, т.е. злой человек сравнивается с шершнем, а в Австралии разъяренный человек ассоциируется со змеей – *mad as a cute snake*. Французы применяют фразеологизм *malin comme un singe* (букв.: ‘хитрый как обезьяна’), в то время как жители Квебека предпочитают выражение *malin comme un pichou*, сопоставляя хитрого человека с рысью, обитающей на территории Канады [Кривоногова 1999: 294].

Селективная функция интерпретации определяет различные стили и стилистические приемы, свойственными той или иной группе людей. Лишь незначительная часть ФЕ с компонентом-зоонимом является стилистически нейтральной. При этом нейтральные фразеологизмы нередко обладали изначально стилистически окрашенным значением, но со временем трансформировались в общеупотребительные выражения, утратив тем самым селективную функцию. Например, следующие ФЕ с компонентом-зоонимом

сформировались в сфере науки и относились к научно-терминологическому стилю, но затем изменили узкопрофильный характер своего значения, расширив объем семантики: рус. *черный лебедь* (из теории философа Нассима Николоса Талеба о труднопрогнозируемых и редких событиях, имеющих значительные последствия), англ. *the dog days* (из астрономии, о явлении слияния света Солнца с лучами Сириуса (Dog star)); фр. *être comme l'âne de Buridan* (из теории французского философа Жана Буридана о проблеме выбора).

Селективный компонент интерпретирующего значения исчезает также из ФЕ с компонентом-зоонимом, относящихся к литературно-публицистическому стилю. При популяризации литературы фразеологизм становится известным не только в кругах, знакомых с произведением, но и среди людей, случайно услышавших выражение через посредников. Такие фразеологизмы чаще всего представлены известными цитатами из произведений отечественных и зарубежных авторов, выражениями, заимствованными из античных литературных источников, из церковных книг и т.д. [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 65]. Например, *премудрый пескарь* (из одноименной сказки Е.М. Салтыкова-Щедрина), *человек человеку волк* (из комедии Плавта «Ослы»), *агнец божий* (из Библии); англ. *the best-laid plans of mice and men* (из стихотворения Р. Бернса «К полевой мыши»), *a lion's share* (из басни Эзопа «Лев, Лисица и Орел»), *a Balaam's ass* (из Библии); фр. *les moutons de Panurge* (из романа Ф. Рабле «Пантагрюэль»), *être la mouche du coche* (из басни Лафонтена «Муха и дорожные»), *le cheval de Troie* (из поэмы Гомера «Одиссея»), *la brebis égarée* (из Евангелия).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом образуются на базе различных стилистических фигур и приемов. Например, для увеличения экспрессивности ФЕ с компонентом-зоонимом используют литоту или гиперболу. Гипербола представляет собой стилистическую фигуру, направленную на преувеличение характеристик сущности, посредством контрастного сопоставления реального с нереальным. Гипербола используется с целью поразить слушателя, привлечь

его внимание посредством утрирования явления. В.И. Даль определяет гиперболу как «преувеличение, всякое выражение, впадающее в какую-либо крайность» [Даль 2006]. Гиперболе противопоставляется литота, основанная на преуменьшении и часто называемая обратной гиперболой. Например, гипербола (преувеличение): рус. *А слона-то я и не приметил!*, *стрелять из пушки по воробьям*; англ. *the elephant in the room, there isn't enough room to swing a cat*; фр. *manquer la vache dans le couloir, une écriture de pattes de mouche, tout est Napoléon pour son chien*; литота (преуменьшение): рус. *с гулькин нос, комар носа не подточит*; англ. *strain at a gnat, one-horse town*; фр. *plat comme une punaise, manger comme un oiseau* и т.д.

Некоторые ФЕ с компонентом-зоонимом представляют собой аллегории, выражающие идеи или понятия с помощью художественных образов, которые являются знаниями ассоциативного формата. За счет высокой степени образности, возникшей на основе чувственно-эмоционального восприятия мира, аллегорические фразеологизмы относятся к художественному стилю речи и широко используются в поэзии и литературе. Например, рус. *красный петух, первая ласточка, стальной конь, голубь мира, золотой теленок, синяя птица*; англ. *a red herring, a bear garden, a rat race, a lion in the way*; фр. *un oiseau de malheur, un veau d'or, une vache à lait, les vaches grasses, les vaches maigres* и т.д.

Для экспликации чувств и эмоций говорящий может прибегать к таким риторическим фигурам, как ирония и сарказм. Д.Н. Ушаков определяет иронию как тонкую насмешку, прикрытую серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой [ТСРЯ 1935-1940]. Согласно Н.Г. Комлеву, ирония – 1) тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме (например, рус. *лошадь в рот заехала*, англ. *I'll be a monkey's uncle!*, фр. *leurs chiens ne chassent pas ensemble*); 2) употребление слова или целого выражения в противоположном смысле с целью высмеивания [СИС 2000]. В последнем случае фразеологическая ирония является вербальной, подчеркивающей различие между словами говорящего и тем, что он подразумевает на самом деле.

Рассмотрим некоторые примеры фразеологизмов с компонентом-зоонимом, явно выражающих иронию. В русском языке к ироническим устойчивым словосочетаниям относится фразеологизм *любит как собака палку*, характеризующий 'нелюбовь, неприязнь', ФЕ *разбираться как свинья в апельсинах*, употребляемая в значении 'ничего не понимать в чем-л.'; фразеологизм *когда рак на горе свистнет*, называющее обстоятельство при котором совершится событие, и одновременно подчеркивающее его невозможность. Английский фразеологизм *a little bird told me* является ответом на вопрос об источнике информации – *bird*, но при этом говорящий дает понять, что не может раскрыть секрет. Вопросительная ФЕ *Whose dog is dead?* намекает на расстроенный вид, аналогичный виду человека, у которого умерла любимая собака. Английское выражение *a hen party* в шутливой форме передает пренебрежительное отношение к женским развлекательным мероприятиям. Французский фразеологизм *c'est le chat*, употребляемый в значении 'ну, конечно же, это случилось само собой', обращен к человеку, вина которого хорошо известна говорящему. ФЕ *avoir d'autres chats à fouetter* 'иметь свои дела' употребляется даже в том случае, если человек свободен, но транслирует, что он не намерен что-либо делать из-за занятости. Фразеологизм *une boîte à sardines* представляет собой народное название омнибуса и отражает ироничную интерпретацию переполненного людьми общественного транспорта.

Ироничный оттенок, отсутствующий в исходном смысле ФЕ, может проявиться при ориентации на определенную ситуацию. Способность приобретать ироничный характер связана с использованием фразеологизма в нестандартной для него ситуации, когда смысл выражения перестает быть буквальным и трансформируется в диаметрально противоположный, выражая противоречие, например, при употреблении ФЕ с мелиоративными значениями для передачи пейоративного смысла. Так, О.С. Ахманова определяет иронию как троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки, подчеркивая, что насмешка нарочито

обличена в форму положительной характеристики или восхваления [Ахманова 1996: 185]. Например, употребление фразеологизма *телячий восторг* в отношении полного отсутствия эмоций или при выражении недовольства; применение ФЕ *кошачья грация* в отношении неуклюжести; *принц на белом коне* – в адрес человека, далекого от идеального образа; *(as) busy as a bee* – о бездельнике, *the bee's kness* – для характеристики плохого качества, *a duck soup* – о чем-то сложном, требующем усилий; *une brebis du bon Dieu* – о непослушном, своенравном человеке, *être copains comme cochons* – в адрес враждующих людей, *bouffer /manger du lion* – про аморфного или бездействующего человека и т.д. Ироничные фразеологизмы могут образовываться посредством сочетания литоты и гиперболы, используемого для усиления контраста: рус. *гора мышь родила*, англ. *strain at a gnat and swallow a camel*, фр. *rejeter le moucheron et avaler le chameau*. Ироничный эффект, вызванный сочетаниями данных стилистических фигур, достигает максимального уровня из-за конфликта реального и ирреального, объективного и субъективного видения мира, который представлен за счет противопоставления соответствующей лексики: *гора – мышь*, *gnat – camel*, *moucheron – chameau*.

Обобщая вышесказанное отметим, что селективный тип интерпретирующего значения фразеологизма отсылает нас к определенным характеристикам интерпретатора: профессиональная селекция указывает на род занятий, этическая селекция предоставляет информацию об уровне воспитания и степени близости отношений интерпретатора со слушающим, в то время как географическая селекция свидетельствует о территориальной принадлежности.

2.3. Интерпретирующие значения ФЕ с компонентом-зоонимом классифицирующего типа

Классифицирующий тип интерпретирующего значения относит интерпретируемые объекты к соответствующим концептуально-тематическим

областям и категориям. Основной задачей классифицирующей функции является упорядочение знаний путем отнесения объекта интерпретации к той или иной области или категории. Такое упорядочение становится возможным при наличии соответствующего контекста, определяющего направление интерпретации, т.е., выступающего в роли когнитивной доминанты.

Согласно Н.Н. Болдыреву, в качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке, а также принципы построения речевого взаимодействия [Болдырев 2018]. Исходя из этого, можно выделить следующие виды доминант, определяющие формирование интерпретирующих значений ФЕ: концептуальные, категориальные, концептуально-тематические, оценочные, стандартизирующие и коммуникативные.

Концептуальная доминанта представляет собой ориентацию на ключевую, по мнению человека, характеристику интерпретируемого фрагмента мира, его специфическую концептуализацию. В ходе интерпретации в сознании активизируются не все знания, а лишь те, которые кажутся значимыми интерпретатору. Представим ситуацию, в которой людям предлагают графически изобразить концепт ЯБЛОКО. Концепт у всех один, однако одни изобразят фрукт зеленым цветом, другие красным. Аналогичным является присвоение разных смыслов одному и тому же слову, поскольку вероятно, что разные люди будут акцентировать внимание на неодинаковых признаках одного и того же фрагмента. Например, русский фразеологизм *свиные полдни*, характеризующий время суток концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, используется жителями Владимирской области. Однако из-за несовпадения концептуальных доминант жители разных областей приписывают разные интерпретирующие значения данному фразеологизму. Так, в Донской области ФЕ обозначает '9-10 часов утра', поскольку за концептуальную доминанту принимаются часы кормления свиней, между тем как во Владимирской области под *свиными полднями* понимают 'время после

полудня', подразумевая в качестве концептуальной доминанты послеобеденный отдых, напоминающий лежание свиней. Таким образом, значение приведенного в пример фразеологизма зависит от ориентации на то или иное знание, выступающее в роли концептуальной доминанты.

Категориальная доминанта – это ориентир на определенное знание, позволяющее отнести интерпретируемый объект к конкретной категории. Например, французский фразеологизм *une bête à concours* реализует два интерпретирующих значения: 'начитанный человек, умеющий показать свои знания' и 'прилежный студент, выполняющий все задания'. В первом случае в основе категоризации лежит ориентация на знание об интеллектуальной способности человека, определяющее его как эрудита, в то время как во втором случае доминантой является знание о прилежании, выбор которого характеризует студента с точки зрения его отношения к учебе.

Концептуально-тематические доминанты представляют собой знания, определяющие область интерпретации. Например, английское выражение *the bee's knees* способно репрезентировать знания разных форматов и, следовательно, характеризовать разные концептуально-тематические области. Так, знание формата вкусовой перцепции позволяют использовать ФЕ с компонентом-зоонимом для характеристики вкуса как абстрактного понятия: *Wonderful! But now it's time for my best creation: my special ice cream. Here it is, Li. This is the bee's knees!*; знание формата экспериенциальных эффектов доминирует при характеристике физического здоровья человека: *The massage is the bee's knees for my back!*; ФЕ, основанные на знании формата функции, способны характеризовать технические объекты области АРТЕФАКТ: *This is the best laptop I've ever bought. It is very light and has the best features. It is really the bee's knees!* и т.д.

Оценочные доминанты выступают в качестве ориентиров при оценке интерпретатором фрагментов мира как положительных или отрицательных феноменов. Оценочные доминанты человека, как правило, представляют собой принятые в обществе нормы и эталоны, соответствие которым оценивается

положительно. Все, что не вписывается в понятие нормы приобретает отрицательную оценку: например, подлость (рус. *курпатку посадить*, англ. *to put a bug in someone's ear*, фр. *être la vache des vaches*); лицемерие, ложь (рус. *крысиная улыбка*, англ. *crocodile tears*, фр. *agir en renard*); жадность (рус. *поклоняться золотому тельцу*, англ. *to be a greedy pig*, фр. *être constipé du crapaud* и т.д. Таким образом, общество предопределяет формирование оценочных доминант отдельных индивидов.

Рассмотрим некоторые случаи зависимости оценок объектов от оценочных доминант на примере количественных характеристик. Русское выражение *денег куры не клюют* может передавать положительную оценку, если за доминанту принимается одобрительное отношение к щедрости человека: *Денег у него куры не клевали, и он ничуть не скупился* [Твен 2013]. В то же время данный фразеологизм способен выражать отрицательную оценку, когда в качестве доминанты выступает знание о жадности человека или о его стремлении скрыть свое состояние: – *Скажи: «по малости»! Куры денег не клюют, а он смиренником прикидывается!* [Салтыков-Щедрин 2015].

Английская ФЕ *a lion's share* выражает положительную оценку, если оценочной доминантой становится позитивное отношение человека к интерпретируемому количеству, или отрицательную оценку - в обратном случае. Сравним, *Safety services get lion's share through levies Most of the budget – about \$35 million – will be spent for police and fire services, which are funded through separate levies* [URL: Cincinnati.com], где оценочной доминантой является позитивная реакция на получение наибольшей доли дохода и *Well, provide a few services and use the lion's share of revenues to pay the bribes*, где оценочной доминантой становится негативное отношение к трате значительной доли доходов, отрицательно влияющей на бюджет .

Французский фразеологизм *pas la queue d'un chat* при характеристике местности выражает отрицательную оценку, если доминантой становится негативное отношение человека к удаленности от цивилизации, обозначающей

для него отсутствие ресурсов, низкий уровень культуры: – *Merde? disait-il. J'ai perdu mon fusil dans ma chute et je ne le retrouve pas. – Cela ne fait rien, lui dis-je. Viens. Tu peut venir. Il n'y a pas un chat, même le bon Dieu ne s'égarerait pas dans un bled pareil* [Cendrars 1974]. Если оценочной доминантой считается положительное отношение человека к покою и умиротворенности места, то фразеологизм выражает положительную оценку: *Je me délectais de ce silence inhabituel au milieu du parc où il n'y avait pas un seul chat avant l'aube*. Таким образом, на функциональном уровне формируются разные оценочные смыслы, меняющие интерпретирующий статус фразеологизма в зависимости от ориентации на ту или иную оценочную доминанту конкретного человека.

Наличие оценочных доминант становится еще более необходимым в случае, если фразеологизм обладает двумя диаметрально противоположными значениями с разноплановыми оценками. Например, русская ФЕ *убить бобра* 1) 'обмануться в расчетах, получив худшее вместо лучшего' (отрицательная реакция), 2) 'приобрести что-либо ценное' или 'добиться чего-либо значительного' (положительная реакция). Сравним, *Эх, Потап Максимыч, Потап Максимыч, убил же ты бобра, любезный друг! На поверку-то парень дрянь выходит, как кажется!* (П.И. Мельников-Печерский. «В лесах») – пейоратив и *В министры попал почему? Понравился графу, что метко стреляет, бьет без промаху – ну и убил бобра. Бесконтрольно, можно сказать, всем царством владеет* (С.Н. Сергеев-Ценский. «Сад») [цит.: по Мокиенко 1989] - мелиоратив.

Английская ФЕ с компонентом-зоонимом *as quiet/still as a mouse* может выражать все три вида оценки (включая нейтральную): *I shall be as quiet as a mouse. I'll just tuck my box...in this corner, right out of your way* (R. Davies. «The Rebel Angels») в значении 'спокойный, незаметный' (положительная оценка); *When he heard the news he was still as a mouse* в значении 'тихо, без звука' (нейтральная оценка); *Lanny kept as still as a mouse, answering only when he was spoken to. What to expect from him? Nobody knows* (U. Sinclair. «Between Two Worlds») [цит.: по Лескина 2013] в значении 'затаившийся' (отрицательная

оценка). Сравним, французское предложение *Bien sûr que je m'en souviens, car j'ai la mémoire d'éléphant*, где фразеологизм *avoir la mémoire d'éléphant* обозначает психическую способность 'очень хорошая память' (положительная оценка) с предложением *En ayant la mémoire d'éléphant il s'est promis de se venger*, в котором выражение репрезентирует отрицательную черту характера человека, употребляясь в значении 'быть злопамятным' (отрицательная оценка).

Стандартизирующие доминанты – это стереотипные знания, связанные с интерпретацией мира на основе уже существующих в языке «готовых» схем и моделей. Стандартизирующие доминанты формируются в результате коллективной интерпретации на базе общественного, а не индивидуального опыта. Члены сообщества по умолчанию принимают определенные знания, считая их неоспоримыми, даже если они не были проверены эмпирически. Стандартизирующие доминанты зачастую не отражают объективную реальность, так как представляют собой наиболее обобщенные знания об интерпретируемом фрагменте без учета частных случаев. Например, существует стереотип о медлительности черепах, зафиксированный в следующих ФЕ: рус. *ползти как черепаха*, англ. *a turtle's pace*, фр. *marcher à pas de tortue*, *Quelle tortue!*. Однако медленным передвижением отличаются лишь гигантские слоновые и галапагосские черепахи, не способные быстро передвигаться из-за тяжелого панциря, в то время как скорость морских черепах достигает 35 км/ч.

Коммуникативные доминанты – это коммуникативные намерения адресанта. Реализация данных намерений становится возможной через экспликацию чувств и эмоций говорящего посредством фразеологизмов с компонентом-зоонимом. В качестве коммуникативной доминанты может использоваться негативное отношение интерпретатора к ситуации или к действию другого человека, позволяющее правильно трактовать интерпретирующее значение ФЕ. Например, коммуникативные доминанты определяют использование единиц с положительной оценкой для выражения

негативных эмоций (ирония): рус. *кроткий как ягненок* (о наглom человеке), *львиная грива* (об отсутствии волос на голове), *слышно как муха пролетит* (о шуме), *работать как лошадь* (о бездельнике) и др.

Реальная действительность может быть описана и интерпретирована средствами языка по-разному: «одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира, факт) можно назвать словом или словосочетанием, которое в зависимости от установки говорящего и его «поворота информации в нужном направлении» способно вызывать либо положительную, либо негативную ассоциацию и оценку» [Болдырев, Григорьева 2018: 17]. В зависимости от коммуникативной доминанты одно и то же выражение способно служить побуждением к совершению действия или к его прекращению. Так, английская ФЕ *to have a cow* ‘рассердиться’, употребляемая в повелительной форме – *Have a cow!*, может побуждать человека, транслируя, что он не должен бояться показать свои негативные эмоции или, напротив, служить предостережением о том, что не стоит выяснять отношения на людях. Французский фразеологизм *Une vache de belle maison!* ‘молодец’ употребляется для выражения похвалы, побуждая к продолжению действий, но может применяться и для экспликации осуждения с намерением остановить нежелательное действие.

Классифицирующий компонент интерпретирующего значения ФЕ с компонентом-зоонимом связан с функцией когнитивных доминант, определяющих место интерпретируемых фрагментов мира в концептуальной системе человека, которая в свою очередь, находится под влиянием национальной картины мира. Такая картина мира представляет собой отражение культурных знаний всего социума и, следовательно, отличается ярко выраженной национальной спецификой, которая проявляется в фразеологизмах с компонентом-зоонимом. Остановимся подробнее на этом вопросе в следующем параграфе.

3. Роль ФЕ с компонентом-зоонимом в языковой картине мира

3.1. Концептуальные основы национальной специфики интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом

Человек формирует все языковые значения, включая фразеологические, что доказывает интерпретирующий характер человеческого сознания и языковой картины мира. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом представляют собой вторичный способ интерпретации знаний об окружающей действительности и составляют неотъемлемую часть языковой картины мира. Знания народа фиксируются и хранятся, в том числе, в виде интерпретирующих значений ФЕ. «Наше сознание способно выделять и хранить в том или ином формате смыслы, имеющие отношение к определенным контекстам жизни и деятельности субъекта в рамках конкретного социума и определенной культуры, превращать их в знания, ценности, стереотипы, верования за счет их многократной и разножанровой репрезентации в языке» [Болдырев 2019б: 320].

Национальная специфика интерпретации фразеологизмов проявляется на разных уровнях: на уровне лексической и грамматической структуры ФЕ, на уровне семантики, а также на уровне оценочной концептуализации и категоризации. Рассмотрим далее некоторые примеры таких проявлений.

На уровне компонентного состава фразеологизмов о национальной специфике его значения свидетельствует неодинаковый выбор зоонима, репрезентирующего одну и ту же сущность. Несовпадение зоонимов свидетельствует о разных ассоциациях, возникающих в сознании представителей культур при взаимодействии с одинаковыми фрагментами мира. Сравним, русские фразеологизмы *белая ворона*, *паршивая овца* с их английским и французским аналогами *a black sheep* и *un mouton noir*, где субъективный фактор проявляется в различном выборе компонента-зоонима (*ворона* и *овца*), а также в несовпадении оценочных смыслов. ФЕ *a black sheep*, *un mouton noir* обладают более выраженной отрицательной оценкой, чем русский аналог, обозначая не только непохожесть человека на окружающих, но

и его своенравие. В Англии XVIII—XIX веков чёрного ягнёнка считали «помеченным дьяволом», так как люди были неспособны объяснить иначе появление такого детеныша в стаде белых овец [Sykes 1983: 11]. Из-за суеверного страха черного ягненка старались оградить от стада, отсюда значение фразеологизма несёт двоякую смысловую нагрузку: исключительность члена сообщества и нежелательность его нахождения в сообществе [ТАНДИ 1992]. Концептуальным основанием формирования интерпретирующего значения приведенных в пример фразеологизмов стал дифференциальный признак животного «нетипичный цвет», выделяющий его из общей массы и обуславливающий отрицательную оценку, так как все, что вписывается в понятия человека «редкий», «непохожий на меня», «другой» интерпретируется как «не такой как надо»/не такой, каким должен быть».

Зачастую компоненты-зоонимы, передающие сходные значения, репрезентируют фрагменты мира на разных уровнях категоризации и разных категорий одного уровня. Так, в русской культуре символом преданности и верности является собака (*собачья преданность/верность, собачий взгляд*) – базовый уровень, у англичан – спаниель (*to look at smb. with spaniel eyes*), а у французов – пудель (*être le caniche de qn, c'est un vrai caniche, fidèle comme un caniche, une fidélité de caniche*) – субординатный уровень.

Показателем национальной специфики фразеологической интерпретации является также неодинаковое количество значений полисемичных выражений. Например, рус. ФЕ *как слон в посудной лавке* имеет одно значение 'о большом и нескладном человеке, оказавшемся в тесноте, среди ломких, хрупких вещей' [Ожегов, Шведова 1992]. Английский вариант фразеологизма *a bull in a China shop* многозначен: 1) *extremely awkward, clumsy person*; 2) *to be aggressive when in fact the need of the hour is to stay calm*; 3) *to handle a delicate situation badly*; 4) *to not be able to manage a light situation*; 5) *to act in a clumsy manner thereby causing destruction unintentionally* [URL: Theidioms.com]. Французское выражение *comme un éléphant dans un magasin de porcelaine* имеет два значения: прямое 'неуклюже двигаться', отражающее физическое качество человека, и

переносное ‘лишенный деликатности’, характеризующее психическое свойство, основанное на ассоциации магазина посуды с деликатной ситуацией, требующей такта.

Как было отмечено ранее, образ одного и того же животного вызывает различные ассоциации у разных народов. Так, для русской культуры наличие дополнительной ноги у животного интерпретируется как ‘ненужное’, ‘лишнее’, ‘то, что мешает’. У француза несвойственное животному количество ног воспринимается как ‘диковинка’, ‘новинка’. Во Франции образ такого животного часто используется для реализации значения ‘оригинальная личность’. Сравним, русское выражение *как собаке пятая нога* и французский фразеологизм *un mouton à cinq/six pattes*: *И на кой мне черт вас в роту прислали? Нужны вы мне, как собаке пятая нога.* (А. И. Куприн. «Поединок»); *On bat la grosse caisse, on ressamble autour des planches tous les badauds du quartier, on leur promet monts et merveilles, et je t'en fiche, vous allez voir ce que vous allez voir, la lune dans un seau d'eau, des moutons à six pattes, rien que de l'inédit, du mirobolant, du sensationnel...* (J. Fréville. «Pain de brique»).

Культурная специфика интерпретации мира с помощью ФЕ с компонентом-зоонимом заключается в неодинаковом восприятии одного и того же животного представителями разных наций, а также в особенностях оценки интерпретируемого животного, что связано с различиями квалификативно-оценочной деятельности сознания народов. Так, во французском языке большая часть фразеологизмов с зоонимом «собака» имеет отрицательную оценку, что обусловлено тем, что во французской культуре данное животное воспринимается как агрессивное или несчастное существо. Отсюда, ФЕ *avoir un caractère de chien, une chienne de vie, n'être pas fait pour les chiens, un coup de chien, traiter comme un chien* и др. Однако в картине мира отдельных народов животное может восприниматься иначе, оцениваясь положительно (например, в Квебеке). По мнению М.М. Кривоноговой, в Квебеке, где пользуется популярностью охота, собака – это, прежде всего, спутник охотника, поэтому в

квебекской фразеологии собака предстает в более выгодном свете (*avoir une mémoire de chien, son chien est mort*) [Кривоногова 1999: 297].

Присвоение противоположных оценок качествам одного и того же животного обусловлено различиями концептуальных оснований интерпретации, связанными с разными углами зрения, под которыми рассматривается животное. Например, в русской культуре сова оценивается положительно, так как за концептуальную основу принимается мудрость птицы, выводы о которой люди сделали из выразительности ее пронзительного взгляда (например, *мудрый как сова*). В Англии, напротив, сова ассоциируется с глупостью и, следовательно, оценивается отрицательно: *as stupid as an owl, Don't be such a silly owl!*. Выводы англичан о глупости совы были сделаны на основе круглой формы глаз, создающей впечатление того, что птица всегда чему-то удивляется и ничего не понимает. Во французском языке фразеологизмы с компонентом-зоонимом *сова* также отличаются отрицательной коннотацией. Концептуальным основанием интерпретации становится независимость птицы, ее существование вне стаи, поэтому человек, живущий в одиночестве, или намеренно сторонящийся людей, во французских фразеологизмах сравнивается с совой: *demeurer/vivre en hibou, faire le hibou, c'est un hibou*.

В зависимости от источника интерпретации культурного объекта, находящегося в фокусе интерпретирующего значения, можно выделить несколько подклассов фразеологизмов с компонентом-зоонимом.

1. Фразеологизмы, связанные с историческими факторами или событиями, в которых упоминаются политические и военные события, исторические личности и т.д. Например, русское выражение *не в коня корм*, по одной из версий, произошло во времена князя Олега, конь которого погиб от голода из-за мальчика, продававшего предназначенный животному овес. Мальчик оправдывался тем, что хотел, чтобы конь был вялым и не смог погубить князя, как предсказывали волхвы. Английский фразеологизм *let sleeping dogs lie* восходит к известному британскому деятелю XVIII века

Роберту Уолполу, который часто употреблял данное выражение в процессе решения государственно важных вопросов. Французская ФЕ *c'est le chien de Jean de Nivelle* основано на историческом факте о том, что сын королевского советника отказался помочь в битве королю, и был назван за это «собакой».

Некоторые фразеологизмы-историзмы сформировались на базе исторических фраз и цитат. Например, английский фразеологизм *a hedgehog concept* происходит из метафоры Дж. Коллинза, обозначающей подход к выбору стратегии, и имеющей значение 'выбрать самое удачное долгосрочное направление деятельности и настойчиво отклонять все другие возможности'. Французское выражение *laisser pisser le mouton/mérinos* сформировалось на основе фразы Людовика XIV, адресованной придворным, пришедшим в смятение, когда породистый меринос, демонстрируемый королю, вдруг начал мочиться прямо в зале.

2. Фразеологизмы, интерпретирующая семантика которых связана с народными поверьями, заговорами и преданиями (легендами). Например, русский фразеологизм *как с гуся вода* связан с народным заговором против «худобы», который использовали при болезнях сельские знахари. Английская ФЕ *the hair of the dog* произошла из поверья о том, что для того, чтобы вылечить рану от укуса собаки нужно выпить снадобье из ее шерсти. Французский фразеологизм *reprendre du poile de la bête* 'вновь поднять голову, воспрянуть духом, оправиться от болезни' связан с поверьем о целебных свойствах шкуры недавно убитого зверя, которая могла залечить рану.

3. Фразеологизмы, связанные с нравами и обычаями народа. Например, выражения, интерпретирующие праздничные традиции, особенности быта. Так, русский фразеологизм *не все коту Масленица* связан с обычаем есть блины на Масленицу. Английское выражение *a white elephant* помимо основного значения 'дорогая, но бесполезная вещь' называет еще и организуемое англичанами мероприятие, в ходе которого люди обмениваются ненужными вещами. Французский фразеологизм *une grenouille de cave*

свидетельствует о том, что у французов было принято хранить вино в специальных погребах.

4. Фразеологизмы, возникшие из литературы, кинематографии, журналистики. Например, литературный фразеологизм *от мертвого осла уши* заимствован из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»; английское выражение *to grin like a Cheshire cat* принадлежит Л. Кэрроллу, впервые появившись в сказке «Алиса в стране чудес»; французская ФЕ *appeler un chat un chat* происходит из первой Сатиры Буало.

Таким образом, концептуальными основами национальной специфики интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом становятся культурные знания, общие для представителей одного народа. Подобные знания выступают в контексте в роли социокультурных доминант.

3.2. Социокультурные когнитивные доминанты формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом

Н.Н. Болдырев отмечает, что «любая, поступающая извне информация, должна быть структурирована, чтобы стать частью структуры сознания» [Болдырев 2019а: 299]. Структурирование становится возможным благодаря выделению когнитивных доминант, представляющих собой наиболее важную, актуальную для человека информацию. Доминантный принцип организации сознания свидетельствует о том, что языковая картина мира, являющаяся его отражением, также построена на этом принципе, определяющем направления интерпретации. Наличие национальной специфики интерпретации фразеологизмов дает основания предположить, что когнитивные доминанты выделяются не только на уровне концептуальной системы человека, но и на уровне картины мира, являясь культурным достоянием социума, что позволяет говорить о существовании социокультурных когнитивных доминант.

Источником формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом являются социокультурные знания, подвергающиеся

вторичной «обработке» посредством переинтерпретации. Н.Н. Болдырев и О.Г. Дубровская подчеркивают зависимость языковой интерпретации от контекста социокультурных знаний, которые носители языка активируют как представители социокультурных групп [Болдырев, Дубровская 2015: 15]. Активируясь в конкретной коммуникативной ситуации, социокультурные знания выступают в качестве когнитивных доминант.

Социокультурные когнитивные доминанты могут быть общими и частными. Общие социокультурные когнитивные доминанты - это национально-специфические знания, известные всем представителям определенного народа, которые связаны с его культурой и историей. В роли общих социокультурных когнитивных доминант могут выступать сведения об исторических фактах, событиях, личностях, преданиях, обычаях, традициях, а также знания, полученные из национальной кинематографии, литературы и т.д. Исходя из источника знаний можно различать следующие основные виды общих социокультурных когнитивных доминант: обыденно-бытовые, исторические, традиционные, географические, литературно-художественные, кинематографические, религиозные, гастрономические, философские, научные и др.

Обыденно-бытовые когнитивные доминанты представляют собой знания о предметах и особенностях быта, свойственных одному народу. На уровне языковой системы отсутствие таких знаний у представителей других культур проявляется в виде мотивированных лакун. Например, фразеологизм *держать в ежовых рукавицах* сформировался на основе знания о прочных рукавицах, используемых в XVIII веке русскими рабочими. Английский фразеологизм *the doggy bag* означает пакет или контейнер, выдаваемый в американских ресторанах для того, чтобы посетители имели возможность забрать домой то, что не доели. Выражение *manger avec les chevaux de bois* связано с происхождением французских каруселей: владельцы арен не могли себе позволить держать живых лошадей и заменили их деревянными

фигурками, вращающимися по кругу. Деревянные кони не нуждаются в еде, отсюда значение фразеологизма 'голодать'.

Исторические когнитивные доминанты отсылают к знаниям об известных личностях, фактах, событиях. Уникальность данных доминант обусловлена неповторимостью исторического прошлого народа. Например, русский фразеологизм *на кривой козе не подъедешь* возник на основе исторических фактов об использовании при дворе шутов, которые катались верхом на козе, чтобы развлекать господ. Английская идиома *talk turkey* произошла из фразы индейца «*Stop talking birds, let's talk turkey*», обращенной к европейцу, который нечестно разделил добычу во время охоты и пытался скрыть это. Французское выражение *les dos de homard* представляет собой историческое прозвище английских солдат короля Георга III, данное во времена Войны за независимость США из-за красного цвета военной униформы.

Традиционные когнитивные доминанты в сознании определенного народа связаны с приметами, поверьями, обычаями и традициями народа. Так, во фразеологии в качестве социокультурной доминанты может выступать знание о праздничной традиции. Например, фразеологическое название *конский праздник* сформировалось из знания о том, что Георгий Победоносец всегда изображается верхом на коне. Выражение *like turkey voting for an early Christmas* отражает обычай англичан подавать индейку к рождественскому столу, а фразеологизм *a turkey dinner* сформировался из знания о традиционном блюде на День Благодарения. Идиома *un poisson d'avril* происходит из первоапрельской традиции французских детей незаметно приклеивать на спины людей вырезанные из бумаги рыбки.

Географические когнитивные доминанты зависят от территориального места жительства народа (особенностей ландшафта, климата, длительности сезонов, флоры и фауны и т.д.). Различия подобных доминант выявляются при сравнении компонентного состава схожих по смыслу фразеологизмов в разных вариантах языка, функционирующих в неодинаковых географических условиях (см. Главу II, п. 2.2. о географической селекции).

Литературно-художественные когнитивные доминанты – это знания, относящиеся к сфере национальной литературы, живописи и др. Национальная специфика данных доминант связана с тем, что они практически не распространены за пределами картины мира одного народа. Например, для интерпретации фразеологизма *раздача слонов* из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» требуется знание контекста, доступного лишь людям, читавшим произведение. Для понимания английского выражения *going/falling down the rabbit hole* необходимо знание произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес». Понимание интерпретирующего значения французской ФЕ *un mouton de Panurge* предполагает знание содержания произведения Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Со временем литературно-художественные доминанты могут становиться известными для более широкого круга людей. Например, французское выражение, пришедшее из произведения Г. Венсана «Эрнест и Селестина» *les souris en bas, les ours en haut* приобрело значение ‘всему свое место’ и трансформировалось во фразеологизм, став популярным только после экранизации книги.

Религиозные когнитивные доминанты связаны с вероисповеданием носителей определенной культуры. Представители разных религий неодинаково относятся к одним и тем же животным, презирая одних и возводя в ранг божества других. Например, в индуизме, джайнизме, зороастризме, а ранее в Древнем Египте, Древней Греции и Древнем Риме всегда высоко ценилась корова, считавшаяся неприкосновенным животным. Отсюда происходят следующие фразеологизмы: рус. *священная корова*, англ. *a sacred cow*, фр. *une vache sacrée* (букв.: священная корова) обозначающие то, что высоко ценится, почитается.

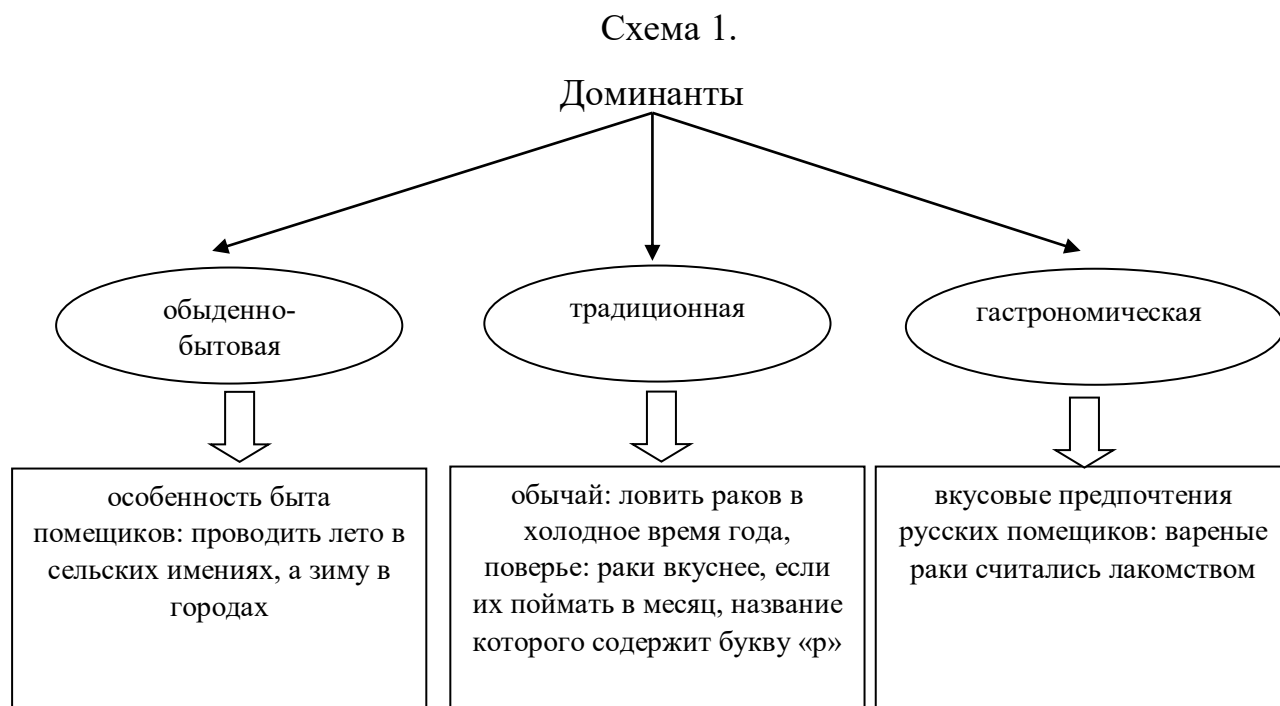
Гастрономические когнитивные доминанты представляют собой знания о блюдах и напитках национальной кухни. Так, русский фразеологизм *попал как кур во щи* сформировался на базе знания о том, что раньше щи представляли собой исключительно овощной суп, а значит и случай, когда курица оказывалась в них рассматривался как нелепый, что обуславливает

значение выражения 'неожиданно попасть в неприятную и глупую ситуацию'. Социокультурные доминанты часто имеют стереотипный характер, базируясь лишь на общем представлении о чем-либо. Например, английский фразеологизм *a frog restaurant* используется для обозначения любого ресторана с французской кухней. Несмотря на разнообразие блюд, подаваемых в подобных ресторанах, американцы предпочитают акцентировать внимание именно на лягушиных лапках, избирая их в качестве гастрономической доминанты. Французское фразеологическое название *une soupe à perroquet* 'ломтики хлеба, смоченные в вине' произошло из знания о том, что такое блюдо, употребляемое рабочими регионов Бордо, Сотерн ранним утром, делало их говорливыми, как попугаи. Данная особенность описывалась Мольером в пьесе «Le médecin malgré lui»: *Il y a dans le vin et le pain, mêlés ensemble, une vertu sympathique qui fait parler; ne voyez-vous pas bien qu'on ne donne autre chose aux perroquets, et qu'ils apprennent à parler en mangeant de cela?*

Кинематографические когнитивные доминанты связаны с известными в народе фильмами или с жанрами кино, созданными в рамках одной культуры. Так, в XX веке в кинематографии США популярным становится приключенческий жанр вестерн, описывающий жизнь Дикого Запада. Фильмы данного жанра получили фразеологическое название *horse opera/stuff*, так как главными героями являлись ковбои, передвигающиеся на конях.

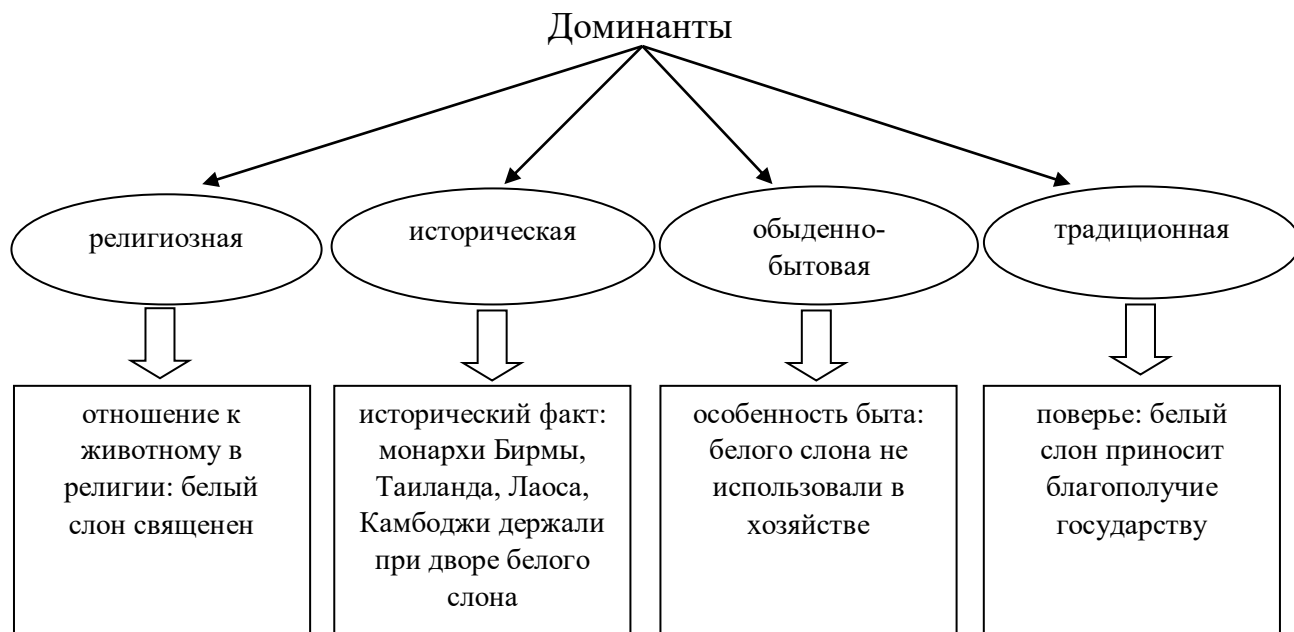
В основе формирования фразеологизма может находиться не одна, а сразу несколько социокультурных когнитивных доминант разных типов. Так, доминанты, лежащие в основе интерпретирующего значения фразеологизма *показать, где раки зимуют* отличаются разнообразием. Фразеологизм произошел из ряда знаний о жизни и обычаях помещиков, у которых было принято покидать летние имения, уезжая на зиму в города, где начинался период балов и приемов. На званых обедах одним из вкуснейших лакомств считались вареные раки, которых, по народным поверьям, нужно ловить в месяцах, в названиях которых присутствует буква «р», т.е. в наиболее холодные времена года. Помещики традиционно заставляли своих крепостных часами

находиться в ледяной воде в поисках «зимующих» раков, что обуславливает отрицательную коннотацию фразеологизма, обозначающего угрозу. Таким образом, интерпретирующее значение фразеологизма сформировалось с учетом обыденно-бытовой, традиционной и гастрономической доминант (см. Схема 1).



Английская и французская картины мира включают в себя фразеологизмы *a white elephant*, *un éléphant blanc*, происхождение которых, по одной из версий, связано с религиозными традициями индуизма или буддизма, так как за день до рождения своего сына мать Будды видела во сне белого слона. В связи с этим животное стали почитать, как священное и монархи юго-восточной Азии считали хорошим знаком иметь его при дворе, так как существовало поверье, что белый слон сулит мир и процветание государству. Содержание такого слона требовало больших затрат, однако продать или использовать его в хозяйстве считалось непозволительным, что обуславливает отрицательную коннотацию самих фразеологизмов, интерпретируемых как ‘ценное, но обременительное имущество’. Следовательно, интерпретирующее значение фразеологизма формируется на основе религиозной, исторической, обыденно-бытовой и традиционной доминанты (см. Схему 2).

Схема 2.



Частные социокультурные когнитивные доминанты выступают в качестве фокусных знаний при интерпретации фрагментов мира, с которыми наиболее часто взаимодействуют члены отдельных социальных групп одного народа. Основаниями формирования таких социальных групп может служить общность рода деятельности, мировоззренческих взглядов и культурных предпочтений, места проживания, возраста, что позволяет выделить следующие виды частных социокультурных когнитивных доминант: профессиональные, мировоззренческие (субкультурные), территориальные, возрастные.

Профессиональные когнитивные доминанты — это узкоспециализированные знания, используемые представителями определенной профессии. Из-за наличия множества сфер деятельности профессиональные доминанты отличаются широким разнообразием (например, спортивные, медицинские, политические, театральные, студенческие и т.д.). У представителей определенных профессий будут присутствовать концептуальные элементы, которых нет у людей далеких от их сфер деятельности. Например, языковая картина мира врача-ортопеда содержит фразеологизм *куриная грудь* ‘грудь при кифозе/лордозе/сколиозе’, строителя *to*

build a wall frog up ‘класть стену из кирпичей рифлями вниз’, моряка фр. *un grand perroquet* ‘грот брамсель’ и т.д.

Мировоззренческие (субкультурные) когнитивные доминанты определяют языковое поведение представителей субкультур. В роли таких доминант выступают, как правило, фрагменты мира, считающиеся «модными» в конкретном социальном сообществе. Так, у сторонников современной молодежной субкультуры «Ванильки», в которую преимущественно входят девушки от 16 до 20 лет, языковой интерпретации подвергаются такие концепты, как ТРАГИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ, ОДИНОЧЕСТВО, РОМАНТИКА, МЕЧТА и др. Представители субкультуры воркаутеров (уличных спортсменов) интерпретируют, прежде всего, концепты, связанные со здоровым образом жизни: ГИМНАСТИКА, СПОРТИВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ, РАЗМИНКА, ДИЕТА и т.д.

Территориальные когнитивные доминанты встречаются у жителей отдельных, деревень, сел, городов или регионов. Подобные доминанты формируются из-за особенностей быта, ландшафта, истории, поверий и обычаев жителей населенного пункта и отсутствуют у людей, проживающих на других территориях страны. В отличие от общих географических доминант территориальные знания носят узкий, локальный характер и недоступны широкому кругу людей одной народности. Например, в зависимости от области России значение ‘бездельничать’ реализуется фразеологизмом *слушать шмелей* или ФЕ *снегирей ловить* (Воронежский говор).

Возрастные когнитивные доминанты специфичны у представителей разных возрастных поколений одного народа и зависят от того, что со временем у людей изменяется сфера интересов. У пожилого человека ключевыми становятся концепты ЗДОРОВЬЕ, ПЕНСИЯ, ЛЕКАРСТВА, ВНУКИ (например, фразеологические характеристики здоровья: рус. *перед глазами мухи ходят* ‘об ощущении, движущихся точек перед глазами’, фр. *avoir la santé du crocheteur* ‘иметь крепкое здоровье’). Детские когнитивные доминанты направлены на сферу развлечений, участвуя в интерпретации игр, игрушек, аттракционов,

мультфильмов и т.д. (например, англ. *ducks and drakes* ‘игра с бросанием камешков так, чтобы они прыгали по поверхности воды’). При этом выделяются не только общие для всех детей мира реалии, но и национально-специфические.

Частные социокультурные когнитивные доминанты не только являются частью общих доминант, но и находятся в зависимости от них, формируясь на базе знаний общенародного характера. Так, русское выражение *водить/вести медведя* ‘ходить шумной толпой, отмечая свадьбу’ используется жителями деревень Донской области. Выражение произошло из знания о славянском обряде вождения медведя на ярмарках или во время колядок, сопровождаемого большим количеством людей, желающих посмотреть на животное, и принять участие в общем веселье. Таким образом, частная доминанта возникла на базе общей традиционной доминанты. Английский фразеологизм *a cock of the school* ‘первый драчун в школе’ требует знания частной доминанты, так как относится к школьному жаргону. Однако частная социокультурная когнитивная доминанта сформировалась на базе общей: на базе знания о том, что петухи отличаются задиристым нравом и участвуют в петушиных боях. Французская ФЕ *les poules de classement* ‘отборочные соревнования’ предполагает знание спортивной частной доминанты, которая, в свою очередь, основана на общем знании о том, что традиционно принято классифицировать кур на европейские и азиатские породы.

Факт образования интерпретирующих значений путем взаимодействия нескольких социокультурных когнитивных доминант свидетельствует о когнитивно-матричной основе формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Чем больше этапов интерпретации предшествует формированию интерпретирующего значения ФЕ, тем разнообразнее социокультурные когнитивные доминанты, лежащие в их основе. Таким образом, понимание производного значения фразеологизма требует наличия широкого кругозора у интерпретатора, предполагающего знания истории, религии и культуры носителей языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Анализ фактического материала показал, что интерпретирующие значения фразеологических единиц формируются на основе концептуальных связей между областью ЖИВОТНЫЙ МИР и следующими областями: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ.

2. Результаты исследования свидетельствуют о том, что концептуальными основаниями формирования интерпретирующих значений с компонентом-зоонимом являются знания разнообразных форматов, определяемые посредством выявления путей получения информации. Проведенный анализ показал, что при образовании интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом задействованы знания всех форматов: формата перцепции, формата функции, формата экспериенциальных эффектов, формата операционального опыта, формата наблюдения и ассоциативного формата. Исследование фактического материала подтверждает, что перцепция является основой получения знаний всех остальных форматов и может рассматриваться как универсальный базовый формат.

3. В ходе исследования было выявлено, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом способны реализовывать три основные функции интерпретации: селекции, классификации и оценки. Таким образом, интерпретирующие значения фразеологизмов могут быть трех основных типов: селективные, классифицирующие и оценочные. Селективный тип указывает на принадлежность фразеологизма к конкретному языковому стилю, определяя тем самым сферу его применения и социальные группы, в которых он употребляется. Классифицирующий тип распределяет интерпретируемые объекты по соответствующим категориям и концептуально-тематическим областям, определяя направление интерпретации. В зависимости от отсутствия/присутствия оценочного компонента в их интерпретирующих значениях фразеологизмы с компонентом-зоонимом делятся на оценочные и

нейтральные. Оценочные ФЕ, в свою очередь, могут быть положительными или отрицательными. Зависимость оценочных значений от контекста требует определения когнитивных доминант, лежащих в основе их формирования, для точной интерпретации смысла. При замене одной доминанты на другую исходная оценка фразеологизма может меняться на диаметрально противоположную.

4. Формирование интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом осуществляется посредством когнитивных механизмов профилирования, концептуальной метафоры, сравнения (анalogии), метонимии и метафтонимии. Выбор интерпретируемого признака осуществляется путем профилирования, которое сопряжено с другими когнитивными механизмами. Метафорический механизм связан с обнаружением общности признаков интерпретирующего и интерпретируемого объектов (например, с аналогией размера: рус. *свинячий подставок* 'о человеке маленького роста'). Концептуальное сравнение акцентирует сходство или тождество признаков сопоставляемых объектов (например, при сравнении количества животных с количеством людей: англ. *to die/drop like flies*). Интерпретирующие значения ФЕ могут образовываться с помощью метонимического механизма на основе онтологической смежности (например, на основе причинно-следственной связи: фр. *c'est à cause des mouches*). Интерпретирующие значения ФЕ, сформированные посредством метафтонимического механизма, одновременно совмещают в себе элементы метафоры и метафтонимии (так, фр. *pas la queue d'un chat* базируется на аналогии отсутствия людей и животного и в то же время на замещении животного частью его тела).

К языковым механизмам формирования интерпретирующих значений относятся вторичная номинация, семантическая деривация, сочетание зоонима с лексемой, не связанной с лексической категорией «Животные», функционирование зоонима в качестве определения. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом представляют собой средства вторичной номинации, так как они образуются на базе уже существующих и вербализованных знаний

(например, рус. *львиное сердце* ‘храбрость’). Семантическая деривация зоонима расширяет возможности его включения в состав фразеологизмов (в частности, реализация зоонимом *pig* переносного значения ‘a greedy, dirty, or unpleasant person’ позволяет ему участвовать в ФЕ: *What a pig!, a greedy pig*). Зооним в составе фразеологизма способен сочетаться с несвойственной для его лексической категории единицей (например, фр. *une vache à roulette* – букв.: корова на коньках). Зооним может выполнять функцию определения (так, в рус. ФЕ *лебединая песня* зооним характеризует произведение автора, акцентируя внимание на том, что оно последнее в его творчестве).

5. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом играют важную роль в формировании языковой картины мира за счет реализации интерпретирующей функции, которая предполагает использование уже имеющихся у народа знаний для производства новых. ФЕ интерпретируют фрагменты мира, пропущенные сквозь «призму культуры», отражая особенности мировидения и мировосприятия народа, и, следовательно, обладают выраженной национальной спецификой. Проведенный анализ показал, что национальная специфика проявляется в выборе компонента-зоонима, который раскрывает отношение народа к конкретному животному и указывает на ассоциации, вызываемые им; в количестве и оттенках значений полисемичных ФЕ.

6. Языковой антропоцентризм обуславливает выделение знаний доминантного характера в языковой картине мира – когнитивных доминант, в качестве которых выступают наиболее значимые для людей концептуальные элементы. Когнитивные доминанты, на которые ориентируется человек, представляют собой фокусные знания при интерпретации объектов и признаков объектов. В результате исследования выявлены концептуальные, категориальные, концептуально-тематические, оценочные, стандартизирующие и коммуникативные когнитивные доминанты, определяющие формирование соответствующих интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом.

7. Национальная специфика интерпретации определяется социокультурными когнитивными доминантами, представляющими собой

культурно-значимые для народа знания. В зависимости от источника социокультурных знаний были выделены обыденно-бытовые, исторические, традиционные, географические, литературно-художественные, кинематографические, религиозные, гастрономические и другие когнитивные доминанты. Выявленные виды когнитивных доминант считаются общими, так как они разделяются всеми представителями народа. В то же время в рамках одного народа формируются отдельные социокультурные группы, что обуславливает выделение частных социокультурных когнитивных доминант (профессиональных, мировоззренческих, территориальных, возрастных). Анализ фактического материала свидетельствует о том, что частные когнитивные доминанты формируются на базе общих социокультурных знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило основные положения выдвинутой гипотезы о том, что интерпретирующая деятельность человеческого сознания отражается в языковой картине мира в форме репрезентирующих и интерпретирующих элементов. Формируясь посредством переосмысления уже существующих в языке знаний о мире, фразеологизмы с компонентом-зоонимом относятся ко второму типу элементов, что обуславливает особенность их интерпретирующей функции: фиксацию в языковой картине мира не только опыта взаимодействия человека с теми или иными сущностями, но и его отношения к результатам такого взаимодействия.

В качестве концептуальной основы формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом выступают знания области ЖИВОТНЫЙ МИР и других областей, позволяющие обнаруживать аналогию между признаками входящих в них объектов. При выявлении такой аналогии человек проецирует признаки животных (особенности внешности, характера, поведения, питания и т.д.) на признаки других объектов. Иными словами, устанавливает концептуальные связи, позволяющие интерпретировать одни объекты сквозь призму других.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом, передавая признаки концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР, используются для интерпретации объектов следующих областей: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ.

Наиболее интерпретируемой посредством ФЕ с компонентом-зоонимом областью является концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК. Интерпретация охватывает все сферы человеческого опыта: психические, физические, физиологические характеристики, социализацию, события, формы перцепции. Интерпретируемые признаки относятся к разным форматам знаний, а именно: перцепции (рус. *свинье в подружки годится*, англ. *to snore like a pig*

in the sun, фр. *laid comme un crapaud*), функции (рус. *рабочая лошадка*, англ. *a willing horse*, фр. *travailler comme un cheval*), наблюдения (рус. *ходить петухом*, англ. *a cock of the walk*, фр. *un veau morné*), экспериенциальных эффектов (рус. *ловить окуней*, англ. *fight like Kilkenny cats*, фр. *retourner comme un chien à son vomissement*), операционального опыта (рус. *служить подопытным кроликом*, англ. *serve as a guinea pig*, фр. *traiter comme un chien*), ассоциативного знания (рус. *звонить ежику*, англ. *(as) drunk as a skunk*, фр. *garder la lune des chien*).

Интерпретация объектов области АРТЕФАКТ осуществляется на основании внешнего сходства формы, размера, цвета артефакта и животного или функции, реализация которой связана с особенностями физиологии последнего: с производством молока – у коровы, с силой и выносливостью – у лошади и т.п. Таким образом, ведущими признаками интерпретации становятся знания форматов перцепции (рус. *поросичий хвостик*, англ. *a pony glass*, фр. *un pied de cochon*), наблюдения (рус. *кошачий городок*, англ. *a duck cloth*, фр. *un nid d'aigle*), функции (рус. *цыплячья каша*, англ. *a cow with the iron tail*, фр. *une vache à eau*), операционального формата (рус. *железный конь*, англ. *a sitting duck*, фр. *une 5-chevaux*), экспериенциальных эффектов (англ. *a hair of the dog*, фр. *un bec papillon*) и ассоциативного формата (рус. *собака седая*, англ. *a water monkey*, фр. *un lait de la vache noire*).

Объекты и явления неживой природы интерпретируются на основании внешнего сходства размера и формы животного с интерпретируемой сущностью, т.е. на основе знания зрительной перцепции или на базе звуковой аналогии посредством слуховой перцепции (рус. *белые мухи*, фр. *un tambour des escargots*). Концептуальной основой интерпретации могут служить также знания формата наблюдения за поведением животного при определенной погоде (рус. *козья трона*, англ. *a cow trail*, фр. *un plancher des vaches*), экспериенциальных эффектов о воздействии погоды на животных (рус. *волки мерзнут*, фр. *un froid de loup*), операционального опыта о манипуляциях человека с животным при определенных погодных условиях (рус. *собачий холод*, англ. *a three-dog night*, фр. *il fait le vent à décorner les boeufs*), а также

знание ассоциативного формата, основанное на впечатлении, вызываемом у человека тем или иным животным (рус. *черный дракон*).

При интерпретации объектов области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР концептуальным основанием служит внешнее и функциональное сходство животного и растения, реже – воздействие растения на животное. Чаще всего в роли концептуальной основы выступают знания формата зрительной перцепции о цвете, форме, размере и текстуре объектов (рус. *конский зуб*, англ. *a flamingo flower*, фр. *des bois de cerf*). Функциональная интерпретация возможна при выявлении у растения признака, свойственного физиологии животного (рус. *кошачий коготь*, англ. *a cat's claw*, фр. *une griffe de chat*). Знания формата наблюдения и экспериенциальных эффектов характеризуют растение с позиции воздействия, оказываемого им на животное, (например, рус. *кошачья мята*, англ. *a fly agaric*, фр. *une menthe à chat*).

Концептуально-тематическая область АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ представлена разнообразными сущностями, что объясняет вовлечение знаний всех форматов в процесс ее интерпретации: перцепции (рус. *визжать как свинья*, англ. *red as a lobster*, фр. *crier comme un putois*), наблюдения (рус. *котом кататься*, англ. *like a bat out of the hell*, фр. *faire l'ours en cage*), функции (рус. *трудиться как пчелка*, англ. *to work like a beaver*, фр. *travailler comme un cheval*), экспериенциальных эффектов (рус. *волк ел*, англ. *(as) cross as a bear*, фр. *avoir les abeilles*), операционального опыта (рус. *действует как красная тряпка на быка*, англ. *no room to swing a cat*, фр. *n'être pas bon à jeter aux chiens*), ассоциативного формата (рус. *когда сорока побелеет*, англ. *wild horses couldn't drag smb.*, фр. *une plume de l'oiseau*).

Формирование интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом осуществляется посредством когнитивных и языковых механизмов. Когнитивные механизмы обеспечивают фразеологическую образность, за счет которой фразеологизмы функционируют как единицы с высокой степенью экспрессии. К когнитивным механизмам относятся: профилирование, концептуальная метафора, сравнение (аналогия), метонимия, метафтонимия.

Языковые механизмы представлены семантической деривацией, вторичной номинацией, сочетаемостью зоонимов с лексикой, не связанной с обозначением животных, а также выполнением зоонимом функции определения.

Многообразие межконцептуальных связей обуславливает разноплановость когнитивных моделей, составляющих основу формирования интерпретирующих значений ФЕ с компонентом-зоонимом и их типологию. Метафорические и компаративные модели основаны на интерпретации физического, физиологического, анатомического, психического, социального признаков объектов соответствующих областей (например, рус. *черный лебедь* АБСТРАКТНОЕ (непредсказуемое событие) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (нетипичный цвет птицы)). Метонимический механизм реализуется посредством моделей, базирующихся на онтологических отношениях часть – целое, действие – цель, причина – следствие (например, англ. *eat one's mutton with smb.* – ЧАСТЬ (съесть конкретное блюдо) – ЦЕЛОЕ (съесть обед)). Концептуальная метафтонимия сочетает метафорическую и метонимическую модели: например, фр. *avoir joué avec le chat* – ФИЗИЧЕСКОЕ (повреждения на коже человека) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (способность кошки царапаться), ПРИЧИНА (человек играл с кошкой) – СЛЕДСТВИЕ (человек получил травму: царапины).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом реализуют такие функции интерпретации, как селекция, классификация и оценка, что позволило выделить три соответствующих типа фразеологического интерпретирующего значения: селективное, классифицирующее и оценочное. Селективный тип содержит сведения о самом интерпретаторе (о его социальном статусе, уровне воспитания и т.д.): например, рус. *иметь с низов/с верхов 'кошелек в брючном/верхнем кармане'* (воровской мир), англ. *a dead bird* 'неисправная космическая ракета' (космическая авиация), фр. *un poids coq* 'легчайший вес' (бойцовский спорт). Классифицирующий тип определяет содержательный статус ФЕ, относя ее к конкретной категории или области интерпретируемого объекта. Оценочный тип интерпретирующего значения отражает отношение говорящего к интерпретируемой сущности (отрицательная оценка – рус.

смотреть волком, англ. *a cow of a job*, фр. *ingrat comme un chat*; положительная оценка – рус. *щенячий восторг*, англ. *a cat's pajamas*, фр. *avoir du chien*).

За счет реализации интерпретирующей функции ФЕ с компонентом-зоонимом участвуют в формировании языковой картины мира, отражая знания о наиболее важных и значимых для языкового коллектива сущностях. Избирательный характер репрезентации знаний в языковой картине мира свидетельствует о доминантном принципе ее организации, который заключается в том, что доминантные для представителей определенного народа обыденно-бытовые, исторические, традиционные, географические, литературно-художественные, религиозные, гастрономические, кинематографические знания выступают в качестве ориентиров в дальнейшей интерпретации окружающей действительности.

Перспективным представляется исследование интерпретирующей функции на материале фразеологизмов с другими компонентами, а также дальнейшее рассмотрение проявлений национально-культурной специфики интерпретации в языковой картине мира.

Список использованной научной литературы

1. Абакумова О.Б. Семантика отыменного глагола: на материале глагольных производных от названий животных в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Абакумова Ольга Борисовна. – Орел, 1994. – 174 с.
2. Адлер М. Аристотель для всех. Сложные философские идеи простыми словами / Пер. с англ. Е. Ивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 240 с.
3. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 84.
4. Алексикова Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алексикова Юлия Владимировна. – Тамбов, 2010. – 161 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: Сб. научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 21–27.
6. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 399 с.
7. Амосова Н.Н. Лексикология английского языка. – Л.: Учпедгиз, 1955.
8. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1963.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
10. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
11. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4-х т. Т.4 / Общ. ред. А.И. Доватура; пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской. – М.: Мысль, 1984. – С. 54–294.
12. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

13. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.
14. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
16. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
17. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Уральский ун-т, 1989.
18. Бабенко Л.Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии: Словари / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Азбуковник, 2017. – 1020 с.
19. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 264 с.
20. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 86–91.
21. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: колл. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та 2009. – С. 128–149.
22. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л: Наука, Ленингр. отд-е, 1970. – 263 с.
23. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография: 1977. – Л.: Академия наук СССР. – 1979.
24. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.

25. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001а. – 86 с.
26. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001б. – С. 52–57.
27. Бабушкин А.П., Дзюба Е.В. Модели структурной организации артефактных категорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – №1. – С. 5– 2.
28. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
29. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
30. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82– 55.
31. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
32. Беритов И.В. О физиологических механизмах поведения высших животных // Изв. АН СССР. Сер. биол. наук. 1957. – № 2.
33. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сборник науч. трудов, посвящ. Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН; ВГУ, 2002. – С. 103–114.
34. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – № 2. – С. 5–22.
35. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив.

моног. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009а. – С. 25–77.

36. Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009б. – С. 91–103.

37. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 45–59.

38. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник ЧелГУ. – 2011а. – № 33. – Вып. 60. – С. 11–16.

39. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011б. – № 1. – С. 5–14.

40. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 118–122.

41. Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. – 2016а. – Вып. XXVI. – С. 33–37.

42. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016б. – 251 с.

43. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019а. – 480 с.

44. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. – 2019б. – Вып. XXXVII. – С. 37–44.

45. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019в. – С. 29–39.
46. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 5–11.
47. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5–12.
48. Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Интерпретирующий подход к изучению дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XX. – С. 30–38.
49. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.
50. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М.: Наука, 1983.
51. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Метафора «интернет = водное пространство» в печатных СМИ (на основе контент-анализа ресурсов национального корпуса русского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 13–20.
52. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
53. Ван Несс С.Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований // Вестник ЮУрГУ. – 2018. – № 16. – С. 74–77.
54. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М: Высшая школа, 1990. – 176 с.
55. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. – 413 с.

56. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
57. Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с.
58. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
59. Вознесенская М.М. Блоха в кармане да вошь на аркане (о насекомых в русской фразеологии) // Русская речь. – 2013. – № 6. – С. 97–104.
60. Вольф Е.М. Грамматика и семантика романских языков: К проблеме универсалий. – М., 1978.
61. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 2002. – 280 с.
62. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965.
63. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
64. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. – 1997. – Серия 9. Филология. – № 3. – С. 87–95.
65. Гак В.Г. Меронимические фразеологизмы // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–265.
66. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 томах. – М.: Мысль, 1991.
67. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – 3-е изд., исправ. – М.: ИЦ «Академия», 2006. – 300 с.
68. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт, пер. с нем.; сост. общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

69. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 320 с.
70. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и методика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
71. Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. – М.: Издательство Московского университета, 1985. – 76 с.
72. Демьянков В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи // Текст: Структура и анализ. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1989. – С. 41–46.
73. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
74. Дзюба Е.В. Отражение процесса категоризации в русских загадках // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 123–126.
75. Дзюба Е.В. Когнитивные механизмы кодирования в русских загадках о животных // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 201–204.
76. Дзюба Е.В., Чудинов А.П. Типы лингвокогнитивной категоризации в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXIV. – С. 238–248.
77. Добровольский Д.О. Типология идиом. Фразеография в машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990.
78. Дэнги А. Фразеологизмы с анималистическим компонентом в русском языке: с позиции носителя венгерского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дэнги Анита. – Москва, 2002. – 187 с.
79. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М.: МГУ, 1961.
80. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

81. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989.
82. Зализняк А.А. Языковая картина мира // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krugosvet.ru/>
83. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период). – М.: Наука, 1965.
84. Ильенко С.Г. Русистика: избранные труды. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 674 с.
85. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
86. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
87. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд.-е 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
88. Кибрик А.А. Языковая картина мира // Энциклопедия Кругосвет. – М., 2002.
89. Клепикова Т.А. Стереотипы в сознании и стереотипы в языке: что первично? // Когнитивные исследования. – 2015. – Вып. XXI. – С. 156–160.
90. Клепикова Т.А. Метарепрезентационный механизм конструкций оценочной семантики // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты: материалы Международной научной конференции. – СПб.: Издательство политех. ун-та, 2015. – С. 105–107.
91. Ковшова М.Л. О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М., 2007. – С. 224–232.
92. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
93. Ковшова М.Л. Проблема семантической неопределенности пространства фразеологизмов в лингвокультурологическом освещении //

Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009а. – № 2. – С. 95–101.

94. Ковшова М.Л. «Растительная» метафора во фразеологии (лингвокультурологический аспект) // Научный альманах Традиционная культура. – 2009б. – № 3. – С. 68–72.

95. Ковшова М.Л. Интерпретация языка и культуры «в действии»: культурная интерпретация фразеологизмов: Материалы международной научной конференции: «Живодействующая связь языка и культуры», посвящ. юбилею В.Н. Телия. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. – С. 27–33.

96. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 453 с.

97. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: Учебное пособие. – М.: Флинта – Наука, 2012. – 181 с.

98. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

99. Колесов В.В. Концепты «природа», «родина», «народ» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 12–23.

100. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. – М.: ЧеРо, 2005. – 336 с.

101. Кривоногова М.М. Национальное своеобразие ФЕ различных вариантов одного языка (на примере французского языка в Квебеке и Франции) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 294–299.

102. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. – М., 1982.

103. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

104. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.

105. Кубрякова Е.С. От концептуальной структуры – к семантике языкового знака // От слова к тексту: Материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 13–14 ноября 2000 г.: в 3 ч. / Отв. редактор Н.П. Баранова. – Мн.: МГЛУ, 2000. – Ч. 1. – С. 33–35.

106. Кубрякова Е. С. Размышление о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1(7). – С. 28–34.

107. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. литературы и языка. – 2004. – № 3. – Т. 63. – С. 3–2.

108. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

109. Кузнецов В.Г. Лексические средства формирования языковой картины мира французского языка: Материалы международной научно-практической конференции «Романистика в эпоху полилингвизма». – М.: МГЛУ, 2017. – С. 291–297.

110. Кузнецов В.Г. Вариативность общего и конкретного как фактор формирования языковой картины мира // Вариативность и вариантность в германских и романских языках: типологические, региональные и социальные измерения: Коллективная монография. – М.: МГЛУ, 2018. – С. 143–169.

111. Кузнецов В.Г. Формирование вторичной языковой картины мира как способ преодоления интерференции: Сборник материалов II международной научной-практической конференции. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2019а. – С. 141–150.

112. Кузнецов В.Г. Произвольность и мотивированность языкового знака: семиологический и лингвистический аспекты. – М.: МГЛУ, 2019б.

113. Кузнецов В.Г. Метафоризация гипонимов (на материале французского и английского языков): Материалы международной научной онлайн-конференции / отв. ред. И.В. Скуратов. – М.: Московский государственный областной университет, 2020а. – С. 57–60.

114. Кузнецов В.Г. Роль гиперо-гипонимических отношений в категоризации и структуризации языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. – 2020б. – № 3 (42). – С. 65–69.

115. Кузьмина Е.А. Понятие нормы как основы оценочной категоризации (в аспекте исследования эволюции структур этнокультурного сознания) // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов Издательский дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2012. – С. 326–344.

116. Кумлева Т.М. Самая современная фразеология французского языка. – М.: АСТ, Астрель. 2011.

117. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.

118. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высшая школа, 1970.

119. Кучуради И. Оценка, ценности и литература // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 68–79.

120. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350–368.

121. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–21.

122. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

123. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов). В кн.: Учен. зап. / Ленингр. ун-т. – 1956. – № 198. – Сер. филол. наук. Вып. 24. – С. 200–224.

124. Левицкий А.Э. Перспективные направления исследований в сфере межкультурной коммуникации // Вестник Московской международной академии. – 2016. – № 1. – С. 74–81.

125. Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Социальное пространство английских и русских сказок: сопоставительный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 552–557.

126. Лескина С.В. Виды фразеологической полисемии и способы ее проявления в компаративной лингвистике (на примере русского и английского языков) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – №1. – Т.10. – С. 68–71.

127. Лихачев Д.С. Заметка о русском. – М.: Сов. Россия, 1981.

128. Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 532 с.

129. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

130. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

131. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3-1. – С. 149–151.

132. Маслова Ж.Н. Художественная интерпретация и репрезентация табуированного знания в поэтическом тексте // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXV. – С. 731–738.

133. Маслова Ж.Н., Попова Е.А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VII Междунар. конф. 25–27 февраля 2015 г. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – С. 80–84.

134. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. – Ярославль: Яросл. гос. пед. инст-т, 1979. – 79 с.

135. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей. Смысл ⇔ Текст. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
136. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
137. Мокиенко В.М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии. *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków.* (redakcja naukowa: W. Chlebda), Uniwersytet Opolski, Opole, 2007. – С. 49–65.
138. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры. 1999. – С. 80–85.
139. Молчанова Г.Г. Когнитивно-коммуникативные механизмы организации пространства английского урбанонима // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXIX. – С. 140–148.
140. Молчанова Г.Г. Метафорическая экспансия как скрытый код текста // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXV. – С. 232–241.
141. Морозова В.С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 300–304.
142. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа. 1987. – С. 287.
143. Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Основы теории коммуникации. учеб. пособие. – М.: Флинта, 2013. – 153 с.
144. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд. доп. и испр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
145. Никитина Т.П. Об одной из причин исчезновения образных ФЕ во французском языке // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 289–293.
146. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. – Вып. 2. – М.: АН СССР, 1957. – С. 31–53.

147. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
148. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: Дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014а.
149. Панасенко Л.А. Типология признаков интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014б. – № 3. – С. 31–36.
150. Позднякова Е.М. Мотивация как основа формирования и накопления знаний. – Тамбов: Издательство «Грамота», 2009.
151. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
152. Пирс Ч.С. Принципы философии. Т.2. / Ч.С. Пирс, перев. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: С.-Петербург. философ. общ-во, 2001. – 320 с.
153. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
154. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 101 с.
155. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд: Издательство Самаркандского ун-та, 1977. – 119 с.
156. Ройзензон Л.И. Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии. – 1972. – №1. Вып. 234. – С. 12–19.
157. Сааринен Э. Квантификация: проблемы личных и безличных модальностей. Интенциональные логики и логический анализ естественных языков. – М.: 1979.

158. Сандомирская И. Фразеология как свидетельство идентичности // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры. 1999. – С. 121–131.
159. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.
160. Сидоренко М.И. К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М., Л.: Наука, 1964. – С. 67–84.
161. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: Учебн. пособие к спецкурсу. – Л.: ЛГПИ, 1982. – 108 с.
162. Смирницкий А.И. Объективность существования языка: Материалы к курсам языкознания. – М.: МГУ, 1954. – 32 с.
163. Соколова Г.Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инст-та, 1981. – С. 54–80.
164. Соколова Г.Г. Состав компонентов фразеологических единиц французского языка. – Л.: Наука, 1984. – 56 с.
165. Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке. – М.: Высшая школа, 1987. – 144 с.
166. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. – М.: гос. издательство полит. лит-ры, 1957. – 728 с.
167. Степанов Ю.С. Семиотика: анталогия / Ю.С. Степанов. Изд-е 2-ое испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
168. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1985. – 232 с.

169. Стернин И.А. Структурная семасиология, оценка и эмоция // Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. тр. к юбилею Виктора Ивановича Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – С. 43–50.

170. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры. 1999. – С. 34–37.

171. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.

172. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

173. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

174. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к пониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 302–314.

175. Телия В.Н. Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка / Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристов, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.: под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – С. 10–16.

176. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

177. Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1983. – 232 с.

178. Феоктистова А.Б. Внутренняя форма идиом с позиций когнитологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры. 1999. – С. 174–179.

179. Фессалоницкий С.А. Обогащение фразеологического состава русского языка в советскую эпоху // Учен. зап. Владимир, пед. ин-та, 1958. – С. 96–104.
180. Харитончик З.Д. Лексикология английского языка. – Минск: Высшая школа, 1992.
181. Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. – М.: Международные отношения, 1977. – 165 с.
182. Черемисина М.И., Захарова А.В. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. – Новосибирск: изд-во НГУ, 1973. – С. 69–73.
183. Черная А.И. Некоторые особенности формирования семантических фразеологических единиц: Сборник научных статей. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1983. – С. 185–190.
184. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
185. Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / РАН: Инст-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 497–515.
186. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
187. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
188. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 254 с.
189. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современной политической метафорологии // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 142–145.

190. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е., изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
191. Шарандин А.Л. Оппозитивные отношения в системе знания // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 75–89.
192. Шарандин А.Л. Типология категоризации // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. – М.–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 245–256.
193. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С. 97–103.
194. Щербак А.С. Способы репрезентации антропонимического концепта // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVII. – С. 459–463.
195. Шкатова В.В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – №1. Т. 7. – С. 208–215.
196. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63–75.
197. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.
198. Якобсон П.М. Психология чувств. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958. – 381 с.
199. Яценко Л.В. Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: Материалы симпозиума. Тезисы докладов и сообщений. Обнинск 9–11 июня 1983 г. – М.; Обнинск, 1983.
200. Barsalou L.W. Abstraction as Dynamic Interpretation in Perceptual Symbol sociates, 2005. – P. 389–431.

201. Barsalou L.W. The Human Conceptual System // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 239–258.
202. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. – Berlin, 1998.
203. Cryer M. Who Said That First? The Curious Origins of Common Words and Phrases, Read how you want: you customized book source, 2010.
204. Deese J. The structure of associations in language and thought. – Baltimore, 1965.
205. Dijk T.A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
206. Ferreira A.J. The Pregnant Woman's Emotional Attitude and its Reflection on the newborn / American J.of Orthopsyhiatry. – 1960. – V. 30. – P. 553–556.
207. Gibbs R.W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics. 1–4. – 1990. – P. 417–451.
208. Goossens L. Patterns of meaning extension, «parallel chaining», subjectification, and modal shifts / L. Goossens // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.
209. Howard M. Traditional Folk Remedies. – Century, 1987. – 133 p.
210. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1987. – 607 p.
211. Langacker R.W. Reference-Point Constructions / Cognitive Linguistics. – 1993. – Vol. 4. – No 1. – P. 1–38.
212. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
213. Lippmann W. Public Opinion. – New York, 1922.
214. Makkai A. Idiomaticity as a language universal // J.N. Greenberg (ed.) Universals of human language. – Stanford, 1978. – p. 401–448.

215. Perry D.L. What things can be evaluated // J. of philosophy. – 1964. – Vol. 61. – №6.
216. Sapir 1944/1985 – E. Sapir. Grading, a Study in Semantics // Philosophy of science. – 1944. – Vol. 11. – No 2. – Русск. пер.: Э. Сэпир. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985.
217. Stubb E. Wilhelm Von Humboldt's Philosophy of Language, Its Sources and Influence. Edwin Mellen Press, 2002. – 124 p.
218. Sykes, Christopher Simon. Black Sheep. – New York: Viking Press, 1983.
219. Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences // Universals in Human Language. – Vol. IV: Syntax. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 625–649.
220. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics // Concept Structuring System. – Vol. I. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2000. – 565 p.
221. Taylor J.R. Prototypes in Linguistic Theory. 2nd edition. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 312 p.
222. Wierzbicka A. Ethno-syntax and the philosophy of grammar. - Stud. Lang., 1979, vol. 3. – №3.
223. Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.
224. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor: Karoma, 1985. – 368 p.
225. Wright, G.H. von. The Varieties of Goodness. – N.Y.; London. 1963. – 164 p.

Список использованных словарей

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1996.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. редактор С.А. Кузнецов. 1-е изд-е. – СПб.: Норинт, 1998.
3. БФС – Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2006.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: РИПОЛ, классик, 2006.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
6. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азъ», 1992.
8. СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Н.Г. Комлева. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
9. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань, 2010.
10. СФС – Современный философский словарь / под ред. Кемерова. – Лондон: Панпринт, 1998. – 1064 с.
11. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).
12. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
13. CD – Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
14. DA – Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru>, <https://dic.academic.eng>, <https://dic.academic.fr>

15. DL – Dictionnaire littré. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.littre.org/definition/oie>
16. LR – LaRousse [Электронный ресурс]. – URL: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr>
17. ODI – Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. – Oxford University Press, 2004. – 340 p.
18. OED – Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>
19. Random House Kernerman Webster's College Dictionary. Dictionaries Ltd. Copyright 2005, 1997, 1991 by Random House.
20. RHKWCD – Random House Kernerman Webster's College Dictionary. Dictionaries Ltd. Copyright 2005, 1997, 1991 by Random House.
21. TAHDI – The American Heritage Dictionary of Idioms. Houghton Mifflin Company, 1992.
22. TAHRT – The American Heritage Roget's Thesaurus. Copyright. 2013, 2014 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. Published by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
23. TFD – The free dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>

Список источников фактического материала

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 т. Т. 9–10. – Л.: Наука, 1991.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. – Киев: Днипро, 1985. – 406 с.
3. Мельников-Печерский П.И. В лесах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 2616 с.
4. Михайловский Н.К. Герой безвременья. – М.: Художественная литература, 1891.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Директ-Медиа, 2015. – 982 с.
6. Скотт В. Аббат. – М.: Эхо, 1993. – 496 с.
7. Твен М. Рассказ коммивояжера. – Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 11 с.
8. Толстой А.Н. Хождение по мукам: Восемнадцатый год. – М.: Т8, 2019.
9. Bazin H. Cri de la chouette. – Grasse, 1991. – 304 p.
10. Dictionnaire français Larousse [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
11. DL – Dictionnaire littré. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.littre.org/definition/oie>
12. Farmer J.S., Henley W.E. Slang And Its Analogues Past And Present: A Dictionary...With Synonyms In English, French...Etc. V 5. – Palala Press, 2016. – 396 p.
13. Cendrars B. La main coupée. – Gallimard – Paris, 1974.

Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом относительно
концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК

Характеристики	Форматы знаний	Концептуальная основа интерпретации
Внешний вид человека: ✓ общее впечатление ✓ строение тела ✓ части тела ✓ черты лица ✓ чистоплотность ✓ мимика ✓ манера одеваться	формат зрительной перцепции формат наблюдения формат экспериенциальных эффектов ассоциативный формат	- знание о красоте/уродстве животного; - знание о физических параметрах животного: степени упитанности, росте (длине), весе; - знание о физических особенностях отдельных частей тела животного; - знание о мимике животного; - знание о состоянии шерсти, меха, оперения животного; - знание о густоте и форме шерсти, меха, оперения животного; - знание о форме жилища животного (при сравнении с прической человека); - знание о чистоплотности животного; - знание о способности животного воздействовать на одежду человека; - знание о способности/неспособности животного наносить вред здоровью человека; - гипотетическое знание о нелепом виде животного в нетипичной для представителей его вида экипировке или в человеческой одежде.
Физические качества человека: ✓ звуки	формат слуховой перцепции	- знание о громкости звуков, издаваемых животным,

✓ возраст ✓ кинетика ✓ сила	формат наблюдения формат операционального опыта ассоциативный формат	- знание о мелодичности звуков, издаваемых животным; - знание о звуках, производимых животным в определенной ситуации; - знание о поведении животного в период старения; - знание об опытности животного, обусловленной его возрастом; - знание о скорости передвижения животного; - знание о ловкости животного; - знание о плавности и амплитуде движения животного; - знание о способе передвижения животного; - знание о силе животного, проявляющейся во время охоты; - знание о силе животного, полученное в процессе проводимых с ним манипуляций; - гипотетическое знание о характере животного на основе его внешнего вида или производимых им звуков.
Моральные качества человека: ✓ характер ✓ поведение ✓ поступки	формат тактильной перцепции + ассоциативный формат формат наблюдения формат экспериенциальных эффектов	- знание качественных характеристик текстуры меха, шерсти, кожи или оперения животного; - знание о действиях животного в определенной ситуации; - знание отличительной черты характера животного; - знание о негативном воздействии животного на человека или его имущество.

	формат операционального опыта ассоциативный формат	животного кусаться, жалить, колотиться; - знание о возможности использования мяса животного в пищу; - гипотетическое знание о нахождении животного в организме человека; - знание о гипотетическом воздействии животного на психику человека.
Социальные отношения человека: ✓ род деятельности ✓ отношение к работе ✓ опыт ✓ семья и семейные отношения ✓ отношения с окружающими	формат зрительной перцепции формат зрительной перцепции + ассоциативный формат формат наблюдения формат наблюдения + формат операционального опыта формат экспериенциальных эффектов	- знание о внешности животного (цвете, наличии меха, оперения), - знание о наличии зубов или иголок у животного; - знание об особенностях передвижения животного; - знание о месте обитания животного; - знание о характере животного; - знание образа жизни животного; - знание об отношении животного к своему потомству; - знание о длительности близких отношений животных друг с другом; - знание о невозможности половых отношений между особями разных видов; - знание о взаимодействии животных друг с другом; - знание иерархической организации животных в группе; - знание о тяжелых условиях труда животного; - знание об опасном воздействии животного на человека;

	формат операционального опыта + формат функции	- знание об использовании животного или его отдельных частей при определенном роде деятельности; - знание о результатах воздействия человека или стихии на животное.
Способности человека: ✓ интеллектуальные способности ✓ физиологические способности	формат зрительной перцепции + ассоциативный формат формат наблюдения	- знание физических параметров животного (размера, длины); - знание о поведении животного, - знание об умении животного находить выход из сложной ситуации; - знание о выдающейся силе животного; - знание о зоркости животного; - знание образа передвижения животного (манеры двигаться, скорости движения); - знание о живучести животного.
Жизненно необходимые для человека процессы и их составляющие: ✓ сон ✓ прием пищи	формат наблюдения ассоциативный формат + формат наблюдения	- знание о глубине и продолжительности сна животного, - знание о циркадных ритмах животного; - знание о количестве потребляемой животным пищи; - знание о вкусовых предпочтениях животного; - знание о возможности употребления мяса животного в пищу. - знание о гипотетическом воздействии животного на спящего человека.
События в жизни человека: ✓ зачатие и рождение ✓ образ жизни ✓ характер смерти	формат наблюдения	- знание о скорости размножения животного, - знание о символической функции животного; - знание об уровне комфорта в жизни животного (нахождение в тепле, достаток пищи, сна);

	формат операционального опыта ассоциативный формат	- знание об отношении людей к животному; - знание о степени зависимости жизни животного от других; - знание о причине смерти животного; - знание об отсутствии рядом живых существ в момент смерти животного; - знание об отношении людей к смерти животного. - знание об использовании животного для диагностики беременности; - знание о гипотетическом нахождении животного в замкнутом пространстве.
Взаимосвязь характеристики с полом человека: ✓ половые характеристики ✓ гендерные характеристики	формат зрительной формат слуховой перцепции формат наблюдения ассоциативный формат + формат зрительной перцепции	- знание о наличии волосяного покрова на коже животного, - знание о степени упитанности животного; - знание о частотности звуков, издаваемых животным; - знание о физиологической особенности животного; - знание о пищевых инстинктах животного; - знание о неуклюжести животного; - знание о типичной черте характера животного; - знание об интеллектуальных способностях животного; - знание о гипотетическом влиянии цвета животного на его характер.

Таблица 2.

**Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом относительно
концептуально-тематической области АРТЕФАКТ**

Характеристики	Форматы знаний	Концептуальная основа интерпретации
Строительные конструкции: ✓ жилые помещения ✓ рабочие помещения ✓ функциональные площадки	формат зрительной перцепции формат функции формат наблюдения формат наблюдения + ассоциативный формат формат экспериенциальных эффектов + ассоциативный формат	- знание о размере, форме жилища животного; - знание об одном из функциональных назначений жилища животного; - знание о прочности жилища животного; - знание о чистоте жилища животного; - знание о месте расположения жилища животного; - знание об образе жизни животного; - знание о негативном воздействии животного на человека.
транспорт	формат зрительной перцепции формат наблюдения формат операционального опыта ассоциативный формат + формат наблюдения	- знания о цвете животного, - знание о размере животного; - знания о траектории перемещения животного; - знание об особенности кинетики животного; - знание об эксплуатации животного; - знание о количестве животных в замкнутом пространстве.
одежда, обувь	формат зрительной перцепции формат функции + формат наблюдения	- знание о форме части тела животного, - знание о цвете животного; - знание о функции покрова животного;

	формат наблюдения + ассоциативный формат	- знание о положении части тела животного в пространстве.
еда и напитки	формат зрительной перцепции + ассоциативный формат формат наблюдения формат функции формат экспериенциальных эффектов формат операционального опыта	- знание о форме животного; - знание о вкусовых предпочтениях животного - знание о функции животного; - знание о корме, который человек чаще всего дает животному; - знание об использовании мяса животного в пищу (в т.ч. для приготовления конкретного блюда).
мебель	формат зрительной перцепции	- знание о форме и размере животного.

Таблица 3.

Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом относительно
концептуально-тематической области НЕЖИВАЯ ПРИРОДА

Характеристики	Форматы знаний	Концептуальная основа интерпретации
температура воздуха	формат наблюдения формат операционального опыта	- знание об отношении животного к погодным условиям, - знание о действиях человека по отношению к животному в плохую погоду; - знание о сезоне охоты на животного.
природные осадки	формат зрительной перцепции формат наблюдения	- знание о форме и размере животного, - знание об отношении животного к осадкам; - знание о сезоне перелета птиц в теплые страны.

другие природные явления	формат зрительной перцепции + ассоциативный формат	- знание о цвете животного,
	формат наблюдения	- знание о месте обитания животного; - знание о кинетике животного;
	формат экспериенциальных эффектов	- знание о влиянии животного на человека;
	формат операционального опыта	- знание о погодных условиях для манипуляций, совершаемых с животным.
ландшафт	формат наблюдения + формат зрительной перцепции	- знание о ширине природного объекта, образованного в результате перемещения животных,
	формат наблюдения	- знание о траектории перемещения животного, - знание о способности животного преодолевать природный объект; - знание о месте обитания животного;
	формат экспериенциальных эффектов + ассоциативный формат	- знание о негативном воздействии животного (или его части) на человека.
Характеристики драгоценных и полудрагоценных камней: ✓ цвет камня ✓ световой эффект поверхности камня	формат зрительной перцепции	- знание о цвете глаз животного, - знание о реакции зрачков животного на свет; - знание о текстуре шкуры, оперения, чешуи или панциря животного.

Таблица 4.

Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом относительно
концептуально-тематической области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Характеристики	Форматы знаний	Концептуальная основа интерпретации
Внешний вид растения: ✓ цвет растения ✓ форма растения	формат зрительной перцепции	- знание о цвете животного и узоре на его шерсти, мехе или оперении (наличие

		пятен, полос, крапинок), - знание о форме животного или частей тела животного.
Свойства растения: ✓ питательные ✓ токсические ✓ целебные ✓ физиологические	формат наблюдения формат экспериенциальных эффектов	- знание о влиянии, оказываемом растением на животное; - знание о пригодности растения в пищу животному; - знание о функции животного или части тела животного; - знание о том, что укусы животных могут лечиться растением.

Таблица 5.

Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом относительно
концептуально-тематической области АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ

Характеристики	Форматы знаний	Концептуальная основа интерпретации
количество (включая отсутствие)	формат зрительной перцепции	- знание о размере животного,
	формат зрительной перцепции + формат наблюдения	- знание о размере животного и его неспособности поместиться куда-либо (при интерпретации отсутствия места);
	формат наблюдения	- знание об объеме пищи, требующемся животному для насыщения; - знание о том, что животное полностью съедает, попавшую к нему пищу;
	формат наблюдения + формат операционального опыта	- знание об усилиях, прилагаемых животным при реализации какой-либо деятельности; - знание о способности/неспособности животного совершить манипуляцию, связанную с

	ассоциативный формат	большим количеством чего-либо; - знание о гипотетическом отсутствии животного или части тела животного (например, хвоста) в интерпретируемом пространстве.
качество	формат зрительной перцепции + ассоциативный формат формат наблюдения формат экспериенциальных эффектов + ассоциативный формат	- знание о строении частей тела животного, - знание о качестве действия, совершаемого животным; - знание о качестве пищи животного; - знание о возможном негативном воздействии животного на человека.
мера и степень	формат зрительной перцепции формат слуховой перцепции формат обонятельной перцепции формат тактильной перцепции формат наблюдения	- знание о строении или физических параметрах частей тела животного, - знание о характере звуков, издаваемых животным; - знание о запахе животного; - знание о характере текстуры животного (о скользкой, пушистой, колючей поверхности); - знание о поведении животного; - знание о характере кинетики животного; - знание об интеллектуальных способностях животного; - знание о силе животного; - знание об интенсивности физиологических состояний животного.
положение/перемещение в пространстве	формат зрительной перцепции формат наблюдения	- знание о строении тела животного, - знание о типичной позе

	формат операционального опыта	животного, - знание о способе или направлении перемещения животного; - знание об эксплуатации животного в качестве транспортного средства.
время	формат наблюдения формат операционального опыта ассоциативный формат + формат зрительной перцепции	- знание о циркадных ритмах животного, - знание о действиях, совершаемых животным в определенное время; - знание о времени кормления животного; - знание о других манипуляциях, производимых с животными в определенное время; - знание о гипотетическом появлении физической характеристики, несвойственной животному, в определенное время.
образ действия	формат наблюдения ассоциативный формат	- знание о возможной локализации животного, - знание о физиологических возможностях животного; - знание о среде обитания животного; - знание о гипотетическом совершении определенного действия животным или качестве этого действия.
Формы перцепции: ✓ цвет ✓ форма и размер ✓ размер ✓ запах ✓ текстура ✓ вкус	формат зрительной перцепции формат слуховой перцепции формат обонятельной перцепции формат тактильной	- знание о цвете кожи, меха или оперения животного, - знание о размере и форме животного или отдельных частей его тела; - знание о звуках, издаваемых животным; - знание о запахе животного; - знание о текстуре

	перцепции формат вкусовой перцепции ассоциативный формат	поверхности животного (колючести, мягкости, гладкости, пушистости и т.д.); - знание о вкусе пищи животного; - знание о гипотетическом эффекте, который могут произвести на животного человеческая пища или напиток.
--	---	--